ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

ЗНАКЪ ЧЕТЫРЕХЪ.

Романъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.


КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.


Стремянная, № 12, собств. д.

ТИПОГРАФІЯ В. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., СОБСТВ. Д., № 12.

I. Дедуктивный методъ.

Шерлокъ Холмсъ снялъ съ камина бутылку и вынулъ изъ изящнаго сафьяннаго футляра шприцъ для подкожнаго вспрыскиванія. Длинными, бѣлыми нервными пальцами онъ вставилъ тонкую иглу и отвернулъ лѣвый рукавъ рубашки. На нѣсколько минутъ глаза его задумчиво остановились на мускулистой рукѣ и запястьи, испещренныхъ безчисленными знаками уколовъ. Наконецъ, онъ воткнулъ острую иглу, нажалъ крошечный поршень и откинулся на бархатное кресло съ облегченнымъ вздохомъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я три раза въ день наблюдалъ эту церемонію, но все еще не могъ привыкнуть къ ней. Напротивъ, съ каждымъ днемъ она раздражала меня все сильнѣе и сильнѣе и каждую ночь совѣсть упрекала меня въ недостаткѣ мужества. Я постоянно давалъ себѣ слово, что выскажу откровенно свое мнѣніе, но небрежныя спокойныя манеры моего пріятеля не допускали фамильярности. Его талантъ, властность, необыкновенныя способности—все это вмѣстѣ дѣлало меня робкимъ и застѣнчивымъ въ его присутствіи.

Но въ этотъ разъ, благодаря ли выпитому за закуской вину, или особенному раздраженію, вызванному его рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, я не въ силахъ былъ сдержаться дольше.

— Что это?—спросилъ я.—Морфій или кокаинъ?

Шерлокъ лѣниво поднялъ глаза отъ книги, которую только-что открылъ.

— Кокаинъ,—отвѣтилъ онъ,—семипроцентный растворъ. Желаете попробовать?

— Ну, нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ я.—Мой организмъ еще не вполнѣ оправился послѣ Афганской кампаніи. Я не могу слишкомъ напрягать его.

Онъ улыбнулся моей горячности.

— Можетъ быть вы правы, Ватсонъ,—сказалъ онъ.—Я думаю, что это вредно для тѣла. Но зато мысль такъ сильно возбуждается, такъ просвѣтляется, что все другое не имѣетъ значенія.

— Но подумайте хорошенько!—серьезно проговорилъ я.—Разсчитайте, стоитъ ли игра свѣчъ! Можетъ-быть, какъ вы говорите, разумъ вашъ и возбуждается, и просвѣтляется, но это нездоровый паталогическій процессъ, требующій усиленнаго обмѣна веществъ, и можетъ, въ концѣ концовъ, вызвать постоянную слабость. Вы знаете, какіе страшные припадки реакціи бываютъ у васъ. Право, игра не стоитъ свѣчъ. Къ чему, ради скоропроходящаго удовольствія, рисковать потерей тѣхъ великихъ талантовъ, которыми вы одарены? Помните, что я говорю не только какъ товарищъ товарищу, но и какъ медикъ человѣку, за здоровье котораго онъ отвѣчаетъ въ извѣстной степени.

Холмсъ, казалось, не обидѣлся моими словами. Онъ скрестилъ пальцы и положилъ локти на ручки кресла, какъ будто приготовляясь къ продолжительному разговору.

— Мой разумъ противится застою,—сказалъ онъ.—Дайте мнѣ загадки, дайте работу, дайте разобрать самый трудный шифръ или сдѣлать самый сложный анализъ,—я буду въ присущей мнѣ атмосферѣ и могу обойтись безъ искусственнаго возбужденія. Но я ненавижу скучную рутину жизни. Я жажду умственнаго возбужденія. Вотъ почему я и избралъ мою профессію—или, вѣрнѣе, создалъ ее, такъ какъ я единственный въ своемъ родѣ.

— Единственный неофиціальный сыщикъ?—сказалъ я, поднимая брови.

— Единственный неофиціальный сыщикъ, съ которымъ совѣтуются,—отвѣтилъ онъ.—Я—послѣдняя и высшая инстанція въ дѣлахъ сыска. Когда Грегсонъ, или Лестрадъ, или Эстельней Джонсъ теряются—что, между прочимъ, постоянно случается съ ними—дѣло передается мнѣ. Я разсматриваю данныя, какъ экспертъ, и даю заключеніе, какъ спеціалистъ. Мое имя не встрѣчается въ газетахъ. Работа сама по себѣ, удовольствіе примѣнить свои дарованія—вотъ высшая моя награда. Но вы сами познакомились нѣсколько и съ моимъ методомъ въ дѣлѣ Джеферсона Гопа.

— Да,—чистосердечно сказалъ я,—никогда въ жизни не

бывалъ я такъ пораженъ, какъ тогда. Я даже изобразилъ это дѣло въ маленькой брошюрѣ подъ нѣсколько фантастическимъ названіемъ «Красное по бѣлому».

Онъ печально покачалъ головой.

— Я просмотрѣлъ ее,—сказалъ онъ,—и по правдѣ сказать, не поздравляю васъ. Искусство сыска—точная наука, или, по крайней мѣрѣ, должно быть такой, а потому о ней слѣдуетъ говорить въ такомъ же холодномъ, равнодушномъ тонѣ. Вы же пытаетесь придать дѣлу романтическую окраску, что все равно, какъ если бы вы вставили любовную исторію или побѣгъ въ теорему Эвклида.

— Но дѣло то было романтическое,—возразилъ я.—Не могъ же я измѣнить факты.

— Нѣкоторые изъ нихъ можно было бы и пропустить или, по крайней мѣрѣ, сохранить должное соотвѣтствіе при описаніи ихъ. Единственное, о чемъ стоило упомянуть, это любопытный анализъ причинъ и слѣдствій, благодаря которому мнѣ удалось раскрыть это дѣло.

Это критическое отношеніе къ произведенію, которое я написалъ въ надеждѣ, что оно понравится Холмсу, непріятно подѣйствовало на меня. Признаюсь, что меня раздражилъ и эгоизмъ, съ которымъ мой пріятель требовалъ, чтобъ каждая строчка моего памфлета относилась исключительно къ его личнымъ подвигамъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ, что я жилъ съ нимъ въ улицѣ Бэкеръ, я не разъ замѣчалъ, что немалая доля тщеславія скрывается подъ его спокойнымъ, нравоучительнымъ тономъ. Но я ничего не отвѣтилъ и продолжалъ сидѣть, поглаживая раненую ногу. У меня въ ней застряла пуля и, хотя это не мѣшало мнѣ ходить, но нога сильно болѣла при каждой перемѣнѣ погоды.

— Въ послѣднее время мнѣ пришлось заняться на континентѣ,—сказалъ Холмсъ послѣ короткаго молчанія, набивая свою старую трубку.—У меня попросилъ совѣта Франсуа де-Вильяръ. Какъ вы знаете, онъ выдѣлился среди французскихъ сыщиковъ. Онъ вполнѣ обладаетъ способностью кельтовъ быстро схватывать данныя, но у него нѣтъ обширныхъ знаній, необходимыхъ для высшаго развитія искусства. Дѣло шло о завѣщаніи и представляло собой нѣкоторый интересъ. Я могъ указать ему на два подобныхъ событія, одно—въ Ригѣ въ 1857 г., другое—въ С.-Луи въ 1871, и такимъ образомъ навелъ на вѣрное рѣшеніе задачи. Вотъ письмо, которое я по-

лучилъ отъ него сегодня утромъ, гдѣ онъ благодаритъ меня за помощь.

Онъ бросилъ мнѣ смятое письмо на заграничной бумагѣ. Я пробѣжалъ его глазами и увидѣлъ массу восторженныхъ восклицаній, расточаемыхъ французомъ.

— Онъ пишетъ словно ученикъ учителю,—замѣтилъ я.

— О, онъ слишкомъ преувеличиваетъ мою помощь,—небрежно проговорилъ Холмсъ.—Онъ самъ достаточно талантливъ. Онъ обладаетъ двумя изъ трехъ качествъ, необходимыхъ для идеальнаго сыщика. У него есть наблюдательность и способность къ дедукціи. Ему не хватаетъ только знаній, но и это придетъ современемъ. Теперь онъ переводитъ на французскій языкъ мои сочиненія.

— Ваши сочиненія?

— О, развѣ вы не знали?—смѣясь, спросилъ онъ.—Да, каюсь, написалъ нѣсколько монографій. Всѣ онѣ касаются техническихъ вопросовъ. Вотъ напримѣръ: «О различіи золы разныхъ сортовъ табаку». Тутъ я перечисляю сто сорокъ сортовъ табаку, употребляемаго для сигаръ, папиросъ и трубокъ, и рисунками иллюстрирую разницу въ ихъ золѣ. Этотъ пунктъ постоянно встрѣчается въ уголовныхъ преступленіяхъ и иногда играетъ важную роль въ находкѣ преступника. Если, напримѣръ, вы можете навѣрно сказать, что убійство совершено человѣкомъ, который куритъ индѣйскій табакъ, то такимъ образомъ естественно ограничивается идея изслѣдованій: опытный глазъ сейчасъ же различаетъ пепелъ различныхъ сортовъ табака.

— У васъ геніальная способность отыскивать мельчайшія подробности.

— Я придаю имъ большое значеніе. Вотъ моя монографія насчетъ отыскиванія слѣдовъ ногъ съ примѣчаніями о томъ, что гипсъ хорошо сохраняетъ отпечатки слѣдовъ. Вотъ маленькая брошюра о вліяніи ремеслъ на форму руки, съ фотографіями рукъ кровельщиковъ, моряковъ, рабочихъ, дѣлающихъ пробки, композиторовъ, ткачей и шлифовальщиковъ. Все это вопросы большого практическаго интереса для ученаго сыщика особенно въ случаяхъ неопознанныхъ труповъ или для ознакомленія съ антецедентами преступника. Но я надоѣдаю вамъ съ моимъ конькомъ.

— Нисколько,—серьезно отвѣтилъ я.—Все это чрезвычайно интересуетъ меня особенно съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ при-

шлось видѣть на практикѣ примѣненіе вашихъ разсужденій. Но сейчасъ вы говорили о наблюдательности и способности къ выводамъ. Одна изъ этихъ особенностей до извѣстной степени предполагаетъ и другую.

— Ну, не совсѣмъ,—сказалъ онъ, съ наслажденіемъ откидываясь на спинку кресла и выпуская изъ трубки клубы голубого дыма.—Вотъ, напримѣръ, наблюдательность доказываетъ мнѣ, что сегодня утромъ вы были въ почтовомъ отдѣленіи на улицѣ Вигморъ, а способность къ выводамъ даетъ увѣренность, что вы отправляли тамъ телеграмму.

— Вѣрно!—сказалъ я.—Вѣрно и то, и другое. Но признаюсь, не вижу, какимъ образомъ вы узнали это. Я сдѣлалъ это по внезапному побужденію и никому не сказалъ ни слова.

— Дѣло самое простое,—замѣтилъ Холмсъ, усмѣхаясь при видѣ моего изумленія,—до смѣшного простое, не требующее объясненій; а между тѣмъ оно можетъ служить для объясненія границъ между наблюдательностью и способностью къ выводамъ. Наблюдательность заставляетъ меня замѣтить комочекъ красноватой земли, прилипшей къ подошвѣ вашего сапога. Какъ разъ напротивъ улицы Вигморъ поднятъ тротуаръ и разрыта земля такъ, что трудно не наступить на нее. Земля эта особаго красноватаго оттѣнка, и, насколько я знаю, встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ. Вотъ все, что касается наблюдательности. Остальное—дѣло способности къ выводамъ.

— Но какимъ образомъ вы пришли къ выводу, что я посылалъ телеграмму?

— Ну, вѣдь я знаю, что вы не писали письма, потому что сидѣлъ съ вами все утро. Въ открытомъ ящикѣ вашего стола я вижу много почтовыхъ марокъ и открытыхъ писемъ. Зачѣмъ же вамъ было идти въ почтовое отдѣленіе, какъ не затѣмъ, чтобы дать телеграмму? Откиньте всѣ другіе факторы—и останется истина.

— Въ этомъ случаѣ вы дѣйствительно правы,—сказалъ я послѣ короткаго молчанія.—Какъ вы сказали, дѣло совершенно простое. Вы не сочтете меня дерзкимъ, если я примѣню къ вашему методу болѣе строгій критеріумъ.

— Напротивъ,—отвѣчалъ Холмсъ.—Это только заставитъ меня отказаться отъ второй дозы кокаина. Буду очень радъ заняться всякой задачей, которую вы предложите мнѣ.

— Я слыхалъ какъ вы говорили, что трудно допустить,

чтобы человѣкъ, постоянно пользующійся какою нибудь вещью, не оставилъ на ней слѣдовъ своей личности, своей индивидуальности. Вотъ часы, которыя мнѣ недавно достались въ наслѣдство. Скажите, что можете вы по нимъ заключить о ихъ прежнемъ владѣльцѣ?

Я подалъ ему часы, надѣясь нѣсколько позабавиться, такъ какъ думалъ, что задаю ему невозможную задачу, и разсчитывалъ дать ему урокъ въ наказаніе за принимаемый имъ иногда догматическій тонъ. Онъ нѣсколько времени раскачивалъ часы въ рукѣ посмотрѣлъ на циферблатъ сначала простымъ глазомъ, а затѣмъ въ сильную лупу. Я еле сдерживалъ улыбку, при видѣ его лица когда онъ наконецъ захлопнулъ крышку и возвратилъ мнѣ часы.

— Нѣтъ почти никакихъ данныхъ,—проговорилъ онъ.— Часы были недавно въ чисткѣ, такъ что самые важные факты остаются неизвѣстными.

— Вы правы,—отвѣтилъ я.—Часы были въ чисткѣ передъ тѣмъ, какъ ихъ послали ко мнѣ.

Въ глубинѣ души я обвинялъ пріятеля въ томъ, что онъ выдумалъ самую неудачную причину для объясненія своего неуспѣха. Какихъ данныхъ могъ ожидать онъ отъ нечищенныхъ часовъ?

— Хотя изслѣдованія мои и не вполнѣ удовлетворительны, но все же не безплодны,—замѣтилъ Холмсъ, смотря на потолокъ задумчивыми, тусклыми глазами.—Если не ошибаюсь, часы эти принадлежали вашему брату, который получилъ ихъ въ наслѣдство отъ своего отца.

— Безъ сомнѣнія вы заключаете это изъ инициаловъ Г. В. на крышкѣ?

— Совершенно вѣрно. В—это начальная буква вашей фамиліи. Часы сдѣланы лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ и иниціалы того же времени; слѣдовательно, они принадлежали человѣку прошлаго поколѣнія. Драгоцѣнности обыкновенно переходятъ къ старшему сыну и онъ часто носитъ одно имя съ отцомъ. Если я не ошибаюсь, вашъ отецъ умеръ много лѣтъ тому назадъ. Слѣдовательно, часы были въ рукахъ вашего брата.

— До сихъ поръ все вѣрно,—сказалъ я.—Что дальше?

— Онъ былъ человѣкъ неаккуратный—очень неаккуратный и небрежный. У него были хорошія средства, но онъ не воспользовался представлявшимися ему шансами, жилъ въ бѣдности, нарушаемой иногда короткими періодами процвѣта-

нія, наконецъ, сталъ пить и умеръ. Вотъ все, что я могъ узнать.

Я вскочилъ съ кресла и съ нетерпѣніемъ, хромая, сталъ ходить по комнатѣ, ощущая чувство горечи въ душѣ.

— Это недостойно васъ, Холмсъ,—сказалъ я.—Никогда бы не повѣрилъ, что вы снизойдете до этого. Вы справлялись о жизни моего несчастнаго брата и теперь представляетесь, что узнали его исторію по какимъ-то фантастическимъ даннымъ. Вѣдь не думаете же вы, что я повѣрю, что вы узнали все это благодаря его старымъ часамъ! Это не хорошо съ вашей стороны, и, говоря по правдѣ, смахиваетъ на шарлатанство.

— Примите мои извиненія, милый докторъ,—ласково сказалъ онъ.—Смотря на дѣло съ отвлеченной точки зрѣнія, я совершенно забылъ, что это можетъ быть тяжело для васъ. Но увѣряю васъ, я не зналъ о существованіи вашего брата, пока вы не дали мнѣ эти часы.

— Какъ же, во имя всего чудеснаго, вы узнали всѣ эти факты? Они совершенно вѣрны во всѣхъ подробностяхъ.

— Ахъ, это просто удача. Я говорилъ только въ предѣлѣ вѣроятностей и никакъ не ожидалъ, что все замѣченное мною окажется настолько вѣрнымъ.

— Но вѣдь это не простая догадка?

— Нѣтъ, нѣтъ; я никогда не прибѣгаю къ догадкамъ, это отвратительная привычка, разрушительно дѣйствующая на логическія способности. Вамъ это кажется страннымъ, потому что вы слѣдуете ходу моихъ мыслей и не замѣчаете мелочей, отъ которыхъ зависятъ важныя заключенія. Напримѣръ, я началъ съ заявленія о небрежности вашего брата. Если вы обратите вниманіе на футляръ часовъ, то замѣтите, что онъ не только поцарапанъ въ двухъ мѣстахъ, но весь избитъ вслѣдствіе привычки держать въ карманѣ другіе жесткіе предметы, какъ, напр., монеты и ключи. Право вовсе ужъ не такъ трудно предположить, что человѣкъ такъ легкомысленно обращающійся съ часами стоющими пятьдесятъ гиней, долженъ быть небрежнымъ. Нѣтъ также ничего мудренаго и въ предположеніи, что человѣкъ, получающій въ наслѣдство такую дорогую вещь, обезпеченъ недурно и въ другихъ отношеніяхъ.

Я кивнулъ головой въ знакъ того, что слѣжу за нимъ.

— Англійскіе закладчики часто имѣютъ обыкновеніе выцарапывать булавкой номеръ квитанціи на внутренней сторонѣ крышки. Это удобнѣе, чѣмъ бумажая квитанція, которая мо-

жетъ затеряться. На крышкѣ я увидѣлъ въ лупу четыре такихъ номера. Заключеніе первое—вашъ братъ часто бывалъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Заключеніе второе—у него по временамъ бывали и средства, иначе, онъ не могъ бы выкупать часовъ. Теперь я попрошу васъ взглянуть на внутреннюю пластинку, гдѣ находится дырочка для ключа. Посмотрите на тысячи царапинъ вокругъ дырочки, указывающихъ мѣста, по которымъ скользитъ ключъ. Могъ ли трезвый человѣкъ провести ключемъ такія бороздки? Зато ихъ всегда можно видѣть на часахъ пьяницы. Онъ заводитъ часы ночью и оставляетъ слѣды невѣрной руки. Гдѣ же тутъ таинственность?

— Все ясно, какъ Божій день,—отвѣтилъ я.—Сожалѣю, что былъ несправедливъ къ вамъ. Мнѣ слѣдовало бы вѣрить больше въ вашъ удивительный даръ. Что у васъ есть какое-нибудь профессіональное дѣло въ настоящее время?

— Никакого. Оттого и появляется на сцену кокаинъ. Я не могу жить безъ умственной работы. Чего ради стоитъ жить? Встаньте къ окну. Что за ужасный, печальный, безполезный міръ! Посмотрите, какъ желтый туманъ кружится по улицѣ и несется вдоль мрачныхъ домовъ. Можетъ ли быть что-либо болѣе безнадежно прозаическое и обыденное? Что въ томъ, докторъ, что у человѣка есть талантъ, когда не къ чему примѣнить его? Банальныя преступленія, пошлая жизнь—тутъ и способности-то нужны обыденныя.

Я открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить на эту тираду, какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь. Вошла хозяйка съ визитной карточкой на мѣдномъ подносѣ.

— Къ вамъ барышня,—сказала она, обращаясь къ моему пріятелю.

— Миссъ Мэри Морстэнъ,—прочелъ Холмсъ.—Гмъ! не помню такой фамиліи. Попросите барышню войти, м-съ Хедсонъ. Не уходите, докторъ. Мнѣ хочется, чтобъ вы остались.

II. Изложеніе дѣла.

Миссъ Морстэнъ, наружно спокойная, вошла въ комнату твердой походкой. Это была бѣлокурая, изящная, молодая дѣвушка небольшого роста, одѣтая съ большимъ вкусомъ. Простота ея костюма указывала на ограниченность ея средствъ, Платье ея было изъ темно-сѣраго бежа безо всякой отдѣлки; шляпа того же цвѣта оттѣнялась только бѣлымъ крылышкомъ.

Лицо ея не отличалось ни правильностью чертъ, ни цвѣтомъ, но выраженіе было очень мило и привлекательно, а большіе голубые глаза сверкали умомъ и добротой. Я видѣлъ много женщинъ разныхъ національностей на трехъ материкахъ, но никогда не случалось мнѣ видѣть лица, въ которомъ отражалось бы столько утонченности и выразительности. Я не могъ не замѣтить, что, когда она сѣла на стулъ, предложенный ей Шерлокомъ Холмсомъ, губы у нея дрожали такъ же, какъ и руки. Вся она была, очевидно, охвачена сильнѣйшимъ волненіемъ.

— Я пришла къ вамъ, м-ръ Холмсъ,—начала она,—потому что вы помогли разъ м-съ Сесиль Форестеръ—у которой я занималась—распутать одно сложное домашнее дѣло. Вы произвели на нее большое впечатлѣніе своей добротой и искусствомъ.

— М-съ Сесиль Форестеръ,—задумчиво повторилъ онъ.— Помнится, мнѣ удалось сдѣлать ей кое-что. Дѣло, кажется, было совсѣмъ простое.

— Она не такъ думала. Но про мое дѣло вы не можете сказать этого. Я не могу представить себѣ болѣе страннаго, болѣе необъяснимаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время.

Холмсъ потеръ руки и глаза его заблестѣли. Онъ нагнулся и сидѣлъ съ выраженіемъ сосредоточеннаго вниманія на рѣзко очерченномъ ястребиномъ лицѣ.

— Разскажите ваше дѣло,—сказалъ онъ отрывистымъ, дѣловымъ тономъ.

Я почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ я, вставая со стула. Къ моему удивленію молодая дѣвушка протянула затянутую въ перчатку руку, чтобы удержать меня.

— Если вашъ другъ будетъ такъ добръ, что останется здѣсь, онъ окажетъ мнѣ громадную услугу,—проговорила она.

Я снова опустился на мѣсто.

— Вотъ въ короткихъ словахъ всѣ факты,—сказала она.— Отецъ мой служитъ офицеромъ въ одномъ изъ индійскихъ полковъ и отослалъ меня ребенкомъ въ Европу. Мать у меня умерла и въ Англіи не было родныхъ. Меня помѣстили въ хорошій пансіонъ въ Эдинбургѣ и я пробыла тамъ до семнадцати лѣтъ. Въ 1878 г. мой отецъ—старшій капитанъ въ своемъ полку—получилъ годовой отпускъ и пріѣхалъ домой. Онъ телеграфиро-

валъ мнѣ изъ Лондона о своемъ благополучномъ прибытіи и просилъ пріѣхать немедленно, причемъ прибавлялъ, что остановится въ отелѣ Лэнгхэмъ. Телеграмма, насколько я помню, была составлена въ очень ласковыхъ выраженіяхъ. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я тотчасъ же отправилась по данному адресу и узнала, что капитанъ Морстэнъ остановился въ отелѣ, но наканунѣ вечеромъ вышелъ и не возвращался болѣе. Весь день я ожидала его, но объ отцѣ не было никакихъ вѣстей. Вечеромъ, по совѣту управляющаго гостинницей, я дала знать полиціи, а на слѣдующее утро мы помѣстили объявленіе въ газетахъ. Наши розыски не привели ни къ какому результату и съ тѣхъ поръ о моемъ несчастномъ отцѣ не было ни слуху, ни духу. Онъ вернулся домой съ сердцемъ, полнымъ надежды, чтобы найти миръ, покой, и вмѣсто того...

Она подняла руку къ горлу и голосъ ея перервался отъ рыданій.

— Число?—спросилъ Холмсъ, открывая записную книжку.

— Онъ исчезъ 3-го декабря 1878 г.—почти десять лѣтъ тому назадъ.

— Багажъ?

— Остался въ гостинницѣ. Тамъ не было ничего, что могло бы послужить указаніемъ... платье, нѣсколько книгъ и много рѣдкостей съ Андаманскихъ острововъ. Онъ тамъ служилъ и ему былъ порученъ надзоръ за ссыльными.

— Были у него друзья въ городѣ?

— Мы знаемъ только одного... маіоръ Шольто изъ одного полка съ нимъ, 34 пѣхотнаго, Бомбейскаго. Маіоръ незадолго передъ тѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Верхнемъ Норвудѣ. Понятно, мы обратились къ нему, но онъ даже не слышалъ, что его товарищъ пріѣхалъ въ Англію.

— Странный случай,—сказалъ Холмсъ.

— Я еще не сказала о самомъ странномъ въ этомъ дѣлѣ. Лѣтъ шесть тому назадъ—именно 4-го мая 1882 г.—въ «Таймсѣ» появилось объявленіе, въ которомъ миссъ Мэри Морстэнъ просили сообщить ея адресъ для сообщенія благопріятныхъ для нея свѣдѣній. Въ объявленіи не было ни адреса, ни фамиліи. Въ то время я только что поступила гувернанткой въ семью м-съ Сесиль Форрестеръ. По ея совѣту я напечатала свой адресъ въ столбцѣ объявленій. Въ тотъ же день я получила по почтѣ маленькій картонный ящичекъ, въ которомъ оказалась очень большая и блестящая жемчужина. Кро-

мѣ этого не было ни строчки. Съ тѣхъ поръ, ежегодно въ то же самое число появлялся такой же ящичекъ съ жемчужиной, безъ обозначенія кто посылаетъ его; знатоки говорятъ, что жемчужины удивительнаго разнообразія и дорогой цѣны. Вы сами можете видѣть какъ онѣ хороши.

Она открыла плоскій ящичекъ и показала намъ шесть лучшихъ жемчужинъ, какихъ я видалъ когда-либо.

— Ваше показаніе очень интересно,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ.—Случилось съ вами еще что-нибудь?

— Да, и именно сегодня. Поэтому-то я и пришла къ вамъ. Сегодня утромъ я получила вотъ это письмо. Можетъ-быть, вы прочтете его сами.

— Благодарю васъ,—сказалъ Холмсъ.—Позвольте и конвертъ. Штемпель Лондонъ, Ю. З. Число 7-го іюля. Гмъ! Отпечатокъ большого пальца мужской руки—должно быть почтальона. Бумага лучшаго сорта. Конверты по шести пенсовъ за пачку. Человѣкъ разборчивый насчетъ письменныхъ принадлежностей. Адреса нѣтъ. «Будьте у третьей колонны съ лѣвой стороны отъ входа въ театрѣ «Лицеумъ» сегодня въ семь часовъ вечера. Если опасаетесь чего-либо, приведите съ собой двухъ друзей. Вы—жертва обмана. Не приводите полицію. Въ противномъ случаѣ все будетъ напрасно. Неизвѣстный другъ». Право, премиленькая тайна! Что же вы намѣреваетесь дѣлать, миссъ Морстэнъ?

— Вотъ это-то я и хотѣла спросить васъ.

— Тогда мы непремѣнно отправимся... вы, я и... да вотъ м-ръ Ватсонъ, самый подходящій человѣкъ. Вашъ корреспондентъ пишетъ о двухъ друзьяхъ. Доктору и прежде случалось работать со мной.

— Но согласится ли онъ?—спросила она съ умоляющимъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ.

— Буду очень польщенъ и счастливъ,—горячо отвѣтилъ я,—если могу быть полезнымъ вамъ.

— Вы оба очень добры,—отвѣтила она.—Я вела очень уединенную жизнь и мнѣ не къ кому обратиться. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ быть здѣсь къ шести часамъ?

— Только не опоздайте,—сказалъ Холмсъ.—Еще одинъ вопросъ. Что это тотъ же почеркъ, что на адресахъ полученныхъ вами ящичковъ съ жемчужинами?

— Я принесла всѣ эти адреса,—отвѣтила миссъ Морстэнъ, вынимая изъ кармана шесть клочковъ бумаги.

— Вы—примѣрная кліентка. Вы чувствуете, что необходимо. Ну-съ посмотримъ.—Онъ разложилъ на столѣ бумажки и быстро, внимательно просмотрѣлъ ихъ.— Почеркъ измѣненъ вездѣ, за исключеніемъ письма,—сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ,—но нѣтъ сомнѣнія, авторъ одинъ и тотъ же. Взгляните на буквы e и s. Несмотря на всѣ старанія, они имѣютъ вездѣ одинаковую форму. Несомнѣнно, онѣ написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Мнѣ бы не хотѣлось возбуждать обманчивыхъ надеждъ, миссъ Морстэнъ, но нѣтъ ли сходства между этимъ почеркомъ и почеркомъ вашего отца?

— Ни малѣйшаго.

— Я ждалъ, что вы это скажете. Итакъ мы будемъ ожидать васъ въ шесть часовъ. Пожалуйста, оставьте мнѣ эти бумаги. Я хорошенько разсмотрю ихъ. Теперь еще только половина четвертаго. А покуда, до свиданья.

— До свиданья,—повторила наша посѣтительница. Она взглянула на насъ обоихъ яснымъ, ласковымъ взглядомъ, спрятала футляръ съ жемчужинами и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Стоя у окна, я слѣдилъ, какъ она быстро шла по улицѣ, пока сѣрая шляпа съ бѣлымъ перомъ не исчезла въ темной толпѣ.

— Что за очаровательная женщина!—сказалъ я, оборачиваясь къ моему пріятелю.

Онъ уже опять закурилъ трубку и съ опущенными глазами откинулся на спинку кресла.

— Въ самомъ дѣлѣ,—небрежно проговорилъ онъ.—Я не замѣтилъ.

— Вы дѣйствительно какой-то автоматъ... счетная машина!—крикнулъ я.—По временамъ въ васъ чувствуется что-то нечеловѣческое.—Онъ улыбнулся.

— Самое главное—это не допускать вліянія личныхъ качествъ кліента на разсудокъ. Кліентъ—ничего болѣе какъ единица, факторъ въ проблемѣ. Способность къ чувствительности противорѣчитъ ясному разсужденію. Увѣряю васъ, что самая привлекательная женщина, которую я зналъ, была повѣшена за отравленіе трехъ дѣтей съ цѣлью полученія страховой преміи, а самый отвратительный по наружности изъ моихъ

знакомыхъ—филантропъ, истратившій около четверти милліона на лондонскихъ бѣдняковъ.

— Но въ данномъ случаѣ...

— Я никогда не дѣлаю исключеній. Исключеніе подтверждаетъ правило. Случалось вамъ когда-нибудь изучать характеръ человѣка по его почерку? Что скажете о почеркѣ этого человѣка?

— Онъ ясенъ и легко читается,—отвѣтилъ я.—Это человѣкъ дѣла и не лишенный силы воли.

Холмсъ покачалъ головой.

— Взгляните на его надстрочныя буквы. Онѣ еле возвышаются надъ другими. Это *d* похоже на *a*, *l* на *e*. Люди съ характеромъ всегда отличаютъ надстрочныя буквы, какъ бы ни былъ неясенъ ихъ почеркъ. Въ буквѣ к замѣтна неустойчивость, а въ заглавныхъ буквахъ чувствуется самоуваженіе. Я иду теперь. Нужно навести нѣкоторыя справки. Рекомендую вамъ эту книгу—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ когда-либо написанныхъ книгъ. Это—«Мученичество человѣка» Винвуда Рида. Я вернусь черезъ часъ.

Я сѣлъ къ окну съ книгой въ рукѣ, но мысли мои были далеки отъ смѣлыхъ предположеній писателя. Онѣ были заняты нашей недавней посѣтительницей—ея улыбкой, глубокимъ, звучнымъ тономъ ея голоса, странной тайной, омрачившей ея жизнь. Если во время исчезновенія отца ей было семнадцать лѣтъ, то теперь ей двадцать семь... славный возрастъ, когда молодость теряетъ свою самонадѣянность, а опытъ дѣлаетъ ее болѣе разсудительной. Такъ я сидѣлъ и мечталъ, пока въ голову мнѣ не пришли такія опасныя мысли, что я бросился къ своему столу и яростно углубился въ послѣднее сочиненіе по патологіи. Какъ смѣлъ я, бѣдный армейскій лѣкарь съ больной ногой, съ незначительными средствами думать о подобнаго рода вещахъ? Она—только единица, факторъ—ничего болѣе. Если будущее мое мрачно, лучше мужественно смотрѣть на него, чѣмъ пробовать украсить его блуждающими огоньками фантазіи.

III. Въ поискахъ за разрѣшеніемъ задачи.

Холмсъ вернулся въ половинѣ шестого. Онъ былъ сильно возбужденъ, веселъ и въ превосходномъ настроеніи духа, что всегда чередовалось у него съ припадками мрачнаго унынія.

— Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего особенно таинственнаго,—

сказалъ онъ, беря чашку чая, которую я налилъ ему.—Факты допускаютъ только одно толкованіе.

— Какъ! вы уже узнали все?

— Ну, это слишкомъ много. Я напалъ только на важный слѣдъ. Вотъ и все. Но правда, *очень* важный. Придется узнать подробности. Я только-что нашелъ, просмотрѣвъ объявленія въ «Таймсѣ», что маіоръ Шольто изъ Верхняго Норвуда, служившій въ 34 пѣхотномъ Бомбейскомъ полку, умеръ 28 апрѣля 1882 г.

— Вѣроятно, я очень тупъ, Холмсъ, потому что не понимаю, какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ.

— Неужели! Вы удивляете меня. Ну, такъ прислушайтесь. Капитанъ Морстэнъ исчезаетъ. Маіоръ Шольто—единственное лицо, знакомое ему въ Лондонѣ. Маіоръ Шольто отрицаетъ, что зналъ о пріѣздѣ мистера Морстэна. Спустя четыре года маіоръ Шольто умираетъ. Черезъ недѣлю послѣ его смерти дочь капитана Морстэна получаетъ дорогой подарокъ, что повторяется ежегодно и заканчивается письмомъ, гдѣ говорится о томъ, что она обманута. Что это за обманъ? И почему эти подарки начинаются немедленно послѣ смерти Шольто? Вѣроятно, наслѣдникъ Шольто знаетъ истину и хочетъ вознаградить пострадавшую. Есть у васъ какая-нибудь теорія, которую вы можете противопоставить этимъ фактамъ?

— Но что за странное вознагражденіе! И какъ странно оно выражается! И почему онъ пишетъ только теперь, а не шесть лѣтъ тому назадъ? Затѣмъ тутъ говорится объ обманѣ. Вѣдь не можетъ быть, чтобы ея отецъ не умеръ. Другого же обмана, насколько извѣстно, нѣтъ въ этомъ дѣлѣ.

— Конечно, тутъ есть затрудненія, большія затрудненія,— задумчиво проговорилъ Шерлокъ Холмсъ,—но сегодняшняя наша экспедиція разсѣетъ ихъ... А! вотъ и карета и въ ней миссъ Морстэнъ. Готовы ли вы? Такъ идемте, такъ какъ уже немного больше шести часовъ

Я схватилъ шляпу и самую толстую палку, но замѣтилъ, что Холмсъ вынулъ изъ ящика револьверъ и сунулъ его въ карманъ. Очевидно, онъ ожидалъ, что дѣло намъ предстоитъ серьезное.

Миссъ Морстэнъ была укутана въ темный плащъ. Ея выразительное лицо было спокойно, но блѣдно. Нужно было быть болѣе чѣмъ женщиной, чтобы не чувствовать безпокойства отъ предпринимаемаго нами страннаго шага, но она вполнѣ

владѣла собой и охотно отвѣчала на нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, которые предложилъ ей Шерлокъ Холмсъ.

— Маіоръ Шольто былъ закадычный другъ папы,—сказала она.—Въ письмахъ отца постоянно упоминалось имя маіора. Онъ и отецъ командовали войсками на Андаманскихъ островахъ, такъ что имъ приходилось постоянно имѣть дѣло другъ съ другомъ. Между прочимъ, въ столѣ папы оказалась любопытная бумага, которой никто не могъ понять. Не думаю, чтобы она могла имѣть какое-нибудь значеніе, но захватила ее съ собой на случай, если бы вы захотѣли просмотрѣть ее. Вотъ эта бумага.

Холмсъ осторожно раскрылъ бумагу и расправилъ ее у себя на колѣняхъ. Потомъ методически сталъ разсматривать ее въ лупу.

— Эта бумага мѣстнаго индійскаго производства,—замѣтилъ онъ.—Нѣсколько времени она была приштилена къ доскѣ. Изображенная на ней діаграма, какъ кажется, планъ части большого зданія съ многочисленными сѣнями, корридорами и проходами. Въ одномъ мѣстѣ маленькій крестъ, сдѣланый красными чернилами, а надъ нимъ написано: «3,37 слѣва», еле видно карандашемъ. Въ лѣвомъ углу странный іероглифъ вродѣ четырехъ крестовъ врядъ, соприкасающихся концами. Рядомъ написано грубымъ, нескладнымъ почеркомъ:—знакъ четырехъ—Джонатанъ Смолль, Магометъ Сингъ, Абдулла-Ханъ, Достъ-Акбаръ». Да, признаюсь, не вижу, какое отношеніе это можетъ имѣть къ нашему дѣлу. Но очевидно это важный документъ—и тщательно сохранялся въ бумажникѣ, такъ какъ обѣ стороны его одинаково чисты.

— Мы нашли его въ бумажникѣ отца.

— Такъ сберегите его, миссъ Морстэнъ, потому что онъ можетъ быть полезенъ намъ. Я начинаю подозрѣвать, что дѣло это вовсе не такъ просто, какъ мнѣ показалось сначала. Придется обдумать его еще разъ.

Онъ откинулся на подушку экипажа и по его нахмуренному лбу и разсѣянному взгляду я увидѣлъ, что онъ погрузился въ глубокое раздумье. Миссъ Морстэнъ и я болтали вполголоса о нашей поѣздкѣ и возможномъ исходѣ ея, но нашъ спутникъ хранилъ непроницаемое молчаніе, пока мы не доѣхали до цѣли нашего путешествія.

Стоялъ сентябрьскій вечеръ и не было еще семи часовъ, но день былъ холодный и густой туманъ окутывалъ громадный

городъ. Темныя тучи печально нависли надъ грязными улицами. Фонари на Страндѣ казались неясными пятнами разсѣяннаго свѣта, бросавшими слабый отблескъ на скользкіе тротуары. Желтый блескъ изъ оконъ магазиновъ вливался въ сырой, насыщенный парами, воздухъ и бросалъ невѣрный свѣтъ на кишѣвшую народомъ улицу. Что-то странное, фантастическое чудилось мнѣ въ непрерывной процессіи лицъ, мелькавшихъ въ этихъ слабыхъ полосахъ свѣта—лица печальныя и счастливыя, блѣдныя и веселыя. Какъ и все человѣчество, они то выходили изъ мрака на свѣтъ, то снова исчезали во мракѣ. Я вообще не склоненъ къ впечатлительности, но скучный, мрачный вечеръ въ соединеніи съ ожидавшимъ насъ страннымъ свиданіемъ, разстроили мои нервы и нагнали тоску. Я видѣлъ, что и миссъ Морстэнъ страдала отъ того же чувства. Одинъ Холмсъ стоялъ выше всякой мелочной впечатлительности. На колѣняхъ у него лежала открытая записная книга, въ которую онъ по временамъ записывалъ какія-то цифры и замѣтки при свѣтѣ фонаря, который былъ у него въ карманѣ.

Толпы народа уже стояли у боковыхъ входовъ въ театръ. Передъ главнымъ входомъ непрерывный потокъ двухмѣстныхъ и четырехмѣстныхъ каретъ подъѣзжалъ къ подъѣзду, высаживая грузъ мужчинъ въ крахмальныхъ рубашкахъ и женщинъ въ накидкахъ и брилліантахъ. Мы только что дошли до третьей колонны—назначеннаго намъ мѣста свиданья—какъ къ намъ подошелъ проворный, смуглый человѣкъ небольшого роста въ кучерской одеждѣ.

— Вы пріѣхали съ миссъ Морстэнъ?—спросилъ онъ.

— Я—миссъ Морстэнъ, а эти господа—мои друзья,—сказала она.

Незнакомецъ устремилъ на насъ свой удивительно проницательный и вопросительный взглядъ.

— Извините меня, миссъ,—сказалъ онъ нѣсколько упрямо,—но мнѣ приказано просить васъ дать слово, что съ вами нѣтъ полицейскаго.

— Даю вамъ слово,—отвѣтила она.

Онъ рѣзко свиснулъ и тотчасъ какой-то бродяга позвалъ кэбъ и открылъ дверцу. Говорившій съ нами взобрался на козлы, а мы сѣли внутрь. Мы только-что успѣли сдѣлать это, какъ возница ударилъ лошадь и мы понеслись бѣшенымъ галопомъ по туманнымъ улицамъ.

Положеніе было любопытное. Мы ѣхали въ неизвѣстное мѣсто, по неизвѣстному дѣлу. Но полученное нами приглашеніе было или мистификаціей—что казалось непонятной гипотезой—или намъ приходилось думать, что наша поѣздка будетъ имѣть важныя послѣдствія. Поведеніе миссъ Морстэнъ было все такъ же рѣшительно и спокойно. Я пробовалъ занять ее и развлечь воспоминаніями о моихъ приключеніяхъ въ Афганистанѣ; но, сказать по правдѣ, я самъ былъ такъ возбужденъ нашимъ положеніемъ и такъ заинтересованъ тѣмъ, куда насъ везутъ, что разсказы мои были врядъ ли занимательны. По сей день она увѣряетъ, что я разсказалъ ей трогательный анекдотъ о томъ, какъ въ глубокую ночь въ палатку ко мнѣ заглянулъ мушкетъ и какъ я выстрѣлилъ въ него двумя зарядами изъ дѣтеныша тигра. Сначала я еще отдавалъ себѣ отчетъ о направленіи, въ которомъ насъ везутъ; но скоро отъ быстроты движенія, тумана, малаго знакомства съ Лондономъ, я совершенно потерялъ сознаніе мѣстности и понималъ только, что мы, какъ казалось, ѣхали очень далеко. Но Шерлокъ Холмсъ нисколько не потерялся и бормоталъ названіе скверовъ и переулковъ, по которымъ съ трескомъ проѣзжалъ нашъ кэбъ.

— Рочесторъ-Роу,—говорилъ онъ .—Теперь Винцентскій скверъ. Теперь мы выѣхали на дорогу къ вокзальному мосту. Очевидно, мы ѣдемъ въ сторону Серрея. Да, такъ я и думалъ. Вотъ мы и на мосту. Можно видѣть рѣку.

Дѣйствительно, мы мелькомъ увидѣли Темзу и фонари, горѣвшіе на широкомъ, безмолвномъ водяномъ пространствѣ. Кэбъ нашъ продолжалъ мчаться и скоро мы очутились въ лабиринтѣ улицъ противоположной стороны рѣки.

— Дорога въ Вандвертъ,—продолжалъ мой пріятель.—Въ Пріоратъ. Площадь Стоквель. Улица Робертъ... Однако намъ приходится ѣхать не по очень фэшенебельнымъ мѣстамъ.

Дѣйствительно, мы очутились въ сомнительной и угрожающаго вида мѣстности. Длинныя линіи кирпичныхъ домовъ прерывались только грубымъ блескомъ ярко освѣщенныхъ питейныхъ заведеній на углахъ улицъ. Затѣмъ пошли двухъэтажныя виллы, съ миніатюрными садиками впереди, и снова безконечный рядъ новыхъ кирпичныхъ зданій—чудовищныхъ щупалецъ, которыя гигантскій городъ выбрасываетъ въ деревню. Наконецъ, кэбъ остановился у третьяго дома на новой террасѣ. Другіе дома были необитаемы, да и въ томъ, передъ

которымъ мы остановились, только въ кухнѣ виднѣлся слабый свѣтъ. На нашъ стукъ дверь сейчасъ же отворилъ слуга-индусъ въ желтомъ тюрбанѣ, въ бѣлой одеждѣ съ свободными складками и желтомъ кушакѣ. Странно неподходящей казалась эта восточная фигура въ рамкѣ банальной двери и третье-степеннаго пригороднаго дома.

— Саибъ ожидаетъ васъ,—сказалъ онъ и въ то же время изъ внутренней комнаты раздался громкій, проницательный голосъ.

— Введи ихъ;—кричалъ этотъ голосъ.—Введи прямо ко мнѣ.

IV. Исторія лысаго человѣка.

Мы шли за индусомъ вдоль грязнаго, плохо освѣщеннаго и скудно меблированнаго коридора, пока онъ не остановился передъ одной изъ дверей направо и отворилъ ее. На насъ хлынулъ потокъ яркаго желтаго свѣта, въ центрѣ котораго стоялъ человѣкъ маленькаго роста, съ очень большой головой, обрамленной бахромой щетинистыхъ рыжихъ волосъ, окружавшихъ лысый, блестящій черепъ, который подымался среди нихъ какъ вершина горы среди сосенъ. Разговаривая, онъ постоянно вертѣлъ руками, а лицо его ни на одно мгновеніе не оставалось спокойнымъ и постоянно переходило изъ улыбающагося въ сердитое. Природа дала ему отвисшую губу и слишкомъ видный рядъ желтыхъ, неправильныхъ зубовъ, что онъ старался скрыть, безпрестанно проводя рукой по нижней части лица. Несмотря на отсутствіе волосъ онъ производилъ впечатлѣніе молодости. Дѣйствительно, ему только-что исполнилось тридцать лѣтъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, миссъ Морстэнъ,—нѣсколько разъ повторилъ онъ своимъ тонкимъ, высокимъ голосомъ.— Пожалуйста, войдите въ мое маленькое святилище. Маленькое убѣжище, миссъ, но убранное по моему вкусу. Оазисъ искусства въ ужасной пустынѣ южнаго Лондона.

Всѣ мы были удивлены видомъ комнаты, въ которую онъ пригласилъ насъ. Въ этомъ жалкомъ домѣ она походила на неподходящій къ мѣсту брилліантъ чистѣйшей воды въ мѣдной оправѣ. Богатѣйшія, блестящія вышивки украшали стѣны; среди нихъ мѣстами виднѣлись картины въ драгоцѣнныхъ рамахъ или восточныя вазы. Коверъ желтаго и черныхъ цвѣтовъ былъ такъ мягокъ и пушистъ, что нога утопала въ немъ,

какъ во мху. Брошенныя на немъ двѣ тигровыя шкуры увеличивали впечатлѣніе восточной роскоши такъ же, какъ и кальянъ, стоявшій на цыновкѣ въ одномъ изъ угловъ комнаты. Въ центрѣ комнаты на еле замѣтной золотой проволокѣ висѣла лампа въ видѣ серебрянаго голубя, наполнявшая воздухъ тонкимъ, ароматическимъ запахомъ.

— М-ръ Таддеусъ Шольто,—сказалъ человѣчекъ, весь подергиваясь и улыбаясь.—Вотъ моя фамилія. Конечно вы миссъ Морстэнъ. А эти господа...

— М-ръ Шерлокъ Холмсъ и докторъ Ватсонъ.

— Что, докторъ, а?—крикнулъ онъ возбужденнымъ тономъ.—Съ вами вашъ стетоскопъ? Могу я попросить васъ... не будете ли вы такъ добры? Я сильно опасаюсь насчетъ одного изъ клапановъ моего сердца. Одинъ-то, я знаю, въ порядкѣ, а вотъ какъ другой.

По его желанію я выслушалъ его сердце, но не нашелъ ничего, хотя онъ, очевидно, испытывалъ паническій страхъ, такъ какъ дрожалъ съ головы до ногъ.

— Оно вполнѣ нормально,—сказалъ я,—и вамъ нѣтъ повода къ безпокойству.

— Извините мою тревогу, миссъ Морстэнъ,—весело замѣтилъ м-ръ Шольто.—Я сильно страдаю и давно уже боялся за этотъ клапанъ. Я въ восторгѣ, что мои подозрѣнія оказались неосновательными. Если бы вашъ отецъ, миссъ Морстэнъ, не такъ напрягалъ свое сердце, онъ былъ бы живъ до сихъ поръ.

Я былъ въ состояніи дать пощечину этому человѣку, такъ я разсердился на него за безтактное и грубое отношеніе къ такому деликатному вопросу. Миссъ Морстэнъ сѣла, лицо ея страшно поблѣднѣло.

— Сердце говорило мнѣ, что онъ умеръ,—проговорила она.

— Я могу сообщить вамъ всѣ подробности,—сказалъ онъ,—и болѣе того, могу исправить оказанную вамъ несправедливость и сдѣлаю это, чтобы ни сказалъ братъ Бартоломей. Я такъ радъ, что вижу у себя вашихъ друзей—не только въ качествѣ вашей свиты, но какъ и свидѣтелей того, что я намѣреваюсь дѣлать и говорить. Втроемъ мы сумѣемъ устоять противъ брата Бартоломея. Но, пожалуйста, безъ постороннихъ, безъ полицейскихъ и чиновниковъ. Мы можемъ все

устроить между нами, безъ чужого вмѣшательства. Публичность болѣе всего оскорбитъ брата Бартоломея.

Онъ сѣлъ на низкую кушетку и, мигая, вопросительно смотрѣлъ на насъ своими слабыми, водянистыми глазами.

— Что касается меня,—сказалъ Холмсъ,—все, что вы разскажете, останется при мнѣ.

Я кивнулъ головой въ подтвержденіе его словъ.

— Это хорошо! Очень хорошо!—сказалъ онъ.—Могу я предложить вамъ стаканъ Кіанти, миссъ Морстэнъ? Или токайскаго? Я не держу другихъ винъ. Откупорить бутылку? Нѣтъ? Ну, такъ надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ табачнаго дыма, противъ бальзамическаго запаха восточнаго табака. Я нѣсколько нервенъ и трубка несказанно успокаиваетъ меня.

Онъ приложилъ спичку къ большой чашѣ и дымъ сталъ весело пробираться сквозь розовую воду. Мы, всѣ трое, сидѣли полукругомъ, вытянувъ впередъ головы и подпирая рукою подбородокъ, а странный, весь подергивающійся человѣчекъ съ высокой, блестящей головой, безпокойно курилъ въ центрѣ круга.

— Когда я рѣшился вызвать васъ на свиданіе,—началъ онъ,—я могъ бы дать вамъ мой адресъ; но я боялся, что вы не обратите вниманія на мою просьбу и приведете съ собой непріятныхъ людей. Поэтому я взялъ на себя смѣлость назначить вамъ свиданіе такъ, чтобъ мой слуга Вильямсъ могъ бы сначала видѣть васъ. Я вполнѣ увѣренъ въ его скромности и потому далъ ему приказаніе, въ случаѣ если наблюденія его будутъ неблагопріятны, не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Извините меня за эти предосторожности, но я человѣкъ застѣнчивый, могу даже сказать, утонченныхъ вкусовъ, а нѣтъ ничего болѣе не эстетичнаго, какъ полицейскіе. У меня природное отвращеніе ко всѣмъ формамъ грубаго матеріализма. Я рѣдко прихожу въ соприкосновеніе съ грубой толпой. Я живу, какъ видите, до извѣстной степени въ атмосферѣ изящества. Могу назвать себя покровителемъ искусствъ. Это моя слабость. Этотъ пейзажъ—дѣйствительно, Коро, и, если знатокъ, можетъ-быть, нѣсколько усумнится въ этомъ Сальваторѣ Розѣ, то относительно Бугеро не можетъ явиться и тѣни сомнѣнія. Я чувствую пристрастіе къ современной французской школѣ.

— Извините меня, м-ръ Шольто,—сказала миссъ Мор-

стэнъ,—но я явилась сюда, чтобы узнать то, что вы желаете сказать мнѣ. Уже очень поздно и я желаю, чтобы наше свиданіе было насколько можно короче.

— Во всякомъ случаѣ, оно займетъ нѣсколько времени, — отвѣтилъ онъ, — потому что намъ непремѣнно нужно отправиться въ Новрудъ и повидаться съ братомъ Бартоломеемъ. Онъ очень сердитъ на меня за то, что я избралъ путь, который показался мнѣ справедливымъ. Вчера вечеромъ я даже побранился съ нимъ. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ ужасенъ въ гнѣвѣ.

— Если намъ ѣхать въ Норвудъ, то не лучше ли отправиться сейчасъ же,—осмѣлился замѣтить я.

Шольто разсмѣялся такъ, что уши у него покраснѣли.

— Это не годится,—крикнулъ онъ.—Не знаю, что бы онъ сказалъ, если бы я привезъ васъ нежданно-негаданно. Нѣтъ, прежде всего я долженъ приготовить васъ, разсказавъ, въ какомъ отношеніи всѣ мы стоимъ другъ къ другу. Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что въ этой исторіи есть много непонятнаго для меня самого. Я могу изложить факты только, насколько они извѣстны мнѣ.

«Отецъ мой—какъ вы уже, вѣроятно, догадались—былъ Маіоръ Джонъ Шольто, служившій нѣкогда въ индійской арміи. Лѣтъ одиннадцать тому назадъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Пондишерри-Лоджъ въ Верхнемъ Норвудѣ. Онъ разботатѣлъ въ Индіи и привезъ оттуда значительную сумму денегъ, большую коллекцію цѣнныхъ рѣдкостей и штатъ туземныхъ слугъ. На родинѣ онъ купилъ большой домъ и жилъ роскошно. Мы съ братомъ Бартоломеемъ близнецы и его единственныя дѣти.

«Я очень хорошо помню впечатлѣніе, произведенное исчезновенімъ капитана Морстэна. Мы читали подробности этого происшествія въ газетахъ и, зная, что онъ былъ другомъ отца, свободно обсуждали прочитанное въ его присутствіи. Онъ вмѣстѣ съ нами дѣлалъ предположенія о томъ,что случилось съ его пріятелемъ. Ни одно мгновеніе мы не подозрѣвали, какая тайна была сокрыта въ глубинѣ его сердца, что ему одному изъ всѣхъ людей была извѣстна судьба Артура Мерстэна.

«Но мы знали, что какая-то тайна, какая-то опасность висѣла надъ нашимъ отцомъ. Онъ боялся одинъ выходить изъ дома и нанималъ постоянно въ привратники двухъ извѣстныхъ

кулачныхъ бойцовъ Пондишерри-Лоджъ. Вильямсъ, который везъ васъ сегодня,—одинъ изъ нихъ. Одно время онъ былъ чэмпіономъ Англіи. Отецъ никогда не говорилъ намъ, чего онъ боялся, но у него было сильное отвращеніе къ людямъ съ деревянными ногами. Одинъ разъ онъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ человѣка на деревяшкѣ, который оказался самымъ безвреднымъ торговцемъ, желавшимъ получить заказъ. Намъ пришлось уплатить крупную сумму, чтобы замять это дѣло. Мы съ братомъ считали это просто чудачествомъ со стороны отца, но послѣдующія событія заставили насъ измѣнить это мнѣніе.

«Въ началѣ 1882 г. отецъ получилъ письмо изъ Индіи, которое страшно потрясло его. Когда онъ вскрылъ его за завтракомъ, то почти лишился чувствъ, и съ этого дня хворалъ до смерти. Мы такъ и не узнали, что это было за письмо, но я успѣлъ замѣтить, что оно было коротко и написано плохимъ почеркомъ. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ страдалъ сильнымъ сплиномъ, но съ этихъ поръ здоровье его стало быстро ухудшаться и въ концѣ апрѣля мы узнали, что онъ безнадеженъ и желаетъ сказать намъ нѣчто передъ смертью.

«Когда мы вошли въ комнату, онъ сидѣлъ, поддерживаемый подушками и тяжело дышалъ. Онъ велѣлъ намъ запереть дверь и подойти къ нему. Потомъ, схвативъ наши руки, онъ сдѣлалъ намъ замѣчательное признаніе голосомъ, прерывающимся отъ волненія и горя. Постараюсь передать все его словами.

— Въ эту послѣднюю торжественную минуту только одна мысль тяготитъ мой умъ,—сказалъ онъ.—Это мое отношеніе къ бѣдной сиротѣ-дочери Морстэна. Проклятая алчность, главный грѣхъ моей жизни, заставила меня удержать драгоцѣнности, половина которыхъ, по крайней мѣрѣ, должна была бы принадлежать ей. А между тѣмъ и я самъ не воспользовался ими,—скупость такая слѣпая и глупая привычка. Одно сознаніе обладанія было такъ дорого мнѣ, что я не выносилъ мысли подѣлиться имъ съ кѣмъ бы то ни было. Видите эту діадему съ жемчужинами, четки около склянки съ хининомъ? Даже съ ними я не могъ разстаться, хотя и пріобрѣлъ ихъ съ намѣреніемъ послать ей. Вы, дѣти мои, дадите ей хорошую долю сокровищъ Агры. Но не посылайте ей ничего—даже этой діадемы, пока я не умру. Вѣдь бывали же примѣры, что и такіе больные, какъ я, поправлялись.

«Разскажу вамъ, какъ умеръ Морстэнъ, —продолжалъ

онъ.—У него уже давно было слабо сердце, но онъ скрывалъ это ото всѣхъ, кромѣ меня. Въ Индіи мы съ нимъ, благодаря замѣчательному сцѣпленію обстоятельствъ, стали обладателями значительнаго богатства. Я привезъ его въ Лондонъ и Морстэнъ вечеромъ того же дня, какъ пріѣхалъ въ Лондонъ, явился ко мнѣ за своею частью. Онъ пришелъ со станціи и мой вѣрный старикъ Лаль Хоударъ, теперь уже умершій, впустилъ его въ домъ. Мэрстэнъ и я были несогласны относительно раздѣла сокровищъ и оба горячились. Въ припадкѣ гнѣва Морстэнъ вскочилъ со стула; вдругъ онъ приложилъ руку къ серцу, лицо его потемнѣло и онъ упалъ навзничь, ударившись головой объ уголъ ящика съ драгоцѣнностями. Когда я нагнулся надъ нимъ, то съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ уже былъ мертвъ.

«Долго я сидѣлъ, какъ безумный раздумывая о томъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать. Первымъ моимъ порывомъ было позвать кого-нибудь на помощь, но я не могъ не признать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, буду обвиненъ въ его убійствѣ. Смерть его во время ссоры и рана на головѣ явно свидѣтельствовали противъ меня. Къ тому же оффиціальное слѣдствіе по необходимости обнаружило бы нѣкоторые факты насчетъ драгоцѣнностей, которые я особенно хотѣлъ скрыть. Морстэнъ сказалъ мнѣ, что ни одна душа на свѣтѣ не знала, куда онъ ушелъ. Зачѣмъ же было какой-нибудь душѣ и знать это?

«Я все еще обдумывалъ мое положеніе, когда, нечаянно поднявъ глаза, увидѣлъ въ дверяхъ моего слугу, Лаль Хоудара. Онъ неслышно вошелъ въ комнату и заперъ за собой дверь на задвижку.—Не бойтесь, сагибъ,—сказалъ онъ,—никто не долженъ знать, что вы убили его. Спрячемъ его, и кому какое дѣло?—Я не убилъ его,—возразилъ я. Лаль Хоударъ, улыбаясь, покачалъ головой.—Я слышалъ все, сагибъ,—сказалъ онъ.—Слышалъ и ссору, и ударъ. Но уста мои закрыты. Всѣ въ домѣ спятъ. Вынесемъ его отсюда.—Его слова разрѣшили мои сомнѣнія. Если мой собственный слуга не вѣритъ въ мою невинность, то какъ я могу надѣяться оправдаться передъ двѣнадцатью глупыми торговцами, сидящими на скамьѣ присяжныхъ? Лаль Хоударъ и я въ ту же ночь убрали трупъ, а черезъ нѣсколько дней всѣ лондонскія газеты были наполнены извѣстіями о таинственномъ исчезновеніи капитана Морстэна. Изъ моихъ словъ вы можете видѣть, что меня врядъ-ли можно обвинить въ этой случайности.

Вина моя заключается въ томъ, что мы скрыли не только трупъ, но и драгоцѣнности, и что я завладѣлъ долей Морстэна, равно какъ и моей. Поэтому я хочу, чтобы вы возвратили взятое мною. Наклонитесь поближе ко мнѣ. Драгоцѣнности спрятаны въ...

«Въ это мгновеніе выраженіе его лица страшно измѣнилось; глаза его уставились въ пространство съ безумнымъ взглядомъ; нижняя челюсть отпала и онъ закричалъ голосомъ, котораго я не могу забыть до сихъ поръ:—Не пускайте его! Ради Бога не пускайте!—Мы оба повернулись къ окну назади насъ, съ котораго онъ не спускалъ пристальнаго взгляда. Изъ темноты оттуда на насъ смотрѣло чье-то лицо. Мы видѣли прижавшійся къ окну бѣлый носъ. Бородатое, волосатое лицо съ дикими, жестокими глазами было полно сосредоточенной злобы. Мы съ братомъ бросились къ окну, но видѣніе исчезло. Голова отца упала на грудь и пульсъ пересталъ биться.

«Ночью мы обыскали весь садъ, но не нашли и признака незнакомца, за исключеніемъ слѣда ноги на одной изъ цвѣточныхъ грядъ. Если бы не этотъ слѣдъ, то мы могли бы приписать обману чувствъ появленіе этого дикаго, гнѣвнаго лица. Но скоро у насъ явилось еще болѣе поразительное доказательство, что какія-то таинственныя силы окружаютъ насъ. Утромъ окно комнаты отца оказалось открытымъ, всѣ комоды и ящики обысканы, а къ груди его былъ приколотъ клочекъ бумаги съ нацарапанными на немъ словами: «Знакъ четырехъ». Мы такъ и не узнали ни значенія этой фразы, ни таинственнаго посѣтителя. Насколько мы могли судить, изъ имущества отца ничего не было похищено, хотя все было перерыто. Мы съ братомъ, понятно, связали этотъ страшный случай со страхомъ, преслѣдовавшимъ нашего отца впродолженіе всей его жизни; но тайна такъ и осталась тайной для насъ».

Разсказчикъ остановился, чтобъ раскурить трубку, и задумчиво курилъ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Мы всѣ сосредоточенно слушали его необыкновенный разсказъ. При краткомъ описаніи смерти отца, миссъ Морстэнъ смертельно поблѣднѣла, и одно мгновеніе я боялся, что она упадетъ въ обморокъ. Однако она оправилась, выпивъ стаканъ воды, которой я молча налилъ ей изъ венеціанскаго графина, стоявшаго на боковомъ столикѣ. Шерлокъ Холмсъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла съ разсѣяннымъ выраженіемъ лица

и низко опущенными веками надъ горѣвшими глазами. Смотря на него, я невольно вспомнилъ, какъ еще сегодня утромъ онъ горько жаловался на обыденность жизни. Вотъ теперь передъ нимъ задача, требующая полнаго напряженія ума. Мистеръ Таддеушъ Шольто посмотрѣлъ то на одного, то на другого изъ насъ, очевидно, гордясь эффектомъ, произведеннымъ его разсказомъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Вы можете себѣ представить, какъ насъ съ братомъ взволновали слова отца о кладѣ, — сказалъ онъ. — Цѣлыми недѣлями и мѣсяцами мы копали и рылись повсюду въ саду, но ничего не нашли. Мысль о томъ, что отецъ готовъ былъ произнести названіе мѣста, гдѣ скрытъ кладъ, сводила насъ съ ума. Мы могли судить о пропавшемъ богатствѣ по вынутой имъ діадемѣ. Мы съ братомъ Бартоломеемъ поспорили относительно нея. Жемчужины были, очевидно, большой цѣнности, и ему не хотѣлось разставаться съ ними, потому что, говоря между нами, мой братъ унаслѣдовалъ порокъ нашего отца. Къ тому же онъ думалъ, что если мы разстанемся съ діадемой, это можетъ возбудить толки и навлечь на насъ непріятности. Мнѣ еле удалось убѣдить его дать мнѣ узнать адресъ миссъ Морстэнъ и посылать ей по жемчужинѣ, чтобы ей не пришлось испытать нужды.

— Это была хорошая, чрезвычайно добрая мысль съ вашей стороны, — серьезно замѣтила наша спутница.

Маленькій человѣкъ сдѣлалъ жестъ отрицанія.

— Мы являлись вашими довѣренными лицами, — сказалъ онъ, — такъ я смотрѣлъ на это дѣло, хотя братъ Бартоломей и не раздѣлялъ моего взгляда. У насъ самихъ было много денегъ, и я не желалъ большаго. Къ тому же обращаться такимъ презрѣннымъ образомъ съ молодой барышней было бы признакомъ дурного вкуса. Le mauvais gout mene au crime*. Французы умѣютъ такъ мило выражать подобныя вещи. Разница въ нашихъ взглядахъ на этотъ предметъ дошла до того, что я рѣшилъ взять себѣ отдѣльную квартиру, и потому покинулъ Пондишерри-Лоджъ, взявъ съ собой стараго индуса и Вильямса. Но вчера я узналъ о событіи величайшей важности. Кладъ найденъ. Я сейчасъ же написалъ миссъ Морстэнъ, и теперь намъ остается только отправиться въ Норвудъ и спросить нашу долю. Вчера вечеромъ я высказалъ свое мнѣніе брату Бартоломею, такъ что мы будемъ хотя и не желанными,

но жданными гостями.

Мистеръ Таддеушъ Шольто сидѣлъ, подергиваясь, на своей роскошной кушеткѣ; мы всѣ молчали, размышляя о новой стадіи развитія этого таинственнаго дѣла. Холмсъ первый вскочилъ на ноги.

— Сначала до конца вы поступили хорошо, сэръ, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, и мы сумѣемъ хоть немного отплатить вамъ, объяснивъ немного то, что еще темно для васъ. Но, какъ замѣтила миссъ Морстэнъ, уже поздно и надо безотлагательно заняться этимъ дѣломъ.

Нашъ новый знакомый очень рѣшительно свернулъ длинную трубку своего кальяна и вынулъ изъ-за занавѣси очень длинное пальто съ пуговицами, съ каракулевымъ воротникомъ и такими же обшлагами. Онъ надѣлъ и застегнулъ пальто.

— Здоровье у меня довольно слабое, — замѣтилъ онъ, ведя насъ по коридору.

На улицѣ насъ ожидалъ кебъ, и, очевидно, всё дѣлалось по заготовленной ранѣе программѣ, такъ какъ кучеръ сразу пустилъ лошадей рысью. Таддеушъ Шольто говорилъ непрерывно, заглушая шумъ колесъ.

— Бартоломей умный малый, — говорилъ онъ. — Какъ, вы думаете, онъ нашелъ мѣсто, гдѣ былъ спрятанъ кладъ? Онъ пришелъ къ заключенію, что кладъ находится въ домѣ; поэтому Бартоломей высчиталъ объемъ всего дома и вымѣрялъ каждый дюймъ. Между прочимъ, онъ нашелъ, что высота зданія равняется семидесяти четыремъ футамъ, но сложивъ высоту комнатъ всѣхъ этажей и принявъ въ расчетъ разстояніе между ними, въ чёмъ онъ убѣдился, пробуравивъ потолки, онъ получилъ сумму только въ семьдесятъ футовъ. Откуда же явились лишніе четыре фута? Они должны были находиться въ верхней части дома. Тогда онъ продѣлалъ дыру въ штукатуркѣ потолка верхней комнаты и наткнулся на маленькій запертый чердакъ, никому не извѣстный. Въ центрѣ его на двухъ стропилахъ стоялъ ящикъ съ драгоцѣнностями. Онъ былъ опущенъ черезъ отверстіе и стоитъ теперь тамъ. Братъ оцѣниваетъ его содержимое въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ.

Мы вытаращили глаза, услышавъ эту громадную сумму, и поглядѣли другъ на друга. Если намъ удастся возстановить въ правахъ миссъ Морстэнъ, то изъ бѣдной гувернантки она пре-

вратиться въ богатѣйшую наслѣдницу въ Англіи! Истинному другу слѣдовало бы только порадоваться такому извѣстію, но, стыдно признаться, эгоизмъ охватилъ мою душу и на сердцѣ у меня стало тяжело. Я, заикаясь, пробормоталъ нѣсколько поздравительныхъ словъ и затѣмъ, печально опустивъ голову, сидѣлъ, слушая болтовню нашего новаго знакомаго. Очевидно, онъ былъ настоящій ипохондрикъ, и я, какъ сквозь сонъ, сознавалъ, что онъ приводитъ безконечный рядъ симптомовъ болѣзней и умоляетъ объяснить ему составъ и дѣйствія разныхъ шарлатанскихъ снадобій, которыя были у него въ карманѣ въ кожаномъ футлярѣ. Надѣюсь, что онъ не запомнилъ моихъ отвѣтовъ. Холмсъ увѣряетъ, что слышалъ, какъ я предостерегалъ его отъ опасности принимать болѣе двухъ капель касторoваго масла и въ то же время рекомендовалъ большія дозы стрихнина, какъ успокоительное средство. Какъ бы то ни было, я почувствовалъ сильное облегченіе, когда нашъ кэбъ внезапно остановился и кучеръ соскочилъ, чтобъ открыть намъ дверку.

— Вотъ Пондишерри-Лоджъ, миссъ Морстэнъ,—сказалъ м-ръ Таддеусъ Шольто, высаживая ее.

V. Убійство.

Было около одиннадцати часовъ вечера, когда мы достигли мѣста нашего назначенія. Сырой туманъ большого города остался за нами и ночь была очень хороша. Съ запада дулъ теплый вѣтеръ; тяжелыя тучи медленно двигались по небу; по временамъ онѣ разрывались и тогда между ними проглядывалъ полумѣсяцъ. Было еще достатачно свѣтло, но Таддеусъ Шольто снялъ одинъ изъ фонарей экипажа, чтобы лучше освѣтить нашъ путь.

Пондишерри-Лоджъ стоялъ на собственной землѣ и былъ окруженъ очень высокой каменной стѣной. Узкая, обитая желѣзомъ калитка служила единственнымъ входомъ. Нашъ проводникъ постучалъ въ нее особеннымъ образомъ, напоминавшимъ стукъ почтальона.

— Кто тамъ?—крикнулъ чей-то грубый голосъ.

— Это я, Макъ-Мердо. Пора бы вамъ узнавать меня по стуку.

Раздалось ворчанье и бряцанье ключей. Дверь медленно

отворилась и въ ней показался коренастый человѣкъ небольшого роста. Желтый свѣтъ фонаря падалъ на его вытянутое лицо съ блестящими, недовѣрчивыми глазами.

— Это вы, м-ръ Таддеусъ? Но кто же другіе? У меня нѣтъ никакихъ приказаній отъ барина насчетъ нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Макъ-Мердо? Вы удивляете меня. Вчера вечеромъ я сказалъ брату, что пріѣду съ нѣсколькими друзьями.

— Онъ не выходилъ изъ своей комнаты сегодня, м-ръ Таддеусъ, и я не получалъ никакихъ приказаній. Вы очень хорошо знаете, что я долженъ придерживаться положенныхъ правилъ. Васъ я могу впустить, но друзья ваши должны остаться тамъ, гдѣ стоятъ.

Вотъ неожиданное происшествіе! Таддеусъ Шольто оглянулся вокругъ съ смущеннымъ и безпомощнымъ видомъ.

— Это нехорошо съ вашей стороны, Макъ-Мердо!—сказалъ онъ.—Если я ручаюсь за нихъ—этого достаточно для васъ. Къ тому же съ нами молодая барышня. Она не можетъ ждать на дорогѣ въ такой поздній часъ.

— Очень жаль, м-ръ Таддеусъ,—неумолимо проговорилъ привратникъ.—Ваши друзья могутъ быть недругами хозяина. Онъ хорошо платитъ мнѣ за то, чтобъ я исполнялъ свои обязанности, и я исполняю ихъ. Я не знаю никого изъ вашихъ друзей.

— О, нѣтъ, знаете, Макъ-Мердо,—весело крикнулъ Шерлокъ Холмсъ.—Не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя, который боролся съ вами въ ночь вашего бенефиса четыре года тому назадъ?

— Неужели м-ръ Шерлокъ Холмсъ!—проревѣлъ борецъ.—Господи Боже мой! Какъ это я не узналъ васъ? Еслибъ вмѣсто того, чтобъ стоять смирно, вы вышли бы впередъ да подали мнѣ подъ челюсть, какъ тогда, я сразу бы узналъ васъ. Ахъ, вы попусту тратите свой талантъ, право! Вы далеко бы пошли, если бы занялись этимъ дѣломъ.

— Видите, Ватсонъ, въ крайнемъ случаѣ у меня еще остается одна научная профессія,—смѣясь сказалъ Холмсъ.—Теперь, я увѣренъ, нашъ пріятель не захочетъ держать насъ на воздухѣ.

— Входите, сэръ, входите и вы и ваши друзья,—отвѣтилъ привратникъ.—Очень сожалѣю, м-ръ Таддеусъ, но при-

казанія очень строгія. Долженъ былъ удостовѣриться, кто ваши друзья, прежде чѣмъ впустить васъ.

Внутри песчаная дорожка шла среди унылой мѣстности къ большому четырехъугольному прозаичному дому, погруженному въ мракъ. Лучъ луны падалъ только на одинъ уголъ его и блестѣлъ въ окнѣ на чердакѣ. При видѣ громаднаго мрачнаго зданія, окруженнаго мертвымъ молчаніемъ, холодъ проникалъ въ сердце. Даже Таддеусу Шольто, казалось, было не по себѣ и фонарь, поскрипывая, дрожалъ въ его рукѣ.

— Не могу понять этого,—говорилъ онъ.—Тутъ, навѣрно, какая-нибудь ошибка. Я ясно сказалъ Бартоломею, что мы пріѣдемъ сюда, а между тѣмъ въ его окнѣ нѣтъ огня. Не знаю что и подумать.

— Онъ всегда такъ охраняетъ свои владѣнія?—спросилъ Холмсъ.

— Да, онъ послѣдовалъ примѣру отца. Видите, онъ былъ любимцемъ отца, и иногда мнѣ приходитъ на умъ, что отецъ разсказалъ ему многое, чего не говорилъ мнѣ. Вотъ то окно, на которое падаетъ лунный свѣтъ, находится въ комнатѣ Бартоломея. Освѣщено снаружи, но внутри мнѣ кажется, темно.

— Совершенно темно,—сказалъ Холмсъ.— Но я вижу свѣтъ въ маленькомъ окнѣ у двери.

— А, это комната экономки. Тамъ сидитъ старая миссисъ Бернстонъ. Вотъ кто можетъ все разсказать намъ. Но, можетъ-быть, вы согласитесь подождать здѣсь минутку-другую, потому что она можетъ испугаться, если мы войдемъ всѣ сразу, а она ничего не знаетъ о нашемъ пріѣздѣ. Но тсъ! Это что такое?

Онъ поднялъ фонарь кверху и рука его такъ дрожала, что круги свѣта мелькали вокругъ насъ. Миссъ Морстэнъ схватила меня за руку и мы всѣ стояли, насторожившись слухъ, съ сильно бьющимися сердцами. Изъ большого темнаго дома въ безмолвіи ночи раздался самый жалкій и печальный изъ звуковъ—пронзительный, прерывистый плачъ испуганной женщины.

— Это миссисъ Бернстонъ,—сказалъ Шольто.—Она единственная женщина въ домѣ. Погодите здѣсь. Я сейчасъ вернусь.

Онъ бросился къ двери и постучалъ особеннымъ образомъ. Мы видѣли, какъ ему отворила дверь высокая старая женщина, задрожавшая отъ радости при видѣ его.

— О м-ръ Таддеусъ, сэръ, какъ я рада, что вы пріѣхали, м-ръ Таддеусъ, сэръ!

Мы слышали ея радостныя восклицанія, пока дверь не захлопнулась за ней и голосъ ея не умолкъ.

Нашъ проводникъ оставилъ намъ фонарь. Холмсъ медленно обвелъ имъ все вокругъ и пристально взглянулъ на домъ и на огромныя мусорныя кучи на дворѣ. Миссъ Морстэнъ и я стояли рядомъ; рука ея лежала въ моей. Удивительно сложная штука любовь. Мы двое до сегодняшняго дня никогда не видѣли другъ друга никогда не обмѣнялись ни словомъ, ни даже нѣжнымъ взглядомъ, а между тѣмъ, въ часъ опасности, руки наши инстинктивно искали одна другую. Впослѣдствіи я часто удивлялся этому, но въ то время мнѣ казалось вполнѣ естественнымъ подойти къ ней ближе и она, какъ часто разсказывала мнѣ потомъ, со своей стороны инстинктивно обратилась ко мнѣ за успокоеніемъ и покровительствомъ. Такъ мы стояли рука въ руку словно двое дѣтей, и на душѣ у насъ было спокойно, несмотря на все мрачное, что окружало насъ.

— Что за странное мѣсто,—сказала она, оглядываясь вокругъ.

— Оно имѣетъ видъ, какъ будто здѣсь собрались всѣ кроты въ Англіи. Я видѣлъ нѣчто подобное на склонѣ одной горы вблизи Балларата, гдѣ дѣлались какія-то изысканія.

— И съ той же цѣлью,—сказалъ Холмсъ.—Это слѣды искателей клада. Вспомните, что они искали его впродолженіе шести лѣтъ. Неудивительно, что дворъ походитъ на песчаную яму.

Въ эту минуту дверь дома поспѣшно распахнулась и изъ нея выбѣжалъ Таддеусъ Шольто, съ протянутыми руками и съ ужасомъ въ глазахъ.

— Съ Бартоломеемъ что-то случилось!—крикнулъ онъ.— Я боюсь. Мои нервы не выдержатъ.

Онъ, дѣйствительно, почти плакалъ отъ страха, а его подергивающееся, слабое лицо, выглядывавшее изъ большого мѣхового воротника, носило безпомощное, умоляющее выраженіе испуганнаго ребенка.

— Пойдемте въ домъ,—сказалъ Холмсъ своимъ рѣзкимъ рѣшительнымъ тономъ.

— Да, пожалуйста!—умолялъ Таддеусъ Шольто.—Я не чувствую себя въ силахъ распорядиться.

Мы всѣ пошли за нимъ въ комнату экономки, находившую-

ся по лѣвой сторонѣ коридора. Старуха расхаживала взадъ и впередъ съ испуганнымъ лицомъ, ломая пальцы, но появленіе миссъ Морстэнъ, очевидно, произвело на нее успокоительное дѣйствіе.

— Да благословитъ Богъ ваше милое, спокойное лицо!— крикнула она съ истерическимъ рыданіемъ.—Мнѣ пріятно видѣть васъ. О, что я перенесла сегодня!

Наша спутница погладила худую, изнуренную работой руку и пробормотала нѣсколько ласковыхъ, женственныхъ словъ, которыя вызвали краску на безкровныя щеки старухи.

— Баринъ заперся у себя и не отвѣчаетъ мнѣ,—сказала она.—Цѣлый день я ожидала, что онъ позоветъ меня; онъ любитъ часто бывать одинъ, но часъ тому назадъ я подумала, что дѣло неладно, пошла наверхъ и заглянула въ замочную щель. Идите наверхъ, м-ръ Таддеусъ... идите наверхъ и посмотрите сами. Впродолженіе долгихъ десяти лѣтъ мнѣ приходилось видѣть м-ра Бартоломея Шольто и въ радости и въ горѣ, но такого лица я никогда не видѣла у него.

Шерлокъ Холмсъ взялъ лампу и пошелъ впередъ, такъ какъ у Таддеуса Шольто отъ страха стучали зубы. Онъ былъ такъ потрясенъ, что я взялъ его подъ руку, когда мы поднимались по лѣстницѣ. Колѣни у него подгибались. Два раза Холмсъ вынималъ изъ кармана лупу и внимательно разглядывалъ то, что казалось мнѣ безформенными пятнышками пыли на кокосовыхъ цыновкахъ, покрывавшихъ лѣстницу вмѣсто ковровъ. Онъ медленно шелъ со ступеньки на ступеньку, низко держа лампу и зорко оглядываясь по сторонамъ. Миссъ Морстэнъ осталась внизу съ испуганной экономкой.

Третья площадка лѣстницы оканчивалась прямымъ корридоромъ, довольно длиннымъ, съ большой вышитой индійской картиной направо и тремя дверями слѣва. Холмсъ продолжалъ идти все тѣмъ же медленнымъ, методическимъ шагомъ; мы шли за нимъ; наши длинныя, темныя тѣни тянулись за нами. Дойдя до третьей двери, Холмсъ постучался, но не получилъ отвѣта; тогда онъ попробовалъ отворить дверь, взявшись за ручку. Она была крѣпко заперта изнутри на задвижку, какъ мы увидѣли, приставивъ къ ней лампу. Хотя ключъ былъ повернутъ въ замкѣ, но въ двери была замѣтна щель. Шерлокъ Холмсъ нагнулся къ ней и сейчасъ же всталъ.

— Тутъ какая-то чертовщина, Ватсонъ,—проговорилъ онъ

задыхаясь. Я никогда не видалъ его такимъ взволнованнымъ.—Что вы скажете объ этомъ?

Я нагнулся къ щели и отступилъ въ ужасѣ. Лучи луннаго свѣта падали въ комнату и освѣщали ее неяснымъ, перемѣнчивымъ сіяніемъ. Прямо передо мной, какъ бы вися въ воздухѣ, такъ какъ внизу все было въ тѣни, вырисовывалось чье-то лицо—лицо нашего спутника Таддеуса. Та же высокая, блестящая голова, тѣ же щетинистые рыжіе волосы, тотъ же безкровный цвѣтъ лица. Но черты его застыли въ ужасной, неестественной, насмѣшливой улыбкѣ, которая, въ этой тихой, освѣщенной свѣтомъ луны комнатѣ, болѣе дѣйствовала на нервы, чѣмъ какая бы то ни была судорога. Лицо этого человѣка было такъ похоже на лицо нашего маленькаго друга, что я оглядѣлся вокругъ, тутъ ли онъ. Потомъ я вспомнилъ его разсказъ о томъ, что они близнецы.

— Это ужасно!—сказалъ я.—Что дѣлать?

— Сломать дверь,—отвѣтилъ Холмсъ и, изо всѣхъ силъ нажалъ на нее.

Она затрещала и заскрипѣла, но не подалась. Тогда мы вдвоемъ нажали на нее: она внезапно съ трескомъ подалась, и мы очутились въ комнатѣ Бартоломея Шольто.

Комната эта походила на химическую лабораторію. Двойной рядъ склянокъ съ стеклянными пробками стоялъ на полкѣ на противоположной стѣнѣ, а столъ былъ усѣянъ спиртовыми лампочками, пробирками и ретортами; по угламъ, въ плетеныхъ корзинахъ виднѣлись сосуды съ жидкостями. Одинъ изъ нихъ или лопнулъ, или былъ разбитъ, такъ какъ изъ него текла какая то темная жидкость, а воздухъ былъ наполненъ особенно вонючимъ запахомъ, напоминавшимъ запахъ деття. Съ одной стороны комнаты, среди кучи дранокъ и штукатурки стояла небольшая лѣстница, а въ потолкѣ надъ ней было отверстіе, черезъ которое легко могъ пройти человѣкъ. Внизу лѣстницы лежалъ небрежно брошенный свертокъ веревокъ.

У стола, на деревянномъ креслѣ, сидѣлъ хозяинъ дома, съ головой опущенной на лѣвое плечо, съ страшной, загадочной улыбкой на устахъ. Онъ уже окоченѣлъ и, очевидно, умеръ нѣсколько часовъ тому назадъ. Мнѣ показалось, что не только его лицо, но и всѣ члены имѣли какое-то неестественное положеніе. На столѣ рядомъ съ его рукой лежалъ какой-то особенный инструментъ—темная, узловатая трость съ каменнымъ набалдашникомъ вродѣ молотка, привязаннымъ толстой

веревкой. Рядомъ съ ней—клочекъ бумаги, вырванный изъ записной книги съ нѣсколькими нацарапанными словами. Холмсъ взглянулъ на бумагу и подалъ ее мнѣ.

— Видите,—сказалъ онъ, многозначительно подымая брови.

Съ дрожью ужаса, при свѣтѣ фонаря, я прочелъ: «Знакъ четырехъ».

— Ради Бога, что значитъ все это?—спросилъ я.

— Это значитъ—убійство,—сказалъ Холмсъ, наклоняясь надъ мертвецомъ.—А! я ожидалъ этого! Взгляните сюда.

Онъ показалъ мнѣ на нѣчто похожее на длинную, темную иглу, торчавшую въ кожѣ какъ разъ надъ ухомъ.

— Похоже на иглу или колючку,—сказалъ я.

— Она и есть. Вы можете вынуть ее. Но будьте осторожны, потому что она отравлена.

Я взялъ иглу большимъ и указательнымъ пальцами. Она такъ легко вышла изъ кожи, что не осталось почти никакого знака. Только крошечное пятнышко крови указывало на мѣсто укола.

— Все это—неразрѣшимая тайна для меня,—сказалъ я.—Дѣло становится все темнѣе вмѣсто того, чтобы разъясняться.

— Напротивъ, оно становится яснѣе съ каждой минутой,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ не хватаетъ только нѣсколькихъ звеньевъ для полнаго объясненія дѣла.

Мы почти забыли о нашемъ спутникѣ съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ комнату. Онъ все еще стоялъ въ дверяхъ какъ олицетвореніе ужаса, ломалъ руки и тихо стоналъ. Но внезапно онъ вскрикнулъ пронзительнымъ, жалобнымъ голосомъ.

— Кладъ унесенъ!—сказалъ онъ.—У него украли кладъ. Вотъ отверстіе, черезъ которое мы спустили его. Я помогалъ ему! Я видѣлъ его послѣднимъ! Я ушелъ отъ него вчера вечеромъ и слышалъ, какъ онъ заперъ дверь на замокъ, когда я спускался внизъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ десять! А теперь онъ умеръ, позовутъ полицію и меня станутъ подозрѣвать въ убійствѣ. О, я увѣренъ, что это будетъ такъ. Но вы вѣдь не думаете этого, господа? Навѣрное, не думаете, что я сдѣлалъ это? Привезъ ли бы я васъ сюда, если бы я былъ убійцей? О, Боже мой, Боже мой, я знаю, что сойду съ ума!

Онъ размахивалъ руками и топалъ ногами, словно въ припадкѣ безумія.

— Вамъ нечего бояться, м-ръ Шольто,—ласково сказалъ Холмсъ, кладя ему на плечо руку, послушайтесь моего совѣта и поѣзжайте на станцію дать знать полиціи. Предложите свою помощь. Мы подождемъ здѣсь вашего возвращенія.

Шольто послушался и полубезсознательно, спотыкаясь въ темнотѣ, сошелъ съ лѣстницы.

VI. Разслѣдованіе дѣла Холмсомъ.

— Ну, Ватсонъ, теперь у насъ съ вами полчасика свободныхъ,—сказалъ Холмсъ, потирая руки.—Воспользуемся же этимъ временемъ. Какъ я уже говорилъ вамъ, для меня дѣло почти рѣшено, но не будемъ слишкомъ самоувѣрены. Какъ ни просто кажется это дѣло, но, можетъ-быть, въ немъ скрывается что-нибудь болѣе глубокое.

— Просто!—вскрикнулъ я.

— Конечно,—сказалъ онъ съ видомъ клиническаго профессора, объясняющаго болѣзнь своимъ слушателямъ.—Сядьте вотъ тамъ въ углу, чтобы ваши слѣды не усложнили дѣла. Ну, за работу! Во-первыхъ, какъ пришли сюда эти люди и какъ ушли отсюда? Дверь не отпиралась со вчерашняго вечера. Какъ окно?—Онъ подошелъ къ окну съ лампой въ рукахъ, все время бормоча вслухъ замѣчанія, но обращаясь скорѣе къ себѣ, чѣмъ ко мнѣ.—Окно отворяется изнутри. Рама прочная. Съ боку нѣтъ петель. Откроемъ его. Вблизи нѣтъ желоба. До крыши не добраться. Но кто-то поднялся въ окно. Вчера вечеромъ шелъ небольшой дождь. На подоконникѣ слѣдъ грязной ноги. А вотъ круглое грязное пятно, вотъ еще на полу и еще у стола. Взгляните, Ватсонъ! Это, право, хорошія доказательства.

Я взглянулъ на круглыя, ясно очерченныя пятна грязи.

— Это не слѣдъ ноги,—сказалъ я.

— Это нѣчто гораздо болѣе драгоцѣнное для насъ. Это отпечатокъ деревяшки. Вотъ видите, здѣсь на подоконникѣ слѣдъ большого, тяжелаго сапога съ металлическимъ каблукомъ, а рядомъ слѣдъ деревяннаго носка.

— Это человѣкъ съ деревянной ногой...

— Вотъ именно. Но былъ еще кто-то другой... очень искусный и важный помощникъ. Можете вы подняться на эту стѣну, докторъ?

Я выглянулъ въ открытое окно. Мѣсяцъ по прежнему ярко освѣщалъ этотъ уголъ дома. Мы были на добрыхъ шестьдесятъ футовъ отъ земли, и сколько я ни смотрѣлъ—въ кирпичной стѣнѣ не было ни щели, ни чего, за что могла бы зацѣпиться нога.

— Совершенно невозможно,—отвѣтилъ я.

— Безъ помощи—да. Но предположимъ, что у васъ здѣсь былъ бы пріятель, который спустилъ бы вамъ вотъ ту хорошую толстую веревку, что я вижу въ углу, прикрѣпивъ одинъ конецъ къ этому большому крюку въ стѣнѣ. Въ такомъ случаѣ, будь вы ловкій человѣкъ, вы могли бы подняться наверхъ, несмотря на деревянную ногу. Тѣмъ же самымъ способомъ вы ушли бы прочь, а вашъ сообщникъ втянулъ бы веревку, отвязалъ ее отъ крюка, заперъ окно и ушелъ бы такъ же, какъ пришелъ. Какъ на одну изъ мелкихъ подробностей,—продолжалъ онъ, перебирая веревку,—можно указать на то, что нашъ другъ съ деревянной ногой, хотя и умѣетъ хорошо лазать, все же не профессіональный матросъ. Руки у него далеко не мозолистыя. Въ лупу видно на веревкѣ, особенно на концѣ, нѣсколько пятенъ крови, изъ чего я заключаю, что онъ спустился такъ быстро, что сорвалъ собѣ кожу на рукахъ.

— Все это очень хорошо,—сказалъ я,—но дѣло все болѣе запутывается. Кто этотъ таинственный сообщникъ? Какъ онъ попалъ въ комнату?

— Да, сообщникъ!—задумчиво повторилъ Холмсъ.—Этотъ сообщникъ представляетъ собой много интереснаго. Онъ выдвигаетъ это дѣло изъ ряда обыкновенныхъ. Мнѣ кажется, этотъ сообщникъ вноситъ новую струю въ анналы преступленій нашей страны... хотя подобнаго рода случаи встрѣчаются въ Индіи и, если не ошибаюсь, въ Сенегамбіи.

— Какъ же онъ попалъ сюда?—повторилъ я.—Дверь заперта, до окна не добраться. Не черезъ каминъ ли?

— Труба слишкомъ узка,—отвѣтилъ онъ.—Я уже думалъ объ этомъ.

— Ну, такъ какъ же?

— Вы не хотите примѣнять моего способа,—сказалъ онъ, покачивая головой.—Сколько разъ говорилъ я вамъ, что если вы исключите невозможное, все остальное, хотя бы и невѣроятное, должно быть правдой. Мы знаемъ, что онъ не вошелъ ни въ дверь, ни въ окно, ни черезъ каминъ. Знаемъ,

что онъ не могъ скрываться въ комнатѣ, такъ какъ здѣсь невозможно скрыться. Откуда же онъ явился?

— Черезъ отверстіе въ крышѣ!—крикнулъ я.

— Конечно. Онъ вышелъ оттуда. Будьте такъ добры—подержите лампу; мы займемся теперь изслѣдованіями въ комнатѣ наверху—въ потайной комнатѣ, гдѣ былъ найденъ кладъ.

Онъ поднялся по ступенькамъ, ухватился обѣими руками за стропила и очутился на чердакѣ. Потомъ онъ легъ ничкомъ, взялъ отъ меня лампу и держалъ ее въ рукахъ, пока я слѣдовалъ его примѣру.

Комната, въ которой мы находились, имѣла около десяти футовъ въ одну сторону и шести въ другую. Поломъ для нея служили балки съ промежутками изъ тонкихъ слоевъ дранокъ и штукатурки, такъ что приходилось переходить съ балки на балку. Мебели вовсе не было и пыль, накопившаяся годами, лежала на полу толстыми слоями.

— Вотъ видите,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ, прислоняясь рукой къ покатой стѣнѣ.—Это опускная дверь, ведущая на крышу. Я могъ поднять ее, а вотъ и крыша, покатая подъ небольшимъ угломъ. Этимъ путемъ и прошелъ номеръ первый. Помотримъ, не найдется ли какихъ-нибудь другихъ примѣтъ его личности.

Онъ опустилъ лампу къ полу и во второй разъ за этотъ вечеръ я увидѣлъ выраженіе изумленія на его лицѣ. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу, когда я взглянулъ по направленію его взгляда. Полъ былъ покрытъ безчисленными отпечатками босой ноги. Слѣды были ясны, вполнѣ опредѣленны, но нога, оставлявшая ихъ, была чуть ли не въ половину меньше ноги обыкновеннаго человѣка.

— Холмсъ,—шепотомъ проговорилъ я,—тотъ, кто сотворилъ это ужасное дѣло, еще ребенокъ.

Въ одно мгновеніе онъ овладѣлъ собой.

— Сначала я былъ сбитъ,—сказалъ онъ,—но все это вполнѣ естественно. Мнѣ измѣнила память, не то я могъ бы предсказать это. Ну, теперь здѣсь нечего дѣлать. Пойдемте внизъ.

— Какая же у васъ мысль насчетъ этихъ слѣдовъ?—поспѣшно спросилъ я, когда мы снова очутились въ комнатѣ.

— Мой милый Ватсонъ, попробуйте анализировать сами,—нѣсколько нетерпѣливо отвѣтилъ Холмсъ.—Вы знаете мой ме-

тодъ. Воспользуйтесь имъ. Будетъ чрезвычайно полезно сравнить наши выводы.

— Я не могу придумать ничего, что подтверждалось бы фактами,—сказалъ я.

— Скоро все станетъ яснымъ для васъ,—рѣзко сказалъ онъ,—я думаю, здѣсь нѣтъ ничего важнаго, но посмотрѣть все же слѣдуетъ.

Онъ вынулъ лупу и сантиметръ и сталъ быстро ползать на колѣняхъ по комнатѣ, размѣривая, сравнивая, разглядывая. Его тонкій, длинный носъ почти касался досокъ; похожіе на бисеръ, его глубоко впавшіе, какъ у птицы, глаза, ярко блестѣли. Его быстрыя, безмолвныя, тихія движенія, напоминавшія опытную гончую, ищущую слѣдъ, заставили меня невольно подумать, какимъ бы онъ былъ страшнымъ преступникомъ, если бы обратилъ свою энергію и умъ на борьбу съ закономъ вмѣсто того, чтобъ защищать его. Впродолженіе всего этого времени онъ постоянно бормоталъ что-то про себя и, наконецъ, громко вскрикнулъ отъ восторга.

— Намъ дѣйствительно везетъ,—сказалъ онъ.—Теперь намъ остается немного работы. Номеръ первый имѣлъ несчастіе наступить на креозотъ. Видите очертанія края его маленькой ноги рядомъ съ этимъ скверно пахнущимъ мѣсивомъ. Сосудъ лопнулъ, какъ видите, и жидкость вытекла.

— Ну, такъ что же?

— Только то, что мы поймали его,—отвѣтилъ Холмсъ,—вотъ и все. Я знаю собаку, которая пойдетъ по этому слѣду на край свѣта. Если свора собакъ можетъ бѣжать по запаху селедки на разстояніи цѣлаго графства, то какъ далеко можетъ спеціально обученная собака бѣжать по слѣдамъ съ такимъ сильнымъ запахомъ? Теперь все это стало какъ ариѳметическая задача. Отвѣтъ дастъ намъ... Ага! вотъ и аккредитованные представители закона.

Снизу доносились тяжелые шаги и звуки громкихъ голосовъ и входная дверь заперлась съ сильнымъ стукомъ.

— Прежде чѣмъ они придутъ,—сказалъ Холмсъ, дотроньтесь рукой до руки бѣдняка вотъ здѣсь, а тутъ до его ноги. Что вы чувствуете?

— Мускулы тверды, какъ доска,—отвѣтилъ я.

— Вотъ именно. Они находятся въ состояніи чрезвычайнаго сокращенія, сильно превосходящаго обыкновенные «rigor mortes». Въ соединеніи съ этой судорогой лица, съ Гиппо-

кратовской улыбкой или «risus sardonicus», какъ называли ее древніе писатели, какое предположеніе приходитъ вамъ на умъ?

— Смерть отъ какого-нибудь сильнаго растительнаго алколоида,—отвѣтилъ я,—отъ какого-нибудь вещества вродѣ стрихнина, вызывающаго столбнякъ.

— Эта идея сразу пришла мнѣ въ голову при видѣ его искаженнаго лица. Войдя въ комнату, я тотчасъ же сталъ искать, какимъ образомъ ядъ могъ попасть внутрь. Какъ вы видѣли, я нашелъ иглу или колючку изъ терна, которая была воткнута или слегка брошена на *черепъ* покойнаго. Вы замѣчаете, что пораженное мѣсто приходится какъ разъ въ сторонѣ отверстія въ потолкѣ, если покойный сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Теперь поглядите на эту иглу.

Я осторожно взялъ ее и освѣтилъ фонаремъ. Игла была длинная, острая, изъ темнаго терна, на кончикѣ ея какъ будто засохло какое-то смолистое вещество. Тупой конецъ былъ обдѣланъ и обточенъ ножемъ.

— Это англійскій тернъ?—спросилъ Холмсъ.

— Нѣтъ, навѣрно нѣтъ.

— Изъ этихъ данныхъ вы можете вывести какое-нибудь вѣрное заключеніе. Но вотъ являются регулярныя войска; вспомогательныя должны удалиться.

Какъ разъ въ это время шаги, которые все приближались, громко раздались въ коридорѣ и въ комнату вошелъ очень толстый полнокровный, дородный человѣкъ въ сѣрой одеждѣ, съ краснымъ лицомъ, очень маленькими, мигающими глазами, зорко выглядывавшими между опухшими вѣками. За нимъ шелъ полицейскій инспекторъ въ формѣ и, все еще продолжавшій дрожать, Таддеусъ Шольто.

— Вотъ такъ исторія!—крикнулъ вновь пришедшій глухимъ голосомъ.—Славная исторія. Но кто эти люди? Домъ, кажется, переполненъ, какъ кроличій садокъ!

— Я думаю, вы должны помнить меня, м-ръ Этельней Джонсъ,—спокойно проговорилъ Холмсъ.

— Конечно, помню,—просопѣлъ онъ. Вы—мистеръ Шерлокъ Холмсъ, теоретикъ. Помню ли я васъ! Никогда не забуду, какъ вы читали намъ лекцію о причинахъ и слѣдствіяхъ и результатахъ въ дѣлѣ драгоцѣнностей Бишопгэта. Правда, вы навели насъ на вѣрный слѣдъ, но сознайтесь, что это скорѣе благодаря удачѣ, чѣмъ хорошему руководству.

— Это было очень простое разсужденіе.

— Ну вотъ! Перестаньте, пожалуйста. Никогда не стыдитесь сознаться. А что это здѣсь? Плохое дѣло! Плохое дѣло! Тутъ строгіе факты—теоріямъ нѣтъ мѣста. Какое счастье, что я случайно попалъ въ Норвудъ по другому дѣлу! Я былъ на станціи, когда получилось это извѣстіе. Отъ чего, вы думаете, умеръ этотъ человѣкъ?

— О, это дѣло, въ которомъ мои теоріи не у мѣста,—сухо сказалъ Холмсъ.

— Да, да. Впрочемъ нельзя отрицать, что иногда вы попадали въ точку. Боже мой! Какъ кажется, дверь была заперта. Пропало драгоцѣнностей на полмилліона. Какъ окно?

— Заперто; но на подоконникѣ есть слѣды.

— Ну, ну, если окно заперто, то слѣды не имѣютъ никакого значенія. Здравый смыслъ говоритъ это. Покойникъ могъ умереть отъ припадка; но драгоцѣнности-то исчезли. Ага! у меня есть своя теорія. По временамъ на меня находитъ вдохновеніе. Пожалуйста, сержантъ и м-ръ Шольто, выйдите прочь. Вашъ другъ можетъ остаться. Что вы думаете объ этомъ, Холмсъ? Шольто, по собственному его признанію, былъ вчера вечеромъ у брата. Братъ умеръ отъ припадка, а Шольто ушелъ, унеся съ собой драгоцѣнности. Какъ вы находите это?

— Послѣ чего покойный чрезвычайно предупредительно всталъ и заперъ дверь изнутри.

— Гмъ! Да, тутъ выходитъ изъянъ. Ну-съ, взглянемъ здраво на дѣло. Этотъ Таддеусъ Шольто *былъ* у своего брата; они поссорились—это намъ хорошо извѣстно. Братъ умеръ, а драгоцѣности пропали. И это извѣстно намъ. Никто не видѣлъ брата послѣ того, какъ Таддеусъ ушелъ отъ него. Кровать его не смята. Таддеусъ очевидно сильно разстроенъ. Видъ его... ну, скажемъ, непривлекателенъ. Вы видите, что я начинаю разставлять сѣти вокругъ Таддеуса. Сѣти начинаютъ смыкаться надъ нимъ. Подходитъ ли это къ вашей теоріи?

— Вы еще не знаете всѣхъ фактовъ,—сказалъ Холмсъ.— Эта колючка, которую я имѣю всѣ основанія считать отравленной, была въ черепѣ убитаго; вы можете видѣть слѣдъ ея; этотъ исписанный клочекъ бумаги лежалъ на столѣ, а рядомъ съ нимъ этотъ довольно интересный предметъ съ каменнымъ набалдашникомъ.

— Все это только подтверждаетъ мои предположенія,—

торжественно сказалъ толстый сыщикъ.—Домъ полонъ индійскихъ рѣдкостей. Таддеусъ принесъ эту вещь, и если заноза ядовита, Таддеусъ могъ точно такъ, какъ и всякій другой, воспользоваться ею для убійства. Бумага—ничто иное, какъ фокусъ-покусъ, ширма для отвода глазъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ онъ вышелъ отсюда? А! конечно, въ крышѣ есть отверстіе.

Съ быстротой, удивительной при его полнотѣ, онъ поднялся по ступенямъ и втиснулся на чердакъ. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ мы услышали, какъ онъ съ восторгомъ кричалъ, что нашелъ опускную дверь.

— Онъ можетъ сдѣлать кое-что,—замѣтилъ Холмсъ, пожимая плечами,— у него бываютъ иногда проблески мысли. «Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit» *).

— Видите!—сказалъ Этельней Джонсъ, снова появляясь на лѣстницѣ,—факты-то лучше всякихъ теорій. Мой взглядъ на дѣло нашелъ себѣ подтвержденіе. Оказывается, есть спускная дверь, выходящая на крышу, и она не совсѣмъ прикрыта.

— Я открылъ ее.

— О, въ самомъ дѣлѣ! Значитъ, вы замѣтили ее.

Казалось, это открытіе непріятно подѣйствовало на него.

— Ну кто бы ни замѣтилъ эту дверь, во всякомъ случаѣ теперь видно, какъ ушелъ нашъ молодчикъ. Инспекторъ!

— Здѣсь, сэръ!— отвѣтилъ тотъ изъ коридора.

— Попросите м-ра Шольто придти сюда. М-ръ Шольто, я долженъ предупредить васъ, что все, что вы скажете, можетъ быть приведено противъ васъ. Именемъ королевы, арестую васъ, какъ замѣшаннаго въ убійствѣ вашего брата.

— Ну вотъ. Не говорилъ ли я вамъ!—крикнулъ бѣдный человѣчекъ, всплескивая руками и смотря то на одного, то на другого изъ насъ.

— Не тревожьтесь, м-ръ Шольто,—сказалъ Холмсъ.— Мнѣ кажется, я могу поручиться, что сниму съ васъ это обвиненіе.

— Эй, не обѣщайте слишкомъ многаго, г. теоретикъ, не обѣщайте!—рѣзко проговорилъ сыщикъ.—Это дѣло можетъ оказаться гораздо труднѣе, чѣмъ вы ожидаете.

---

*) Нѣтъ болѣе несносныхъ дураковъ, какъ тѣ, которые обладаютъ умомъ.

— Я не только сниму съ него подозрѣніе, м-ръ Джонсъ, но еще сдѣлаю вамъ подарокъ, сказавъ фамилію и примѣты одного изъ лицъ, бывшихъ вчера ночью въ этой комнатѣ. У меня есть всѣ причины предполагать, что этого человѣка зовутъ Джонатанъ Смолль. Онъ плохо воспитанный, живой человѣкъ маленькаго роста, безъ правой ноги, на деревяшкѣ, износившейся съ внутренней стороны. На лѣвой ногѣ у него грубый сапогъ съ квадратнымъ носкомъ, съ каблукомъ, обитымъ желѣзомъ. Онъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень загорѣлый и бывшій каторжникъ. Эти указанія въ соединеніи съ фактомъ, что у него на ладони сильно сорвана кожа, могутъ нѣсколько помочь вамъ. Что касается другого...

— А! другого?—проговорилъ Этельней Джонсъ насмѣшливымъ тономъ, но я видѣлъ, что увѣренность Холмса произвела на него сильное впечатлѣніе.

— Это довольно странная личность,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ, поворачиваясь на каблукѣ.—Надѣюсь, что мнѣ довольно скоро удастся представить вамъ обоихъ. На одно слово, Ватсонъ.

Онъ вышелъ со мной на площадку лѣстницы.

— Этотъ неожиданный случай заставилъ насъ забыть первоначальную причину нашей поѣздки,—сказалъ онъ.

— Я только что думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ я.—Мисъ Морстэнъ не слѣдуетъ оставаться въ домѣ, гдѣ произошло такое страшное событіе.

— Да. Вы должны проводить ее домой. Она живетъ съ м-съ Сесиль Форрестеръ, въ Нижнемъ Кембервеллѣ, такъ что это не очень далеко отсюда. Я подожду васъ здѣсь, если хотите. Или, можетъ-быть, вы слишкомъ устали?

— Нисколько. Мнѣ кажется, я не успокоюсь, пока не узнаю что-нибудь объ этомъ загадочномъ дѣлѣ. Многое мнѣ пришлось видѣть въ жизни, но даю вамъ слово, эти страшные сюрпризы, такъ быстро слѣдующіе другъ за другомъ, сильно потрясли мои нервы. Но мнѣ бы все-таки хотѣлось посмотрѣть, вмѣстѣ съ вами, какъ окончится это дѣло.

— Ваше присутствіе будетъ очень полезно мнѣ,—отвѣтилъ Холмсъ.—Мы съ вами займемся отдѣльно, а Джонсъ пускай придумываетъ себѣ что угодно и приходитъ въ восторгъ отъ своихъ выдумокъ. Мнѣ хочется, чтобы вы послѣ того, какъ отвезете миссъ Морстэнъ, заѣхали въ домъ № 3 въ переулкѣ Пинчинъ, на берегу у Ламбета. Третій домъ

справа принадлежитъ продавцу чучелъ, по фамиліи Шерманъ. Вы увидите въ окнѣ ласочку, держащую молодого кролика. Постучитесь къ старику Шерману, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что мнѣ нуженъ сейчасъ Тоби. Привезите Тоби съ собой въ кэбѣ.

— Это, вѣроятно, собака?

— Да, странный ублюдокъ съ удивительнымъ чутьемъ. Помощь Тоби я предпочитаю всѣмъ сыщикамъ Лондона.

— Ну, такъ я привезу его,—сказалъ я.—Теперь часъ. Я долженъ вернуться до трехъ, если попадется свѣжая лошадь.

— А я посмотрю, нельзя ли узнать что-нибудь отъ миссисъ Бернстонъ и слуги индуса, который, какъ говорилъ мнѣ м-ръ Таддеусъ, спитъ рядомъ на чердакѣ,—сказалъ Холмсъ.—Потомъ я стану изучать методъ великаго Джонса и выслушивать его не слишкомъ деликатные сарказмы. «Wir sind gewöhnt dass die Menschen verhöhnen was sie nicht verstehen» *). Гете всегда выразителенъ.

VII. Эпизодъ съ бочкой.

Полицейскіе пріѣхали въ кэбѣ и я проводилъ въ немъ миссъ Морстэнъ до ея жилища. Со свойственной женщинамъ ангельской манерой она переносила тревогу со спокойнымъ лицомъ, пока нужно было поддержать болѣе слабаго, чѣмъ она, и я увидѣлъ ее сидѣвшей веселой и тихой рядомъ съ испуганной экономкой. Но въ кэбѣ съ ней сначала сдѣлался обморокъ, а потомъ она разразилась потокомъ слезъ,—такъ сильно на нее подѣйствовали происшествія этой ночи. Послѣ она говорила мнѣ, что я казался ей холоднымъ и далекимъ во время этой поѣздки. Она и не подозрѣвала, какая борьба шла въ моемъ сердцѣ и какъ мнѣ нужно было сдерживаться, чтобы не выдать себя. Моя симпатія, моя любовь стремились къ ней, какъ моя рука устремилась къ ея рукѣ въ саду. Я чувствовалъ, что цѣлые годы условной свѣтской жизни не дали бы мнѣ возможности узнать ея кроткую, смѣлую натуру, какъ я узналъ ее за этотъ день, полный странныхъ событій. Но двѣ мысли заставляли меня хранить молчаніе. Она была слаба и безпомощна, потрясена и тѣлесно и душевно. Не слѣдовало

*) Мы привыкли, что люди насмѣхаются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ.

пользоваться этимъ, чтобы говорить о любви въ такое время. Хуже того, она была богата. Если поиски Холмса окажутся удачными, она будетъ богачкой. Хорошо ли, честно ли со стороны лѣкаря въ отставкѣ воспользоваться интимностью явившейся вполнѣ случайно? Вѣдь она могла бы взглянуть на меня просто какъ на человѣка, охотящагося за приданымъ! Я не могъ допустить, чтобъ у нея могла появиться подобнаго рода мысль. Сокровища Агры стояли между нами непреодолимой стѣной.

Было почти два часа, когда мы доѣхали до дома миссисъ Сесиль Форрестеръ. Слуги давно уже легли спать, но м-съ Форрестеръ, заинтересованная страннымъ посланіемъ, которое получила миссъ, ожидала ея возвращенія. Она сама отперла дверь. Это была граціозная женщина среднихъ лѣтъ и я съ радостью увидѣлъ, какъ она обняла молодую дѣвушку; поистинѣ материнское чувство звучало въ ея голосѣ. Очевидно, миссъ Морстэнъ была для нея не наемной подчиненной, а уважаемой подругой. Меня представили, и м-съ Форрестеръ горячо упрашивала меня войти въ домъ. Но я объяснилъ, что долженъ ѣхать дальше по важному дѣлу, и обѣщался приходить и сообщать о ходѣ слѣдствія. Уходя, я бросилъ взглядъ назадъ и до сихъ поръ вижу маленькую группу на лѣстницѣ—двѣ женскія граціозно обнявшіяся фигуры, полуоткрытую дверь, свѣтъ изъ коридора, падающій черезъ цвѣтное стекло, барометръ и блестящіе пруты, придерживающіе коверъ. Пріятно было даже мелькомъ взглянуть на спокойный англійскій очагъ среди ужаснаго, мрачнаго дѣла, поглощавшаго наше вниманіе.

А чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ мрачнѣе и ужаснѣе казалось мнѣ это событіе. Проѣзжая по безмолвнымъ освѣщеннымъ газомъ улицамъ, я мысленно перебиралъ всю цѣпь необычайныхъ происшествій. Первая загадка въ настоящее время уже объяснилась. Смерть капитана Морстэна, присылка жемчужинъ, объявленіе, письмо—все стало яснымъ намъ, но все повело насъ къ еще болѣе глубокой и трагической тайнѣ. Индійскій кладъ, странный планъ, найденный въ багажѣ Морстэна, странная сцена у смертнаго одра маіора Шольто, вторичная находка клада, за которой немедленно послѣдовало убійство нашедшаго его, очень странныя явленія, сопровождавшія преступленіе, слѣды ногъ, замѣчательныя орудія убій-

ства, слова на клочкѣ бумаги, соотвѣтствующія словамъ на запискѣ капитана Морстэна—вотъ цѣлый лабиринтъ, изъ котораго всякій менѣе талантливый человѣкъ, чѣмъ мой сожитель, отчаялся бы выбраться.

Переулокъ Пинчинъ состоялъ изъ ряда жалкихъ двухэтажныхъ кирпичныхъ домовъ въ нижней части Ламбета. Я нѣсколько разъ безуспѣшно стучался въ домъ № 3. Наконецъ, за шторой мелькнулъ свѣтъ свѣчи и чье-то лицо выглянуло изъ окна верхняго этажа.

— Убирайся, пьяный бродяга,—сказалъ неизвѣстный.—Если ты еще разъ подымешь шумъ, я открою конуры и выпущу на тебя сорокъ три собаки.

— Выпустите одну,—отвѣтилъ я,—затѣмъ я и пришелъ.

— Убирайся!—проревѣлъ тотъ же голосъ.—Вотъ здѣсь въ мѣшкѣ у меня змѣя и я брошу ее тебѣ на голову, если ты не уберешься.

— Но мнѣ нужна собака,—крикнулъ я.

— Не стану разговаривать съ тобой!—крикнулъ м-ръ Шерманъ.—Ну, отходи, не то какъ скажу три, такъ и брошу змѣю.

— М-ръ Шерлокъ Холмсъ...—началъ я, но эти слова произвели магическое дѣйствіе: окно немедленно захлопнулось, а черезъ минуту открылась дверь. М-ръ Шерманъ оказался тощимъ, худымъ, сутоловатымъ старикомъ, съ морщинистой шеей и въ синихъ очкахъ.

— Всякій другъ м-ра Шерлока Холмса—всегда желанный гость!—сказалъ онъ.—Войдите, сэръ. Подальше отъ барсука, потому что онъ кусается. Ахъ, злючка, злючка, ужъ не хочешь ли ты броситься на джентльмена?—проговорилъ онъ, обращаясь къ куницѣ, которая просунула свою злую мордочку съ красными глазами между прутьевъ клѣтки.—Не пугайтесь, сэръ, это просто ящерица. Не сердитесь на меня, что я былъ немного рѣзокъ съ вами: ребятишки надоѣдаютъ мнѣ и часто прибѣгаютъ сюда, чтобъ постучать въ дверь. Что нужно м-ру Шерлоку Холмсу, сэръ?

— Ему нужна ваша собака.

— А! вѣроятно, Тоби?

— Да, Тоби.

— Тоби живетъ налѣво въ № 7.

Со свѣчой въ рукахъ онъ медленно двигался среди странной семьи животныхъ, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя.

При невѣрномъ, неясномъ свѣтѣ я еле видѣлъ блестящіе глаза, устремленные на меня изъ каждой щели, изъ каждаго уголка. Даже стропила надъ нами были усѣяны важными птицами, лѣниво переступавшими съ ноги на ногу, когда наши голоса нарушили ихъ сонъ.

Тоби оказался некрасивымъ созданіемъ съ длинной шерстью коричневатаго и бѣлаго цвѣта и висячими ушами, съ неуклюжей, переваливающейся походкой, помѣсью болонки съ охотничьей собакой. Послѣ короткаго колебанія онъ принялъ отъ меня кусокъ сахара, который далъ мнѣ старый натуралистъ. Заключивъ такимъ образомъ союзъ, Тоби пошелъ за мной къ кэбу и безъ затрудненій послѣдовалъ за мной дальше. На дворцовыхъ часахъ только-что пробило три, когда я снова очутился въ Пондишерри-Лоджъ. Тутъ я услышалъ, что экс-борецъ Макъ-Мердо арестованъ какъ сообщникъ и вмѣстѣ съ мистеромъ Шольто отправленъ на станцію. У узкой калитки стояли два констэбля; они позволили мнѣ пройти съ собакой, когда я назвалъ фамилію сыщика.

Холмсъ стоялъ внизу лѣстницы и курилъ, засунувъ руки въ карманы.

— А, вы привели его!—сказалъ онъ.—Славная собака! Этельней Джонъ ушелъ. Послѣ вашего отъѣзда у насъ проявлена громадная энергія. Онъ арестовалъ не только нашего пріятеля Таддеуса, но и привратника, экономку и слугу-индуса. Весь домъ къ нашимъ услугамъ; только сержантъ остался наверху. Оставьте собаку здѣсь и пойдемъ наверхъ.

Мы привязали Тоби къ столу въ передней и поднялись по лѣстницѣ наверхъ. Комната была въ томъ же видѣ, въ какомъ мы оставили ее, только центральная фигура была покрыта простыней. Полицейскій съ усталымъ видомъ сидѣлъ въ углу.

— Одолжите мнѣ вашъ фонарь, сержантъ,—сказалъ мой пріятель.—Теперь привяжите вотъ этотъ кусокъ картона къ моей шеѣ такъ, чтобъ онъ висѣлъ у меня на груди. Благодарю васъ. Теперь я сброшу сапоги и чулки. Снесите ихъ внизъ, Ватсонъ. Мнѣ придется немного ползать. И опустите мой платокъ въ креозотъ. Вотъ такъ. Пойдемте со мной на чердакъ.

Мы влѣзли черезъ отверстіе. Холмсъ направилъ свѣтъ фонаря на слѣды.

— Я хочу, чтобы вы обратили особое вниманіе на эти

слѣды,—сказалъ онъ.—Вы не замѣчаете въ нихъ ничего особеннаго?

— Это слѣды ребенка или женщины маленькаго роста,—сказалъ я.

— А ничего другого, кромѣ величины?

— Слѣды какъ слѣды.

— Вовсе нѣтъ. Посмотрите-ка! Вотъ тутъ въ пыли—слѣдъ правой ноги. Вотъ я оставляю рядомъ слѣдъ моей голой ноги. Какая разница между этими слѣдами?

— Ваши пальцы—всѣ вмѣстѣ. Пальцы другого слѣда—каждый отдѣльно.

— Вотъ именно. Запомните это хорошенько. Теперь, подойдите, пожалуйста, къ этому окну и понюхайте край деревянной рамы. Я останусь здѣсь, такъ какъ у меня платокъ въ рукѣ.

Я исполнилъ его приказаніе и немедленно почувствовалъ сильный запахъ дегтя.

— Вотъ куда онъ поставилъ ногу при выходѣ. Ужъ если вы съумѣли напасть на его слѣдъ, то для Тоби, я думаю, это не составитъ ни малѣйшаго затрудненія. Ну, теперь бѣгите внизъ, отпустите собаку и ожидайте подвиговъ Блондена.

Къ тому времени, какъ я вышелъ во дворъ, Шерлокъ Холмсъ былъ уже на крышѣ и я видѣлъ, какъ онъ, словно громадный свѣтлячекъ, медленно ползъ вдоль края. Я потерялъ его изъ виду за трубами, но затѣмъ онъ появился и снова исчезъ на противоположной сторонѣ. Когда я обошелъ вокругъ, я увидѣлъ его сидящимъ на карнизѣ у угла крыши.

— Это вы, Ватсонъ?—крикнулъ онъ.

— Да.

— Вотъ мѣсто, откуда онъ спустился. Что это чернѣетъ тамъ внизу?

— Бочка для воды.

— Съ крышкой?

— Да.

— Ни признака лѣстницы?

— Нѣтъ.

— Чортъ побери этого молодца! Тутъ можно голову сломать. Придется мнѣ спуститься внизъ, разъ онъ сумѣлъ подняться. Ну, впередъ.

Послышался шорохъ и фонарь сталъ постепенно опускать-

ся вдоль стѣны. Потомъ, легкимъ прыжкомъ, Холмсъ соскочилъ на бочку, а оттуда на землю.

— Легко было идти по его слѣдамъ,—сказалъ онъ, надѣвая чулки и сапоги.—На всемъ пути черепицы расшатаны, а впопыхахъ онъ обронилъ вотъ эту штуку, которая подтверждаетъ мой діагнозъ, какъ выражаетесь вы, доктора.

Онъ подалъ мнѣ маленькій мѣшокъ или кошель изъ плетеныхъ разноцвѣтныхъ травъ, украшенный наверху яркими бусами. По формѣ и величинѣ онъ нѣсколько напоминалъ портсигаръ. Внутри его было съ полдюжины иглъ изъ темнаго дерева, заостренныхъ съ одного конца и округленныхъ съ другого, какъ та, которой былъ убитъ Бартоломей Шольто.

— Это адскія штуки,—сказалъ онъ.—Берегитесь, чтобъ не уколоться. Я въ восторгѣ, что онѣ попались мнѣ, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, другихъ у него нѣтъ. Намъ съ вами нечего бояться, что одна изъ нихъ очутится у насъ въ кожѣ. Я скорѣе согласенъ бы былъ имѣть дѣло съ пулей Мартини. Что, вы въ состояніи пройти шесть миль, Ватсонъ?

— Конечно,—отвѣтилъ я.

— Вынесетъ ли это ваша нога?

— О, да.

— Эй, собачка! Милый старый Тоби! Понюхай, Тоби, понюхай.

Онъ поднесъ къ носу собаки платокъ, пропитанный креозотомъ. Животное стояло, разставивъ мохнатыя ноги и комично склонивъ голову на бокъ, словно знатокъ, нюхающій букетъ знаменитой виноградной лозы. Затѣмъ Холмсъ отбросилъ платокъ, привязалъ толстую веревку къ ошейнику собаки и подвелъ ее къ бочкѣ съ водой. Тоби разразился громкимъ, дрожащимъ лаемъ, опустилъ носъ къ землѣ, поднялъ хвостъ на воздухъ и побѣжалъ по слѣду такъ быстро, что натянулъ веревку, а намъ пришлось бѣжать изо всѣхъ силъ.

Востокъ постепенно бѣлѣлъ и теперь мы могли видѣть нѣсколько вдаль при холодномъ, сѣромъ свѣтѣ. Квадратный массивный домъ съ его темными, пустыми окнами и высокими, обнаженными стѣнами, остался позади насъ, грустный и заброшенный. Нашъ путь шелъ по парку, между ямами и канавами, пересѣкавшими его. Вся мѣстность съ разбросанными кучами мусора и жалкими кустарниками носила зловѣщій видъ, вполнѣ гармонировавшій съ мрачной трагедіей, нависшей надъ домомъ. Достигнувъ стѣны, Тоби побѣжалъ вдоль, подъ ея тѣнью,

и наконецъ остановился въ уголку, осѣненнымъ молодымъ букомъ. Въ мѣстѣ соединенія двухъ стѣнъ оказалось нѣсколько вынутыхъ кирпичей, а оставшіяся трещины были такъ сглажены и утоптаны, какъ будто ими постоянно пользовались, какъ лѣстницей. Холмсъ взобрался на стѣну и, взявъ отъ меня собаку, перебросилъ ее на другую сторону.

— Вотъ отпечатокъ руки человѣка съ деревянной ногой,—сказалъ онъ.—Видите маленькое пятно крови на бѣлой штукатуркѣ? Какое счастье, что со вчерашняго дня не было сильнаго дождя! Слѣдъ останется на землѣ, несмотря на то, что они убѣжали двадцать восемь часовъ тому назадъ.

Признаюсь, я сомнѣвался, чтобы это было возможно въ виду большой ѣзды на Лондонской дорогѣ. Но мои страхи скоро разсѣялись. Тоби, ни минуты не колеблясь, шелъ впередъ своей развалистой походкой. Очевидно, острый запахъ креозота былъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ запаховъ.

— Не воображайте,—сказалъ Холмсъ,—что мой успѣхъ въ этомъ дѣлѣ зависитъ только отъ той случайности, что одинъ изъ молодцевъ наступилъ ногой на химическій препаратъ. У меня есть теперь много различныхъ данныхъ, которыя могутъ мнѣ помочь найти преступниковъ. Эта случайность одна изъ самыхъ легкихъ и такъ какъ, по счастью, она далась намъ въ руки, то я былъ бы не правъ, если бы не воспользовался ею. Но благодаря этому, дѣло перестаетъ быть интересной, умственной проблемой, какъ можно было предполагать раньше. Не будь этого слишкомъ легкаго способа разрѣшенія задачи— дѣло могло бы пріобрѣсти извѣстность.

— Извѣстность-то будетъ, и большая,—сказалъ я.—Увѣряю васъ, Холмсъ, я поражаюсь вашимъ способомъ добывать данныя, и въ этомъ дѣлѣ еще болѣе, чѣмъ въ дѣлѣ Джефферсона Гопа. Для меня лично все кажется таинственнѣе и необъяснимѣе. Ну, какъ, напримѣръ, вы могли такъ подробно описать человѣка съ деревянной ногой?

— Ба, мой милый мальчикъ! Да нѣтъ ничего проще. Я вовсе не желаю пользоваться театральными эффектами. У меня все на чистоту. Два офицера, имѣющіе надзоръ надъ каторжниками, узнаютъ важный секретъ насчетъ спрятаннаго клада. Одинъ англичанинъ, по имени Джонатанъ Смолль, чертитъ для нихъ планъ. Вы помните—мы видѣли эту фамилію на планѣ, принадлежавшемъ капитану Морстэну. Онъ подписалъ ее за себя и за своихъ сообщниковъ—давъ этой подписи

драматическое названіе «Знакъ четырехъ». При помощи этого плана, офицеры или одинъ изъ нихъ добываетъ кладъ и привозитъ его въ Англію, причемъ, слѣдуетъ предположить, не выполняетъ какого-то условія. Но почему же самъ Джонатанъ Смолль не добылъ клада? Отвѣтъ ясенъ. Планъ помѣченъ тѣмъ временемъ, когда Морстэну приходилось входить въ близкія отношенія съ каторжниками. Джонатанъ Смолль не добылъ клада, потому что онъ и его сообщники были каторжники.

— Но вѣдь это только предположеніе,—сказалъ я.

— Больше, чѣмъ простое предположеніе. Это единственная гипотеза, объясняющая факты. Посмотримъ теперь, насколько она можетъ быть вѣрна. Маіоръ Шольто остается въ покоѣ нѣсколько лѣтъ счастливымъ обладателемъ драгоцѣнностей. Потомъ онъ получаетъ письмо изъ Индіи, сильно испугавшее его. Что могло быть въ этомъ письмѣ?

— Извѣстіе, что человѣкъ, котораго онъ обидѣлъ, сталъ свободнымъ.

— Или бѣжалъ. Это правдоподобнѣе, такъ какъ онъ долженъ былъ знать срокъ отбыванія наказанія и въ этомъ случаѣ извѣстіе не поразило бы его. Что же онъ дѣлаетъ тогда? Онъ охраняетъ себя отъ человѣка съ деревянной ногой—замѣтьте бѣлаго, потому что онъ принимаетъ за него бѣлаго торговца и стрѣляетъ въ него. На планѣ фамилія только одного бѣлаго. Остальные—индусы или магометане. Другого бѣлаго нѣтъ. Поэтому мы съ увѣренностью можемъ сказать, что человѣкъ съ деревянной ногой тожествененъ съ Джонатаномъ Смоллемъ. Находите вы какую-нибудь ошибку въ этомъ разсужденіи?

— Нѣтъ. Оно вполнѣ ясно и точно.

— Хорошо. Теперь поставимъ себя на мѣсто Джонатана Смолля. Взглянемъ на дѣло съ его точки зрѣнія. Онъ возвращается въ Англію съ мыслью вступить, какъ онъ полагаетъ, въ свои права и въ то же время отомстить тому, кто обидѣлъ его. Онъ узналъ мѣстожительство Шольто и, весьма вѣроятно, завелъ сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ его слугъ. Мы не видѣли дворецкаго Лаль Рао. Миссисъ Бернстонъ одобрительно отзывается о немъ. Однако Смолль не могъ бы самъ открыть клада, такъ какъ это было извѣстно только маіору и вѣрному слугѣ его, который уже умеръ. Внезапно Смолль узнаетъ, что маіоръ при смерти. При мысли, что тайна клада умретъ вмѣстѣ съ нимъ, Смолль пробирается къ окну комнаты умирающаго и

только присутствіе сыновей маіора мѣшаетъ ему войти туда. Но ночью, обезумѣвъ отъ ненависти къ умершему, онъ входитъ въ его комнату, роется въ его бумагахъ, надѣясь найти какія-нибудь указанія на счетъ клада, и наконецъ оставляетъ воспоминаніе о своемъ посѣщеніи въ видѣ короткой надписи на кускѣ папки. Онъ, безъ сомнѣнія, рѣшилъ впередъ, что, въ случаѣ если убьетъ маіора оставитъ подобнаго рода записку въ знакъ того, что это не обыкновенное убійство, но (съ точки зрѣнія четырехъ сообщниковъ) въ нѣкоторомъ родѣ актъ правосудія. Подобнаго рода загадочныя и странныя причуды довольно часто встрѣчаются въ анналахъ преступленій и обыкновенно даютъ цѣнныя указанія насчетъ личности преступника. Вы понимаете меня?

— Вполнѣ.

— Но что же могъ сдѣлать Джонатанъ Смолль? Онъ могъ только исподтишка наблюдать за усиліями тѣхъ, кто искалъ кладъ. Можетъ-быть, онъ покидаетъ Англію и возвращается только по временамъ. Затѣмъ слѣдуетъ находка чердака, о чемъ его увѣдомляютъ немедленно. Опять мы встрѣчаемся съ указаніями сообщника въ домѣ. Джонатанъ на своей деревяшкѣ, не въ состояніи добраться до комнаты Бартоломея Шольто наверху. Онъ беретъ съ собой довольно страннаго помощника, который преодолѣваетъ эту опасность, но попадаетъ голой ногой въ креозотъ, благодаря чему приходится употребить въ дѣло Тоби и заставить прихрамывающаго офицера въ отставкѣ прогуляться цѣлыхъ шесть миль.

— Но преступленіе совершено сообщникомъ, а не Джонатаномъ.

— Совершенно вѣрно. И даже къ полному негодованію Джонатана, что видно изъ того, какъ онъ ступилъ ногой, войдя въ комнату. Онъ ничего не имѣлъ противъ Бартоломея Шольто и удовольствоваться бы тѣмъ, чтобъ связать его и заткнуть ему ротъ. Но дѣлать было нечего: дикіе инстинкты его товарища вырвались наружу и ядъ оказалъ свое дѣйствіе. Итакъ Джонатанъ Смолль оставилъ на память записку, спустилъ ящикъ съ драгоцѣнностями и затѣмъ спустился самъ. Таковъ ходъ дѣла, какъ онъ представляется мнѣ. Что касается наружнаго вида преступника, то это должно быть человѣкъ среднихъ лѣтъ и сильно загорѣлый послѣ столькихъ лѣтъ работы въ такомъ пеклѣ, какъ Андаманскіе острова. Ростъ его легко узнать по длинѣ его шаговъ; мы знаемъ, что у него борода. Обиліе волосъ

болѣе всего поразило Таддеуса Шольто, когда онъ увидѣлъ лицо въ окнѣ. Кажется, ничего больше.

— А сообщникъ?

— А, ну тутъ нѣтъ никакой особой таинственности. Но вы скоро узнаете все остальное. Какъ хорошъ утренній воздухъ! Посмотрите, какъ плыветъ это облачко, словно розовое перышко какого-то громаднаго фламинго. Вотъ красный край солнца подымается надъ туманнымъ берегомъ Лондона. Онъ свѣтитъ многимъ людямъ, но, готовъ держать пари, между ними нѣтъ ни одного, кто отправлялся бы по болѣе странному дѣлу, чѣмъ мы. Какъ ничтожны мы съ нашимъ ничтожнымъ мелкимъ честолюбіемъ и стремленіями въ присутствіи великихъ стихійныхъ силъ природы! Ну, какъ идетъ ваше изученіе Жанъ Поля?

— Ничего себѣ. Я обратился къ нему послѣ изученія Карлейля.

— Это все равно, что пройти по ручью къ озеру, изъ котораго онъ вытекаетъ. Онъ дѣлаетъ одно любопытное, но глубокое замѣчаніе, а именно, что доказательство дѣйствительнаго величія человѣка состоитъ въ его сознаніи своего ничтожества. Видите ли, для этого требуется сила сравненія и анализа, которая сама по себѣ является доказательствомъ благородства. Да, у Рихтера есть надъ чѣмъ подумать... У васъ нѣтъ пистолета?

— Со мной палка.

— Очень возможно, что это пригодится намъ, когда мы попадемъ въ ихъ берлогу. Джонатана я предоставлю вамъ, но если другой станетъ сопротивляться—я застрѣлю его.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и, вложивъ два заряда, положилъ его въ правый карманъ жакетки.

Все это время мы шли подъ предводительствомъ Тоби къ столицѣ по полудеревенской дорогѣ; съ обѣихъ сторонъ виднѣлись виллы. Теперь же мы вышли на безконечныя улицы, по которымъ уже двигались рабочіе и матросы; неопрятно одѣтыя женщины снимали ставни и подметали лѣстницы. На углахъ, въ кабачкахъ, начиналась дневная жизнь и люди грубаго вида выходили оттуда, утирая рукавомъ бороды послѣ утренней выпивки. Странныя собаки бродили по улицамъ, съ удивленіемъ смотря на насъ, но нашъ несравненный Тоби не смотрѣлъ ни направо, ни налѣво, а шелъ, опустивъ носъ къ землѣ, и только изрѣдка взвизгивалъ, когда попадалъ на горячій слѣдъ.

Мы прошли Стрэтгемъ, Брикстонъ, Кембервелль и очутились въ переулкѣ Кеннингтонъ. Тѣ, кого мы преслѣдовали, казалось, избрали самый запутанный путь, вѣроятно, для того, чтобъ избѣгнуть наблюденій. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было найти параллельную ей. У начала Кеннингстонскаго переулка они уклонились налѣво чрезъ улицы Бондъ и Майльсъ. Тамъ, гдѣ послѣдняя сворачиваетъ на Рыцарскую площадь, Тоби перестаіъ идти впередъ, и началъ бросаться то въ одну, то въ другую сторону, поднявъ одно ухо и опустивъ другое, какъ истое олицетвореніе собачьяго недоумѣнія. Потомъ онъ сталъ ходить кругами вокругъ насъ, смотря по временамъ на насъ, словно прося сочувствія къ своему затрудненію.

— Чортъ знаетъ что такое съ собакой?—проворчалъ Холмсъ.—Вѣдь не взяли же они кэбъ и не поднялись на воздушномъ шарѣ.

— Можетъ-быть, они стояли здѣсь нѣсколько времени,—подсказалъ я.

— А! вотъ онъ опять бросился впередъ!—сказалъ съ облегченіемъ мой пріятель.

Дѣйствительно, Тоби опять побѣжалъ впередъ, обнюхавъ все и какъ будто придя къ какому-то рѣшенію, и побѣжалъ съ такой энергіей и рѣшительностью, какой не выказывалъ раньше. Слѣдъ, казалось, былъ горячѣе, чѣмъ когда-либо, потому что Тоби даже не опускалъ носа къ землѣ, но дергалъ веревку и порывался бѣжать изо всѣхъ силъ. По блеску глазъ Холмса я видѣлъ, что онъ думалъ, что мы приближаемся къ цѣли нашего путешествія.

Путь нашъ шелъ теперь мимо «Девяти вязовъ» и скоро мы добрались до большого дровяного двора, пройдя таверну «Орелъ». Тутъ собака, обезумѣвшая отъ возбужденія, пробѣжала черезъ боковую калитку во дворъ, гдѣ работали уже пильщики. Собака бѣжала среди опилокъ и стружекъ по аллеѣ, между двумя рядами соломенныхъ дровъ и, наконецъ, съ торжествующимъ лаемъ, вскочила на громадную бочку, на которой съ высунутымъ языкомъ, мигающими глазами Тоби стоялъ, смотря попеременно на одного изъ насъ, очевидно, въ ожиданіи одобренія; доски, бочки и колеса тачки были покрыты темной жидкостью, а воздухъ весь пропитанъ креозотомъ.

Шерлокъ Холмсъ и я смущенно переглянулись, а затѣмъ разразились неудержимымъ смѣхомъ

VIII. Иррегулярная армія улицы Бэкеръ.

— Какъ же теперь быть?—спросилъ я.—Тоби потерялъ свою безупречную репутацію.

— Онъ дѣйствовалъ сообразно своему пониманію,—сказалъ Холмсъ; онъ снялъ собаку съ бочки и повелъ ее со двора.—Если вы поразмыслите, сколько креозота провозится въ Лондонѣ ежедневно, то не удивитесь, что наши слѣды перепутались. Креозотъ теперь въ большомъ ходу, особенно при обработкѣ дерева. Бѣдный Тоби не виноватъ.

— Я думаю, намъ придется начать сначала.

— Да. И, къ счастью, намъ недалеко идти. Очевидно, собака оттого такъ смутилась на углу Рыцарской площади, что тамъ шли слѣды въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Мы пошли по ложному слѣду. Теперь надо идти по другому.

Это было вовсе не трудно. Какъ только мы привели Тоби къ мѣсту его ошибки, онъ описалъ нѣсколько широкихъ круговъ и бросился по другому направленію.

— Только бы онъ не привелъ насъ къ тому мѣсту, откуда привезена бочка,—замѣтилъ я.

— Я уже думалъ объ этомъ. Но вы видите, онъ бѣжитъ по тротуару, тогда какъ бочка ѣхала по мостовой. Нѣтъ, теперь мы на вѣрномъ слѣду.

Мы шли внизъ къ рѣкѣ, мимо площади Бельмонтъ и улицы Принца. Въ концѣ Широкой улицы слѣдъ шелъ прямо къ берегу, гдѣ виднѣлась деревянная пристань. Тоби подвелъ насъ къ краю пристани и завылъ, смотря внизъ на темную рѣку.

— Не везетъ намъ,—сказалъ Холмсъ.—Тутъ они сѣли въ лодку.

Нѣсколько маленькихъ яликовъ и лодокъ виднѣлось на водѣ и у пристани. Мы подводили Тоби поочереди къ каждой изъ нихъ, но хотя онъ весьма добросовѣстно обнюхалъ всѣ, однако очевидно ничего не узналъ.

Рядомъ съ грубой пристанью стоялъ маленькій кирпичный домъ, надъ вторымъ окномъ котораго красовалась деревянная вывѣска. На ней, большими буквами, было напечатано: «Мордохей Смитъ», а внизу: «Лодки въ наемъ на часъ и поденно». Другая вывѣска, надъ дверью, извѣщала, что здѣсь имѣется и паровой баркасъ, что подтверждалось громадной кучей кокса на дамбѣ.

Шерлокъ Холмсъ медленно оглянулся вокругъ, лицо его приняло зловѣщее выраженіе.

— Дѣло плохо,—сказалъ онъ.—Эти молодцы хитрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Они, какъ кажется, замели слѣды. Боюсь, что тутъ былъ уговоръ.

Онъ подходилъ къ дому, какъ разъ въ ту минуту, когда распахнулась дверь и маленькій кудрявый мальчикъ лѣтъ шести выбѣжалъ оттуда; за нимъ показалась толстая женщина съ краснымъ лицомъ, съ большой губкой въ рукѣ.

— Иди мыться, Джэкъ!—крикнула она.—Иди сюда, пострѣленокъ. Вернется отецъ, увидитъ тебя въ такомъ видѣ и задастъ обоимъ намъ.

— Милый малютка!—сказалъ Холмсъ, преслѣдуя свои стратегическія цѣли.—Что за прелестный розовый бездѣльникъ! Ну, Джэкъ, чего ты хочешь?

Ребенокъ задумался на минуту.

— Шиллингъ,—сказалъ онъ.

— Ничего больше?

— Лучше два шиллинга,—отвѣтилъ послѣ небольшого раздумья удивительный ребенокъ.

— Ну вотъ они! Лови! Славный ребенокъ, миссисъ Смитъ.

— Да, сэръ, да благословитъ васъ Господь. И умница... Трудненько мнѣ справляться съ нимъ, особенно когда мужа не бываетъ дома по цѣлымъ днямъ.

— Нѣтъ дома и теперь?—спросилъ Холмсъ разочарованнымъ тономъ.—Какъ жаль! Мнѣ нужно было поговорить съ мистеромъ Смитомъ.

— Его нѣтъ дома со вчерашняго утра, сэръ, и по правдѣ сказать, я начинаю тревожиться о немъ. Но если вамъ нужна лодка, сэръ, то я могу дать вамъ ее.

— Я хотѣлъ нанять баркасъ.

— Онъ какъ разъ и поѣхалъ въ немъ, сэръ. Вотъ то-то и удивляетъ меня, потому что я знаю, что углей хватитъ только на то, чтобъ доѣхать въ Вульвича и обратно. Если бы онъ уѣхалъ на баржѣ, я и не подумала бы о томъ, что онъ не возвратился, такъ какъ онъ часто ѣздитъ по дѣламъ въ Грэвэндъ и могъ бы остаться тамъ въ случаѣ нужды. Но на что годится баркасъ безъ угольевъ?

— Можетъ-быть, онъ купилъ уголь гдѣ-нибудь на пристани.

— Можетъ-быть, сэръ, но это на него непохоже. Много разъ я слышала, какъ онъ ужасался цѣнамъ, которыя берутъ за

нѣсколько жалкихъ мѣшковъ. Къ тому же не нравится мнѣ этотъ человѣкъ съ деревянной ногой, съ его некрасивымъ лицомъ и иностраннымъ говоромъ. Что ему было нужно? Чего онъ постоянно околачивался тутъ?

— Человѣкъ съ деревянной ногой?—съ любезнымъ изумленіемъ спросилъ Холмсъ.

— Да, сэръ, смуглый человѣкъ съ лицомъ похожимъ на мартышку, часто приходилъ къ моему старику. Онъ разбудилъ мужа вчера ночью; да мужъ и зналъ, что онъ придетъ, потому что развелъ пары на баркасѣ. Говорю вамъ откровенно, сэръ, все это очень тревожитъ меня.

— Но, дорогая миссисъ Смитъ,—сказалъ Холмсъ, пожимая плечами,—вы тревожитесь изъ-за пустяковъ. Какъ можете вы быть увѣрены, что именно этотъ человѣкъ приходилъ сегодня ночью? Не понимаю, откуда у васъ такая увѣренность.

— Я узнала его по голосу, сэръ. У него голосъ такой густой и словно пропитанный туманомъ. Онъ постучался въ окно... это было около трехъ часовъ.—Выходи-ка, товарищъ, пора!—сказалъ онъ. Мой старикъ разбудилъ Джемса—это нашъ старшій—и оба ушли, ни слова не сказавши мнѣ. Я слышала, какъ деревяшка стучала по камнямъ.

— А человѣкъ на деревянной ногѣ приходилъ одинъ?

— Не могу сказать навѣрно, сэръ. Я не слышала другого голоса.

— Очень сожалѣю, миссисъ Смитъ; мнѣ нуженъ былъ баркасъ и мнѣ очень хвалили... Позвольте, какъ бишь его названіе.

— Аврора, сэръ.

— А! это не старый зеленый баркасъ съ желтой полосой, очень широкой.

— О, нѣтъ. Это самая изящная штучка на рѣкѣ. Онъ заново выкрашенъ въ черный цвѣтъ съ двумя красными полосами.

— Спасибо. Надѣюсь, вы скоро узнаете что-нибудь о мистерѣ Смитѣ. Я отправляюсь внизъ по рѣкѣ и, если увижу «Аврору», то дамъ ему знать о вашемъ безпокойствѣ. Вы говорите—труба черная?

— Нѣтъ, сэръ. Черная съ бѣлой полосой.

— Ахъ, конечно. Бока черные. Добраго утра, миссисъ Смитъ. Вотъ лодочникъ съ яликомъ, Ватсонъ. Мы возьмемъ его и переѣдемъ черезъ рѣку.

— Главное въ дѣлахъ съ подобнаго рода людьми,—ска-

залъ Холмсъ, когда мы усѣлись въ яликъ,—это никогда не давать имъ понять, что сообщаемыя ими свѣдѣнія имѣютъ какое-либо значеніе. Дайте только это понять, и они уйдутъ какъ улитки въ свою раковину. Если же вы слушаете ихъ какъ будто нехотя, вы, по всѣмъ вѣроятіямъ, получите всѣ желаемыя свѣдѣнія.

— Теперь нашъ путь совершенно ясенъ,—сказалъ я.

— Что же вы сдѣлали бы?

— Я нанялъ бы баркасъ и отправился по слѣдамъ «Авроры».

— Милый мой, это была бы колоссальная задача. Она могла остановиться на любой пристани отсюда до Гринвича. Ниже моста—цѣлый лабиринтъ пристаней тянется на цѣлыя мили. Вамъ пришлось бы употребить на это цѣлые дни, если бы вы отправились одинъ.

— Ну, такъ пригласите полицію.

— Нѣтъ. Я вѣроятно призову Этельнея Джонса въ послѣднюю минуту. Онъ недурной малый и я не хотѣлъ бы повредить ему въ его профессіи. Но мнѣ хочется самому заняться этимъ дѣломъ, разъ мы уже зашли такъ далеко.

— Не можемъ ли мы тогда сдѣлать публикаціи, обратиться къ владѣльцамъ пристаней?

— Еще хуже! Наши молодцы сейчасъ бы догадались, что ихъ преслѣдуютъ по горячимъ слѣдамъ, и убрались бы изъ Англіи. Они и такъ уѣдутъ, но не будутъ торопиться, пока чувствуютъ себя въ безопасности. Тутъ энергія Джонса послужитъ намъ въ пользу, такъ какъ его взглядъ на дѣло навѣрно проникнетъ въ прессу и бѣглецы узнаютъ, что поиски идутъ по ложнымъ слѣдамъ.

— Что же намъ тогда дѣлать?—спросилъ я, когда мы причалили вблизи.

— Возьмите кэбъ, поѣзжайте домой, позавтракайте и сосните часокъ. Весьма вѣроятно, что намъ придется провести на ногахъ и эту ночь. Остановись у телеграфной станціи, извозчикъ! Мы оставимъ Тоби, такъ какъ онъ можетъ еще пригодиться намъ.

Мы остановились у почтоваго отдѣленія въ Большой Петровской улицѣ и Холмсъ отправилъ телеграмму.

— Какъ вы думаете, кому я телеграфировалъ?—спросилъ онъ, когда мы поѣхали дальше.

— Право не знаю.

— Помните, отдѣленіе сыскной полиціи въ улицѣ Бэкеръ, которымъ я пользовался въ дѣлѣ Джефферсона Гопа?

— Ну?—со смѣхомъ проговорилъ я.

— Здѣсь услуги ихъ могутъ оказаться неоцѣненными. Не удается имъ, попробую другіе способы, но сначала воспользуюсь ими. Телеграфировалъ я моему грязному маленькому адъютанту Виджинсу и ожидаю, что онъ со своей шайкой будетъ у насъ, прежде чѣмъ мы окончимъ свой завтракъ.

Было уже около девяти часовъ и я чувствовалъ сильную реакцію послѣ различныхъ волненій этой ночи. Я усталъ и захромалъ; мысли у меня путались, тѣло утомилось. У меня не было профессіональнаго энтузіазма, поддерживавшаго моего друга, а на дѣло я не могъ смотрѣть съ точки зрѣнія только отвлеченной программы. Что касалось смерти Бартоломея Шольто—я слышалъ о немъ мало хорошаго и не могъ чувствовать сильной антипатіи къ его убійцамъ. Но кладъ—иное дѣло. Онъ, или часть его, принадлежала по праву миссъ Морстэнъ. Пока былъ хоть какой-нибудь шансъ найти его, я готовъ былъ отдать жизнь на поиски. Правда, если бы мнѣ удалось найти его, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, пришлось бы навѣки отказаться отъ нея. Но подобнаго рода мысль могла бы повліять только на мелочную, себялюбивую любовь. Если Холмсъ такъ хлопоталъ о томъ, чтобъ открыть виновныхъ, то у меня была причина, въ десять разъ болѣе сильная, чтобы стремиться найти пропавшія драгоцѣнности.

Ванна въ улицѣ Бэкеръ и перемѣна бѣлья и костюма подѣйствовали на меня замѣчательно освѣжающимъ образомъ. Когда я сошелъ въ нашу столовую, я увидѣлъ на столѣ завтракъ, а Холмсъ наливалъ кофе.

— Вотъ оно,—сказалъ онъ, со смѣхомъ указывая на только что развернутую газету.—Энергичный Джонсъ и вездѣсущій репортеръ порѣшили все между собой. Но съ васъ уже довольно этого дѣла. Займитесь-ка лучше ветчиной и яйцами.

Я взялъ отъ него газету и прочелъ короткую замѣтку, озаглавленную: «Таинственное происшествіе въ Верхнемъ Норвудѣ».

«Прошлой ночью—около двѣнадцати часовъ,—говорилось въ «Standard»,—мистеръ Бартоломей Шольто, изъ Пондишерри-Лоджъ, въ Верхнемъ Норвудѣ, былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ при обстоятельствахъ, заставляющихъ предполагать преступленіе. Насколько намъ извѣстно, на тѣлѣ мисте-

ра Шольто не найдено было никакихъ знаковъ насилія, но унесена цѣнная коллекція индійскихъ драгоцѣнностей, которую покойный унаслѣдовалъ отъ своего отца. Открытіе было сдѣлано мистеромъ Шерлокомъ Холмсомъ и докторомъ Ватсономъ, которые прибыли въ домъ вмѣстѣ съ Тадцеусомъ Шольто, братомъ покойнаго. По странной счастливой случайности м-ръ Этельней Джонсъ, хорошо извѣстный членъ сыскной полиціи, находился на полицейской станціи въ Норвудѣ и черезъ полчаса послѣ полученнаго извѣстія былъ уже на мѣстѣ преступленія. Онъ сразу направилъ свое знаніе и опытъ на задержаніе преступниковъ, слѣдствіемъ чего явился арестъ брата покойнаго, Тоддеуса Шольто, а также экономки, м-съ Бернстонъ, индуса—дворецкаго, по имени Лаль Рао и швейцара или привратника по имени Макъ Мердо. Вполнѣ удостовѣрено, что воръ, или воры, были хорошо знакомы съ домомъ, такъ какъ хорошо извѣстныя техническія знанія и замѣчательная наблюдательность мистера Джонса дали ему возможность окончательно доказать, что преступники не могли войти ни въ дверь, ни въ окно, но пробрались, должно-быть, по крышѣ и черезъ опускную дверь проникли въ комнату, въ которой нашли трупъ. Этотъ фактъ—чрезвычайно точно установленный—окончательно доказываетъ, что это не случайный грабежъ. Быстрыя и энергичныя дѣйствія блюстителей закона доказываютъ, какъ важно въ подобныхъ случаяхъ, чтобы во главѣ дѣла стоялъ одинъ сильный и искусный умъ. Мы убѣждены, что данное обстоятельство можетъ служить аргументомъ для тѣхъ, кто желалъ бы видѣть силы нашихъ сыщиковъ болѣе децентрализованными и такимъ образомъ приведенными къ болѣе тѣсному и дѣятельному соприкосновенію съ дѣлами, которыя имъ приходится изслѣдовать».

— Ну, развѣ не великолѣпно?—сказалъ Холмсъ, усмѣхаясь.—Что вы на это скажете?

— Скажу, что мы сами едва избѣгли ареста.

— И я скажу то же самое. Я не отвѣчаю за нашу безопасность и теперь, если у него случится новый приливъ энергіи.

Въ эту минуту раздался громкій звонокъ и я услышалъ голосъ м-съ Гедзонъ, нашей хозяйки, доказывавшей что-то тономъ полнымъ отчаянія.

— Клянусь небомъ, Холмсъ,—замѣтилъ я, приподымаясь съ мѣста,—пришли за нами.

— Ну дѣло еще не такъ плохо. Это не оффиціальныя силы, а иррегулярныя войска улицы Бэкеръ.

При этихъ словахъ на лѣстницѣ послышались поспѣшные шаги голыхъ ногъ, гулъ высокихъ голосовъ и въ комнату влетѣла толпа грязныхъ и оборванныхъ маленькихъ уличныхъ бродягъ. Несмотря на бурное вторженіе, между ними была, очевидно, нѣкотораго рода дисциплина, такъ какъ всѣ они мгновенно стали въ рядъ и смотрѣли на насъ съ выраженіемъ ожиданія па лицахъ. Одинъ изъ нихъ, постарше и повыше, вышелъ впередъ съ видомъ превосходства, чрезвычайно смѣшнымъ въ такомъ оборванцѣ.

— Получилъ ваше приказаніе,—сказалъ онъ,—и сейчасъ же привезъ ихъ. Три съ половиною за билеты.

— Вотъ тебѣ,—сказалъ Холмсъ, вынимая нѣсколько серебряныхъ монетъ.—Впослѣдствіе они могутъ докладывать тебѣ, Виджинсъ, а ты мнѣ. Я не могу допустить, чтобы такъ врывались ко мнѣ. Но теперь, пожалуй, хорошо, если всѣ выслушаютъ мои распоряженія. Я хочу узнать, гдѣ находится баркасъ «Аврора», владѣлецъ Мардохей Смитъ; баркасъ черный съ двумя красными полосами, труба черная съ бѣлой полосой. Мнѣ нужно, чтобы одинъ мальчикъ стоялъ у пристани, гдѣ останавливается Мардохей Смитъ, напротивъ Милльбенка, для того, чтобъ сообщить, если вернется баркасъ. Вы должны подѣлить трудъ между собой и сторожить оба берега. Дайте мнѣ немедленно знать, если узнаете что-нибудь. Понятно ли вамъ?

— Да, баринъ,—сказалъ Виджинсъ.

— Плата прежняя, а тому, кто найдетъ баркасъ—гинея. Вотъ за день впередъ и убирайтесь!

Онъ подалъ каждому по шиллингу; мальчишки шумно сбѣжали съ лѣстницы и минуту спустя я увидѣлъ ихъ уже на улицѣ.

— Если только лодка на водѣ, они найдутъ ее,—сказалъ Холмсъ, вставая изъ-за стола и закуривая трубку.—Они могутъ идти всюду, все видѣть, все слышать. Я ожидаю, что они до вечера откроютъ ея мѣстопребываніе. А пока мы можемъ только дожидаться результатовъ ихъ поисковъ. Мы не можемъ найти прерваннаго слѣда, пока не найдемъ «Авроры» или м-ра Мардохея Смита.

— Я думаю, Тоби можетъ подъѣсть остатки. Вы ляжете спать, Холмсъ?

— Нѣтъ; я не усталъ. У меня необыкновенная натура. Не помню, чтобы когда-нибудь уставалъ отъ работы, но бездѣлье доводитъ меня до изнеможенія. Я стану курить и обдумывать странное дѣло, съ которымъ познакомила насъ моя прекрасная кліентка. Если когда либо было легкое дѣло, то именно это. Люди на деревяшкѣ встрѣчаются не такъ часто, а другой участникъ, я думаю, единственный въ своемъ родѣ.

— Да, вотъ еще этотъ другой!

— Во всякомъ случаѣ я не хочу дѣлать изъ него тайны для васъ. Но вы, должно-быть, и сами составили свое мнѣніе о немъ. Ну, обратите вниманіе на данные слѣды маленькихъ ногъ, пальцы ногъ, никогда не сдавливаемымъ сапогами, голыя ноги, палка съ каменнымъ набалдашникомъ, замѣчательная ловкость, отравленныя стрѣлы. Что скажете вы на все это?

— Дикарь!—воскликнулъ я.—Можетъ быть, одинъ изъ индусовъ-товарищей Джонатана Смолля.

— Врядъ ли,—сказалъ онъ.—Когда я въ первый разъ увидѣлъ странныя орудія, я готовъ былъ думать это; но особыя характеристическія черты слѣдовъ заставили меня измѣнить мой взглядъ. Нѣкоторые изъ обитателей индійскаго полуострова люди небольшого роста, но ни у кого изъ нихъ не можетъ быть такихъ маленькихъ ногъ. У настоящаго индуса—длинныя, тонкія ноги. У магометанина, носящаго сандаліи, большой палецъ хорошо отдѣленъ отъ другихъ, потому что между ними проходитъ ремень. Затѣмъ, эти маленькія стрѣлы могутъ быть пущены только однимъ способомъ—только выдуваніемъ изъ трубки. Ну, гдѣ же намъ искать нашего дикаря?

— Въ Южной Америкѣ,—сказалъ я наугадъ.

Холмсъ протянулъ руку и взялъ съ этажерки толстый томъ.

— Это первый томъ издающагося новаго географическаго словаря, который можно считать послѣднимъ авторитетомъ. Что у насъ здѣсь? Андаманскіе острова, расположенные въ 340 миляхъ къ сѣверу отъ Суматры, въ Бенгальскомъ заливѣ. Гмъ, гмъ! Это что? Влажный климатъ, коралловые рифы, акулы, портъ Блэръ, казармы каторжниковъ, островъ Рутлэндъ, лѣса Виргинскихъ тополей... А, вотъ оно! «Туземцы Андаманскихъ островахъ имѣютъ право считаться самымъ низкорослымъ племенемъ на землѣ, хотя нѣкоторые антропологи отдаютъ пальму первенства бушменамъ Африки. Средняя высота ихъ роста менѣе четырехъ футовъ, но встрѣчается много взрослыхъ, которые гораздо ниже. Это свирѣпые, угрюмые, упря-

мые люди, хотя способные къ самой преданной дружбѣ, разъ удастся пріобрѣсти ихъ довѣріе». Замѣтьте это, Ватсонъ. Теперь, слушайте дальше: «Они обыкновенно бываютъ отвратительной наружности съ громадными, уродливыми головами, маленькими свирѣпыми глазами и безобразными чертами лица. Но ноги и руки у нихъ замѣчательно малы. Они такъ упрямы и свирѣпы, что всѣ усилія англійскихъ чиновниковъ привлечь ихъ на свою сторону оказались безплодными. Они всегда служили предметомъ ужаса для потерпѣвшихъ крушеніе моряковъ, такъ какъ они убиваютъ оставшихся въ живыхъ, ударяя по головѣ дубинами съ каменными набалдашниками или пуская въ нихъ отравленныя стрѣлы. Эти убійства обыкновенно оканчиваются каннибальскимъ пиромъ». Милый, любезный народъ, Ватсонъ! Если бы этому малому предоставили поступать по-своему, это дѣло могло принять еще болѣе ужасный оборотъ. Я думаю, что даже и теперь Джонатанъ Смолль дорого далъ бы за то, чтобъ не воспользоваться его услугами.

— Но откуда у него такой странный товарищъ?

— Ну, это больше, чѣмъ я могу сказать. Однако, такъ какъ мы уже рѣшили, что Смолль явился съ Андаманскихъ острововъ, то нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ, что съ нимъ находится этотъ островитянинъ. Безъ сомнѣнія въ свое время мы узнаемъ все. Но, Ватсонъ, вы совершенно измучились. Ложитесь-ка на софу, и посмотримъ, не сумѣю ли я усыпить васъ.

Онъ вынулъ скрипку изъ футляра и, когда я растянулся на софѣ, заигралъ какую-то тихую, задумчивую, мелодическую пѣснь, безъ сомнѣнія своего сочиненія, такъ какъ онъ обладаетъ замѣчательнымъ импровизаторскимъ даромъ. У меня осталось воспоминаніе о его неуклюжей фигурѣ, серьезномъ лицѣ и то подымающемся, то опускающемся смычкѣ. Потомъ я мирно понесся по морю нѣжныхъ звуковъ и, наконецъ, очутился въ мірѣ сновидѣній, гдѣ увидѣлъ милое лицо миссъ Морстэнъ

IX. Недостающія звенья.

Было уже поздно, когда я проснулся, подкрѣпленный и освѣженный сномъ. Шерлокъ Холмсъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, только вмѣсто скрипки у него въ рукахъ была книга и онъ казался погруженнымъ въ чтеніе. Онъ взглянулъ на меня,

когда я пошевелился, и я замѣтилъ мрачное и взволнованное выраженіе его лица.

— Крѣпко же вы спали,—сказалъ онъ.—Я боялся, что нашъ разговоръ разбудитъ васъ.

— Я ничего не слышалъ,—отвѣтилъ я.—Есть у васъ новости?

— Къ несчастью, нѣтъ. Сознаюсь, я удивленъ и разочарованъ. Я ожидалъ чего-нибудь опредѣленнаго къ этому времени. Виджинсъ только-что приходилъ съ докладомъ. Онъ говоритъ, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ баркаса. Это досадная задержка, такъ какъ каждый часъ имѣетъ важное значеніе.

— Не могу ли я чего-нибудь сдѣлать? Я совершенно свѣжъ теперь и готовъ не спать всю ночь.

— Нѣтъ; мы ничего не можемъ сдѣлать. Мы можемъ только ждать. Если мы выйдемъ изъ дома, какое-нибудь извѣстіе можетъ придти во время нашего отсутствія и такимъ образомъ дѣло затянется. Вы можете поступать, какъ желаете, но я буду сторожить.

— Ну, такъ я слетаю въ Кембервелль и навѣщу м-съ Сесиль Форрестеръ. Она приглашала меня вчера.

— Навѣстите м-съ Сесиль Форрестеръ?—сказалъ Холмсъ и лукавая усмѣшка блеснула у него въ глазахъ.

— Ну, конечно, и миссъ Морстэнъ. Онѣ очень безпокоились и хотѣли узнать, нѣтъ ли чего новаго.

— Я бы не говорилъ имъ слишкомъ много,—сказалъ Холмсъ.—Женщинамъ никогда нельзя довѣрять вполнѣ, даже самымъ хорошимъ.

Я не сталъ оспаривать это возмутительное предположеніе.

— Я вернусь черезъ часъ или два,—замѣтилъ я.

— Отлично! Желаю счастья! Но, знаете, если вы поѣдете на ту сторону рѣки, то можете завести обратно Тоби, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не будетъ больше нуженъ намъ.

Я взялъ съ собой нашу собаку и оставилъ ее у стараго натуралиста, отдавъ ему въ придачу полсоверена. Въ Кембервеллѣ я засталъ миссъ Морстэнъ нѣсколько усталой послѣ ночныхъ приключеній, но очень интересующейся привезенными мною новостями. Миссъ Форрестеръ также была полна любопытства. Я разсказалъ имъ все, что мы сдѣлали, опустивъ только страшныя подробности трагедіи. Такъ, напримѣръ, передавая имъ о смерти м-ра Шольто, я ни слова ни сказалъ о

томъ, при какихъ условіяхъ она произошла. Но несмотря на мои умолчанія, исторія эта сильно потрясла и изумила ихъ.

— Это настоящій романъ! — вскрикнула миссисъ Форрестеръ.—Обманутая барышня, кладъ въ полмилліона, черный людоѣдъ и негодяй съ деревянной ногой. Послѣдніе занимаютъ мѣсто пресловутаго драгуна или графа злодѣя.

— А на помощь два рыцаря,—прибавила миссъ Морстэнъ, бросая на меня свѣтлый взглядъ.

— Ну, Мэри, отъ исхода дѣла зависитъ ваше богатство. По-моему, вы недостаточно взволнованы. Только представьте себѣ, что значитъ быть богатой и имѣть весь свѣтъ у своихъ ногъ!

Сердце у меня дрогнуло отъ радости, когда я замѣтилъ, что эта перспектива не вызвала особаго восторга въ миссъ Морстэнъ. Напротивъ, она вздернула свою гордую голову, какъ будто этотъ вопросъ мало интересовалъ ее.

— Я безпокоюсь за м-ра Таддеуса Шольто,—сказала она.— Все остальное не имѣетъ никакого значенія, но я думаю, что онъ поступилъ чрезвычайно добро и честно. Нашъ долгъ—очистить его отъ этого ужаснаго и ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія.

Былъ уже вечеръ, когда я покинулъ Кемберселль, и совершенно стемнѣло къ тому времени, какъ я вернулся домой. Книга моего пріятеля и его трубка лежали около кресла, но самъ онъ исчезъ. Я оглянулся въ надеждѣ найти записку, но ея не было.

— Вѣроятно, г-нъ Шерлокъ Холмсъ вышелъ изъ дома?— сказалъ я миссисъ Гедсонъ, когда она пришла спустить шторы.

— Нѣтъ, сэръ. Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Знаете, сэръ,—прибавила хозяйка, понизивъ голосъ,—я боюсь за его здоровье.

— Почему, миссисъ Гедсонъ?

— Очень ужъ онъ странный, сэръ. Послѣ того, какъ вы ушли, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, такъ что мнѣ надоѣлъ звукъ его шаговъ. Потомъ я слышала, какъ онъ бормоталъ что-то про себя; при каждомъ звонкѣ онъ выбѣгалъ на лѣстницу и спрашивалъ: «Что это, миссъ Гедсонъ?» А теперь онъ захлопнулъ за собой дверь, но я слышу, что онъ продолжаетъ расхаживать попрежнему. Надѣюсь, онъ не захвораетъ, сэръ. Я попробовала было поговорить ему объ охлажда-

ющемъ лѣкарствѣ, но онъ повернулся ко мнѣ съ такимъ взглядомъ, сэръ, что я сама не знаю какъ выбралась изъ комнаты.

— Мнѣ, кажется, вамъ нечего безпокоиться, м-съ Гедсонъ,—отвѣтилъ я.—Я видѣлъ его такимъ и прежде. У него есть что-то на душѣ.

Я старался отнестись легко къ словамъ нашей достойной хозяйки, но самъ испытывалъ немалое безпокойство впродолженіе длинной ночи, когда слышалъ порой шумъ его шаговъ и думалъ, какъ его подвижная натура бѣсится отъ этой невольной задержки.

За завтракомъ у него былъ усталый видъ; на блѣдномъ лицѣ горѣли лихорадочныя пятна.

— Вы убиваете себя, другъ мой,—замѣтилъ я.—Я слышалъ, какъ вы расхаживали ночью.

— Да, я не могъ заснуть,—отвѣтилъ онъ.—Это дьявольское дѣло сжигаетъ меня. Обидно, что помѣшало такое ничтожное препятствіе, когда всѣ остальныя устранены. Я знаю людей, баркасъ, все—и не могу получить извѣстій о нихъ. Я пустилъ въ ходъ другія средства, другихъ агентовъ. Обыскали оба берега рѣки, но нѣтъ никакихъ извѣстій и миссисъ Смитъ также ничего не знаетъ о мужѣ. Я, право, приду къ заключенію, что они уничтожили экипажъ судна. Но противъ этого можно привести возраженія.

— Можетъ-быть, миссисъ Смитъ навела насъ на ложный слѣдъ?

— Нѣтъ, я не думаю этого. Я навелъ справки и описанный ею баркасъ дѣйствительно существуетъ.

— Не могъ ли онъ подняться вверхъ по рѣкѣ?

— Я предположилъ и эту возможность и поиски будутъ произведены до самого Ричмонда. Если и сегодня не будетъ никакихъ извѣстій, я самъ отправлюсь завтра и буду искать виновныхъ. а не лодку. Но мы навѣрно услышимъ что-нибудь о ней.

Однако мы ничего не услышали. Ни слова отъ Виджинса, ни отъ кого-либо изъ другихъ агентовъ. Въ большинствѣ газетъ появились замѣтки о трагедіи въ Норвудѣ. Всѣ онѣ были неблагопріятны для несчастнаго Таддеуса Шольто, но въ нихъ не было никакихъ новыхъ подробностей, за исключеніемъ того, что слѣдствіе было назначено на слѣдующій день. Вечеромъ я отправился въ Кембервелль, чтобы сообщить дамамъ о неудачѣ поисковъ, и по возвращеніи засталъ Холмса въ по-

чальномъ и нѣсколько угрюмомъ настроеніи духа. Онъ почти не отвѣчалъ на мои вопросы и цѣлый вечеръ занимался какимъ-то химическимъ анализомъ, требовавшимъ постояннаго нагрѣванія ретортъ и дистиллировки паровъ, въ концѣ чего въ комнатѣ распространился такой запахъ, что я чуть не ушелъ прочь. До самаго утра я слышалъ звонъ его пробирокъ, говорившій мнѣ, что онъ все еще занятъ своимъ зловоннымъ опытомъ.

Рано на зарѣ я внезапно проснулся и съ удивленіемъ увидѣлъ его стоящимъ у моей кровати въ грубой матросской одеждѣ съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ.

— Я отправляюсь внизъ по рѣкѣ, Ватсонъ,—сказалъ онъ.— Я обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и вижу только одинъ выходъ. Во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ испробовать.

— Вѣдь я, конечно, могу поѣхать съ вами?—спросилъ я.

— Нѣтъ; вы будете гораздо полезнѣе мнѣ, если останетесь здѣсь какъ мой представитель. Я ухожу изъ дома чрезвычайно неохотно, такъ какъ весьма вѣроятно, что днемъ можетъ получиться какое-нибудь извѣстіе, хотя Виджинсъ отчаявался вчера вечеромъ. Я хочу, чтобы вы вскрывали всѣ письма и телеграммы и дѣйствовали, какъ найдете нужнымъ въ случаѣ чего-нибудь новаго. Могу я положиться на васъ?

— Конечно.

— Боюсь, что вамъ нельзя будетъ телеграфировать мнѣ, такъ какъ самъ не знаю, гдѣ могу очутиться. Если посчастливится—скоро вернусь домой, но прежде надо добыть какихъ-нибудь извѣстій.

Къ завтраку онъ не явился. Развернувъ «Standard», я нашелъ новый взглядъ на дѣло. «Относительно трагедіи въ Верхнемъ Норвудѣ,—гласила замѣтка,—мы имѣемъ основание предполагать, что эта исторія является еще болѣе сложной и таинственной, чѣмъ предполагали прежде. Новыя данныя показываютъ, что участіе м-ра Таддеуса въ этомъ дѣлѣ вполнѣ невозможно. Онъ и экономка, миссисъ Бернстонъ, оба выпущены изъ-подъ ареста вчера вечеромъ. Есть вѣроятія, что полиція напала на слѣдъ настоящихъ виновныхъ; все слѣдствіе ведется мистеромъ Этельней Джонсомъ, изъ «Scotland Yard» со свойственной ему энергіей и проницательностью. Каждую минуту можно ожидать дальнѣйшихъ арестовъ».

— Пока свѣдѣнія удовлетворительныя,—подумалъ я.—По крайней мѣрѣ другъ Шольто въ безопасности. Интересно знать,

что это за новый слѣдъ, хотя, кажется, это стереотипная форма выраженій, въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція сдѣлаетъ ошибку.

Я бросилъ газету на столъ, но въ эту минуту взглядъ мой упалъ на столбецъ съ объявленіями о смерти..

Вотъ что прочелъ я:

Исчезновеніе. — Мардохей Смитъ, лодочникъ, и его сынъ отправились съ пристани Смита въ три часа, или около трехъ часовъ утра въ прошлый вторникъ на паровомъ баркасѣ «Аврора», черномъ съ двумя красными полосами, съ черной трубой съ бѣлой полосой. Сумма въ пять фунтовъ будетъ выдана на пристани Смита или въ домѣ № 22 b въ улицѣ Бэкеръ всякому, могущему дать свѣдѣнія о мѣстонахожденіи вышесказаннаго Мардохея Смита.

Очевидно, это было дѣло рукъ Холмса. Чтобы увѣриться въ этомъ, достаточно было адреса дома въ улицѣ Бэкеръ. Выдумка показалась мнѣ довольно остроумной, такъ какъ бѣглецы, прочтя объявленіе, могли увидѣть въ нихъ только вполнѣ естественное безпокойство жены о пропавшемъ мужѣ.

День тянулся очень долго. При каждомъ ударѣ въ дверь, при звукѣ рѣшительныхъ шаговъ, я думалъ, что вернулся Холмсъ или что принесли отвѣтъ на его объявленіе. Я пробовалъ читать, но мысли мои постоянно возвращались къ нашимъ страннымъ поискамъ и къ парѣ преслѣдуемыхъ нами негодяевъ. Неужели, съ удивленіемъ размышлялъ я, въ разсужденіи моего пріятеля оказался какой-нибудь существенный недостатокъ? Неужели онъ является жертвой какого-нибудь громаднаго самообмана? Развѣ не возможно, что его тонкій и спекулятивный умъ построилъ всю эту безумную теорію на ошибочныхъ началахъ? Я никогда не видалъ, чтобы онъ ошибался, но самый проницательный, разсудительный человѣкъ можетъ иногда обмануться. Онъ могъ, думалъ я, впасть въ ошибку вслѣдствіе слишкомъ большой утонченности своей логики, могъ предпочесть болѣе тонкое и странное объясненіе болѣе простому и обыкновенному, бывшему у него въ рукахъ. Но, съ другой стороны, я самъ видѣлъ данныя и слышалъ основанія его выводовъ. Когда я оглядывался на длинную цѣпь странныхъ обстоятельствъ, мелочныхъ самихъ по себѣ, но направленныхъ въ одну сторону, я не могъ скрыть отъ себя, что если объясненіе Холмса и неправильно, то дѣйствительность должна все же быть поразительной

Въ три часа пополудни раздался громкій звонокъ, послышался повелительный голосъ и, къ моему великому изумленію, никто иной какъ мистеръ Этельней Джонсъ вошелъ въ комнату. Но онъ совершенно не походилъ на того рѣзкаго и властнаго проповѣдника здраваго смысла, который въ Верхнемъ Норвудѣ такъ самоувѣренно взялся за дѣло. Выраженіе его лица было уныло, видъ кротокъ; казалось, онъ извинялся въ чемъ-то.

— Добрый день, сэръ, добрый день,—сказалъ онъ.—Я слышалъ, мистера Шерлока Холмса нѣтъ дома.

— Да, и я не знаю, когда онъ вернется. Но, можетъ-быть, вы потрудитесь подождать его? Присядьте и попробуйте эту сигару.

— Благодарю, я не прочь,—сказалъ онъ, отирая лицо краснымъ шелковымъ платкомъ.

— А виски съ содовой водой?

— Пожалуй, полстакана. Очень жарко для теперешняго времени года, а у меня много тревогъ и хлопотъ. Вы знаете мою теорію насчетъ происшествій въ Норвудѣ?

— Я помню, что вы высказывали свое мнѣніе.

— Ну, мнѣ пришлось измѣнить его. Я крѣпко затянулъ мою сѣть вокругъ мистера Шольто, какъ вдругъ—бацъ—онъ ушелъ черезъ дырочку въ ней. Онъ представилъ неопровержимыя доказательства, что онъ не былъ тамъ въ данное время. Съ того времени, что онъ вышелъ изъ комнаты брата, его постоянно видѣлъ то тотъ, то другой. Поэтому онъ не могъ взобраться на крышу и проникнуть черезъ дверь съ чердака. Дѣло очень темное и моя профессіональная честь сильно задѣта. Я былъ бы очень радъ, если бы мнѣ помогли немного.

— Мы всѣ нуждаемся иногда въ помощи,—сказалъ я.

— Вашъ другъ м-ръ Шерлокъ Холмсъ—удивительный человѣкъ,—сказалъ онъ хриплымъ и конфиденціальнымъ тономъ.—Это человѣкъ, котораго не провести. Я много разъ видѣлъ этого молодого человѣка въ дѣлѣ и никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ не выяснилъ какого-нибудь дѣла. Методъ у него неправильный и онъ, можетъ-быть, слишкомъ легко приходитъ къ быстрымъ выводамъ, но въ общемъ я думаю, что изъ него вышелъ бы отличный сыщикъ, и не скрываю своего мнѣнія. Сегодня утромъ я получаю отъ него телеграмму, изъ которой я заключаю, что онъ напалъ на какіе-то слѣды дѣла Шольто. Вотъ его посланіе.

Онъ вынулъ изъ кармана телеграмму и передалъ ее мнѣ.

Она была помѣчена двѣнадцатью часами. «Отправляйтесь немедленно на улицу Бэкеръ,—стояло тамъ.—Если я еще не вернусь—подождите. Я напалъ на слѣдъ шайки Шольто. Вы можете быть съ нами сегодня вечеромъ, если желаете присутствовать при финишѣ».

— Хорошія извѣстія. Онъ, вѣроятно, нашелъ потерянный было слѣдъ,—сказалъ я.

— А, значитъ, и онъ ошибался,—вскрикнулъ Джонсъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. — Даже лучшіе изъ насъ иногда заблуждаются. Конечно, это, можетъ-быть, напрасная тревога, но какъ, служитель долга, я долженъ не упускать ни малѣйшаго шанса. Но кто это стоитъ за дверью? Можетъ-быть, это онъ.

На лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Кто-то сморкался и тяжело вздыхалъ. Раза два неизвѣстный останавливался, какъ будто ему трудно было взбираться по лѣстницѣ, наконецъ, онъ подошелъ къ двери и вошелъ въ комнату. Его наружность соотвѣтствовала слышаннымъ нами звукамъ. Это былъ старикъ въ одеждѣ моряка, въ гороховой курткѣ, застегнутой у горла. Спина у него была сгорбленная, колѣни дрожали, дышалъ онъ съ большимъ трудомъ. Онъ оперся на большую дубовую палку и плечи его вздрагивали отъ усилій втянуть воздухъ въ легкія. Вокругъ шеи у него красовался красный шарфъ; изо всего лица его я могъ только разглядѣть пару проницательныхъ сѣрыхъ глазъ, надъ которыми нависли густыя, сѣдыя брови, да длинныя, сѣдыя бакенбарды. Въ общемъ онъ производилъ на меня впечатлѣніе почтеннаго моряка, удрученнаго годами и бѣдностью.

— Что вамъ, мой милый?—спросилъ я.

Онъ оглянулся вокругъ съ методичной манерой людей стараго возраста.

— Здѣсь м-ръ Шерлокъ Холмсъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, его нѣтъ; но я замѣняю его. Вы можете сказать мнѣ все, что желаете передать ему.

— Я долженъ былъ сказать ему самому.

— Но, говорю же вамъ, я замѣняю его. Это что-нибудь насчетъ лодки Мардохея Смита?

— Да. Я знаю, гдѣ она... И знаю, гдѣ люди, которыхъ онъ ищетъ. Знаю, и гдѣ кладъ. Я знаю все.

— Ну, такъ скажите мнѣ, а я передамъ ему.

— Я долженъ сказать ему самому,—повторилъ онъ со вспыльчивостью очень стараго человѣка.

— Ну, такъ вамъ придется подождать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не желаю потерять цѣлый день ради кого бы то ни было. Если м-ра Холмса нѣтъ здѣсь, то пусть ужъ онъ и дѣлаетъ все самъ. Мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла и я не скажу вамъ ни слова.

Онъ подошелъ было къ двери, но Этельней Джонсъ загородилъ ему дорогу.

— Подождите немного, пріятель,—сказалъ онъ.—У васъ есть важныя свѣдѣнія и вамъ нельзя уйти такъ. Волей или неволей мы не выпустимъ васъ до возвращенія нашего друга.

Старикъ бросился къ двери, но Этельней Джонсъ прислонился къ ней своей широкой спиной, и старикъ понялъ, что противиться безполезно.

— Славное обращеніе!—крикнулъ онъ, стуча палкой.—Я прихожу сюда повидаться съ джентльмэномъ, а двое незвѣстныхъ, которыхъ я никогда не видѣлъ въ жизни, накидываются на меня и обращаются со мной такимъ образомъ!

— Вы ничего не проиграете,—сказалъ я.—Мы вознаградимъ васъ за потерянное время. Присядьте сюда на софу; вамъ недолго придется ждать.

Онъ подошелъ къ креслу очень неохотно и сѣлъ, закрывъ лицо руками. Мы съ Джонсомъ возобновили нашъ разговоръ и принялись за сигары. Внезапно мы услышали голосъ.

— Я думаю, вы могли бы предложить сигару и мнѣ,—сказалъ онъ.

— Мы оба привскочили на стульяхъ. Рядомъ съ нами сидѣлъ Холмсъ и спокойно смотрѣлъ на насъ, забавляясь нашимъ смущеніемъ.

— Холмсъ!—крикнулъ я.—А гдѣ же старикъ?

— Вотъ онъ,—сказалъ Холмсъ, протягивая мнѣ кучу сѣдыхъ волосъ.—Вотъ онъ—парикъ, бакенбарды, брови и все остальное. Я предпологалъ, что переодѣваніе мое удачно, но все же не ожидалъ такого успѣха.

— Ахъ, вы тутъ,—съ восторгомъ проговорилъ Джонсъ.— Изъ васъ вышелъ бы актеръ—и чудесный. Вы кашляли, какъ старикъ изъ богадѣльни; а ваши слабыя ноги стоятъ десять фунтовъ въ недѣлю. Вотъ только блескъ вашихъ глазъ показался мнѣ нѣсколько знакомымъ. Видите, вамъ не такъ-то легко было провести насъ.

— Я работалъ цѣлый день въ этомъ видѣ,—сказалъ Холмсъ, зажигая сигару.—Видите, многіе изъ подонковъ общества начали узнавать меня—особенно съ тѣхъ поръ, какъ вотъ этотъ

пріятель сталъ описывать нѣкоторыя изъ моихъ дѣлъ—такъ что мнѣ приходится идти въ бой въ какомъ-нибудь одѣяніи, въ родѣ этого. Вы получили мою телеграмму?

— Да; потому-то я и явился сюда.

— Ну, какъ идетъ ваше дѣло?

— Кончилось ничѣмъ. Мнѣ пришлось выпустить изъ-подъ ареста двухъ заключенныхъ, а противъ двухъ другихъ нѣтъ никакихъ уликъ.

— Не бѣда. Я дамъ вамъ двухъ другихъ вмѣсто нихъ. Но вамъ придется отдать себя въ мое распоряженіе. Оффиціально вся честь можетъ принадлежать вамъ, но вы должны поступать по моимъ указаніямъ. Согласны?

— Вполнѣ, если вы поможете мнѣ найти преступниковъ.

— Ну, хорошо. Во-первыхъ, мнѣ нужно полицейское судно—паровой баркасъ, который долженъ быть у Вестминтера въ семь часовъ.

— Это легко исполнить. Тамъ всегда бываетъ лодка; но, чтобы быть вполнѣ спокойнымъ, я могу перейти черезъ дорогу и сказать по телефону.

— Потомъ нужны двое сильныхъ людей на случай сопротивленія.

— Ихъ будетъ двое или трое. Что еще?

— Когда мы схватимъ преступниковъ, мы завладѣемъ и кладомъ. Я думаю, что моему другу было бы пріятно отвезти ящикъ той молодой барышнѣ, которой онъ принадлежитъ по праву. Пусть она первая откроетъ его. Э, Ватсонъ?

— Не совсѣмъ правильный поступокъ,—сказалъ Джонсъ, покачивая головой.—Но и все дѣло вообще идетъ неправильно, а потому можно закрыть глаза и на это. Кладъ потомъ долженъ быть переданъ властямъ до оффиціальнаго слѣдствія.

— Конечно, это легко устроить. Еще одинъ пунктъ. Мнѣ бы очень хотѣлось услышать нѣкоторыя подробности изъ устъ самого Джонатана Смолля. Вы знаете, я люблю отдѣлывать подробности. Вѣдь вы не можете ничего возразить противъ того, чтобъ я имѣлъ неоффиціальное свиданіе съ нимъ здѣсь или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, если надъ нимъ будетъ надзоръ?

— Ну, вы господинъ положенія. У меня еще нѣтъ доказательствъ существованія этого Джонатана Смолля. Но если вы можете поймать, я не вижу, какъ я могу отказать вамъ.

— Такъ значитъ рѣшено?

— Да. Что еще?

— Только то, что я настаиваю на томъ, чтобы вы отобѣдали съ нами. Обѣдъ будетъ готовъ черезъ полчаса. У меня есть устрицы и пара тетеревовъ и недурное бѣлое вино. Ватсонъ, вы никогда еще не признавали во мнѣ достоинства хозяина!

X. Конецъ островитянина.

Обѣдъ нашъ вышелъ очень веселымъ. Холмсъ могъ, когда хотѣлъ, говорить замѣчательно хорошо и въ этотъ вечеръ онъ охотно проявилъ свое умѣнье. Онъ казался въ состояніи нервной экзальтаціи. Никогда я не видалъ его такимъ блестящимъ. Онъ быстро переходилъ отъ одного предмета разговора къ другому—мистеріи, средневѣковая глиняная посуда, скрипки Страдиваріуса, буддизмъ на Цейлонѣ, войны будущаго—и обо всемъ говорилъ такъ, какъ будто спеціально изучалъ данный предметъ. Его веселое настроеніе духа показывало, что въ немъ наступила реакція послѣ черной меланхоліи послѣднихъ дней. Этельней Джонсъ внѣ службы оказался душой человѣкомъ и относился къ обѣду какъ bon vivant. Что касается меня, то я былъ въ восторгѣ, что мы приближаемся къ концу нашей задачи, и веселость Холмса заразительно подѣйствовала на меня. Во время обѣда никто изъ насъ не упоминалъ о причинѣ, заставившей насъ собраться.

Когда сняли скатерть, Холмсъ взглянулъ на часы и наполнилъ три стакана портвейномъ.

— Выпьемъ за успѣхъ нашей экспедиціи,—сказалъ онъ,— а потомъ и пора отправляться. Есть у васъ пистолетъ, Ватсонъ?

— У меня въ столѣ есть старый служебный револьверъ.

— Такъ возьмите его. Лучше быть наготовѣ. Я вижу кэбъ у подъѣзда. Я велѣлъ пріѣхать за нами въ половинѣ седьмого.

Было немного позже половины седьмого, когда мы добрались до Вестминстерской пристани и нашли ожидавшій насъ баркасъ. Холмсъ оглянулъ его критическимъ взглядомъ.

— Нѣтъ ли чего указывающаго на то, что этотъ пароходъ принадлежитъ полиціи?

— Есть; зеленый фонарь сбоку.

— Снимите его.

Маленькая перемѣна была сдѣлана, мы вошли на бортъ; канатъ отдали. Джонсъ, Холмсъ и я сидѣли на кормѣ. Одинъ человѣкъ стоялъ у руля, другой у машины. Впереди стояли два плотныхъ полицейскихъ.

— Куда?—спросилъ Джонсъ.

— Къ Тоуэру. Скажите, чтобъ остановились противъ Jacobson's Yard».

Наше судно оказалось очень быстроходнымъ. Мы пронеслись мимо длиннаго ряда баржъ. Холмсъ довольно улыбнулся, когда мы догнали рѣчной пароходъ и перегнали его.

— Хорошо бы, если мы были въ состояніи догнать всякое судно, какъ бы быстро оно ни шло.

— Ну, это едва ли. Но немного паровыхъ баркасовъ, которые могли бы перегнать насъ.

— Намъ придется догонять «Аврору», а она извѣстна быстротой своего хода. Я разскажу вамъ въ чемъ дѣло, Ватсонъ. Вы помните, какъ мнѣ было досадно, что мнѣ помѣшалъ пустякъ?

— Да.

— Ну, я далъ полный отдыхъ уму и погрузился въ химическій анализъ. Одинъ изъ нашихъ самыхъ великихъ государственныхъ людей сказалъ, что перемѣна работы—лучшій отдыхъ. И это такъ. Послѣ того, какъ мнѣ удалось растворить углеводородъ я опять вернулся къ дѣлу Шольто и обдумалъ все снова. Мои мальчики безуспѣшно обыскали всю рѣку сверху до низу. Баркасъ не останавливался ни у какой пристани и не возвращался назадъ. Однако не могли его похитить для того, чтобы скрыть слѣды, хотя все же эта гипотеза оставалась вѣроятной въ случаѣ, если бы всѣ другія оказались невѣрными. Я зналъ, что этотъ Смолль обладаетъ извѣстной долей низменной хитрости, но я не считалъ его способнымъ къ утонченному разсчету. Это обыкновенно является продуктомъ болѣе высокаго образованія. Затѣмъ я подумалъ, что такъ какъ онъ, очевидно, пробылъ нѣсколько времени въ Лондонѣ—у насъ есть данныя, что онъ постоянно наблюдалъ надъ Пондишерри-Лоджъ—то не могъ уѣхать внезапно. Потребовался бы по крайней мѣрѣ одинъ день, чтобы устроить дѣла. Во всякомъ случаѣ на это были вѣроятія.

— По моему, очень слабыя,—сказалъ я,—вѣрнѣе, что онъ устроилъ свои дѣла прежде чѣмъ отправился на это похожденіе.

— Нѣтъ, не думаю. Его берлога была слишкомъ драгоцѣннымъ убѣжищемъ въ случаѣ нужды для того, чтобы онъ отказался отъ нея безъ крайней необходимости. Но затѣмъ мнѣ пришло на умъ другое соображеніе: Джонатанъ Смолль долженъ былъ чувствовать, что странная наружность его товарища, какъ

бы онъ ни одѣвалъ и не укутывалъ его, возбудитъ разговоры и можетъ быть связана съ трагедіей въ Норвудѣ. Онъ достаточно смышленъ, чтобы понять это. Они отправились изъ своей главной квартиры подъ покровомъ ночи и онъ хотѣлъ вернуться назадъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ совсѣмъ свѣтло. По словамъ миссисъ Смитъ было около трехъ, когда они добыли баркасъ. Значитъ, было уже совсѣмъ свѣтло и скоро должны были проснуться люди. Поэтому, разсуждалъ я, они не уѣхали очень далеко. Они хорошо заплатили Смиту за то, чтобъ онъ молчалъ, приберегли баркасъ для послѣдняго бѣгства и поспѣшили съ ящикомъ къ себѣ на квартиру. Дня черезъ два, когда они увидѣли бы, какого мнѣнія держатся газеты и падаетъ ли на нихъ какое-нибудь подозрѣніе, они пробрались бы ночью въ Грэвзэндъ или какое-нибудь иное мѣсто, гдѣ взяли себѣ на кораблѣ мѣсто для проѣзда въ Америку или въ колоніи.

— А баркасъ? Не могли же они взять его себѣ на квартиру?

— Совершенно вѣрно. Я разсудилъ, что онъ не можетъ быть далеко, несмотря на то, что онъ невидимъ. Тогда я поставилъ себя на мѣсто Смолля и взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія человѣка его способностей. Онъ, навѣрное, разсчиталъ, что послать баркасъ назадъ или держать его у какой-нибудь пристани облегчитъ поиски полиціи, если она случайно нападетъ на его слѣдъ. Какъ же ему скрыть баркасъ и въ то же время держать его наготовѣ? Я подумалъ, что бы я сдѣлалъ, если бы былъ на его мѣстѣ. Былъ только одинъ выходъ. Я могъ бы отдать баркасъ какому-нибудь судостроителю и приказать сдѣлать какія-нибудь ничтожныя поправки. Такимъ образомъ баркасъ взяли бы въ сарай или во дворъ и онъ былъ бы спрятанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я могъ получить его обратно черезъ нѣсколько часовъ.

— Это довольно просто.

— А между тѣмъ чрезвычайно легко проглядѣть подобнаго рода простыя вещи. Но я рѣшился дѣйствовать на основаніи пришедшей мнѣ въ голову мысли. Я отправился сразу въ челнокѣ ничего не подозрѣвавшаго моряка и освѣдомлялся во всѣхъ мастерскихъ по рѣкѣ. Въ пятнадцати я освѣдомлялся безуспѣшно, но въ шестнадцатой—Джекобсона—узналъ, что «Аврора» была передана два дня тому назадъ человѣкомъ на деревянной ногѣ для какихъ-то пустыхъ исправленій руля.—Руль у него совсѣмъ въ порядкѣ,—сказалъ приказчикъ.—Вотъ тамъ лежитъ онъ, тотъ, что съ красными полосами.—Въ этотъ мо-

ментъ я увидѣлъ—кого бы вы думали—самаго Мордохея Смита, пропавшаго владѣльца баркаса. Онъ былъ сильно навеселѣ. Конечно, я не зналъ бы, кто онъ, если бы онъ не прогремѣлъ своего имени и названія баркаса.—Мнѣ онъ нуженъ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ,—сказалъ онъ,—ровно въ восемь часовъ, замѣтьте, потому что со мной два джентльмэна, которые не станутъ ждать.—Вѣроятно, ему хорошо заплатили, потому что у него было много денегъ и онъ швырялъ шиллинги рабочимъ. Нѣсколько времени я шелъ слѣдомъ за нимъ, но затѣмъ онъ засѣлъ въ пивной; тогда я вернулся къ складу и, встрѣтивъ случайно одного изъ моихъ мальчиковъ, поставилъ его сторожить баркасъ. Онъ долженъ стоять на краю воды и махнуть платкомъ, когда они отправятся въ путь. Мы будемъ поджидать на рѣкѣ и будетъ уже совсѣмъ странно, если мы не захватимъ и людей и кладъ.

— Вы составили очень хорошій планъ, все равно, тѣ ли эти люди или нѣтъ,—сказалъ Джонсъ,—но, если бы дѣло было въ моихъ рукахъ, я послалъ бы полицейскій отрядъ къ складу Джэкобсона и арестовалъ бы ихъ при ихъ появленіи тамъ.

— Чего вы никогда бы не дождались. Этотъ Смолль довольно таки смышленный парень. Онъ выслалъ бы впередъ шпіона и въ случаѣ чего притаился бы еще на недѣлю.

— Но вы могли бы выслѣдить Мардохея Смита и такимъ образомъ добраться до ихъ убѣжища.

— Тогда я напрасно потерялъ бы день. Я готовъ поставить сто противъ одного, что Смитъ не знаетъ, гдѣ они живутъ. Пока у него есть водка, пока ему хорошо платятъ, зачѣмъ ему предлагать вопросы? Они присылаютъ приказанія. Нѣтъ, я обдумалъ все и рѣшилъ, что это самый лучшій путь.

Во время этого разговора мы неслись мимо длиннаго ряда мостовъ, покрывающихъ Темзу. Когда мы проходили мимо Сити, послѣдніе лучи солнца золотили крестъ на куполѣ св. Павла. Были уже сумерки, когда мы добрались до Тоуэра.

— Вотъ и складъ Джекобсона,—сказалъ Холмсъ, показывая на цѣлый лѣсъ мачтъ и снастей въ сторонѣ Сержея.—Подойдите тихонько подъ покровомъ грузовыхъ судовъ.—Онъ вынулъ изъ кармана ночной бинокль и нѣсколько времени смотрѣлъ на берегъ.—Я вижу моего часового на посту,—замѣтилъ онъ,—но платка и признака нѣтъ.

— Что если бы мы спустились немного внизъ по рѣкѣ и подождали ихъ тамъ?—торопливо проговорилъ Джонсъ.

Мы всѣ были въ волненіи, даже полицейскіе и кочегары, у которыхъ явилось смутное сознаніе того, что происходило передъ ними.

— Нельзя ни на что разсчитывать вполнѣ,—отвѣтилъ Холмсъ.—Можно держать пари десять противъ одного, что они спустятся внизъ по теченію, но нельзя быть увѣренными въ этомъ. Отсюда намъ виденъ входъ въ складъ, а имъ едва ли видно насъ. Ночь будетъ свѣтлая. Мы должны остаться здѣсь. Посмотрите сколько народа выходитъ оттуда при свѣтѣ газовыхъ рожковъ.

— Они идутъ съ работы въ складѣ.

— Грязные съ виду молодцы; но, думаю, въ каждомъ изъ нихъ таится хоть маленькая небесная искра. А нельзя этого подумать, смотря на нихъ. Человѣкъ—странная загадка!

— Нѣкоторые называютъ его душой, скрытой въ животномъ,—замѣтилъ я.

— Хорошо сказано у Винвуда Рида,—сказалъ Холмсъ.— Онъ замѣчаетъ, что если индивидуальный человѣкъ представляетъ собой неразрѣшимую загадку, то въ общемъ онъ становится математической аксіомой. Напр., никогда нельзя предсказать, что сдѣлаетъ одинъ какой-нибудь человѣкъ, но можно съ точностью сказать, что сдѣлаетъ извѣстное число людей. Индивидуумы измѣняются, но процентъ остается неизмѣннымъ. Такъ говоритъ статистикъ. Но не платокъ ли это? Я вижу что-то бѣлое, колышащееся въ воздухѣ.

— Да, это мальчикъ!—крикнулъ я.—Я ясно вижу его.

— А вотъ и «Аврора»!—также крикнулъ Холмсъ.—И несется, какъ чортъ! Полнымъ ходомъ, машинистъ. Догоняйте баркасъ съ желтымъ фонаремъ. Праведное небо! Никогда не прощу себѣ, если онъ уйдетъ отъ насъ!

Баркасъ, незамѣтно проскользнулъ отъ берега и прошелъ за двумя или тремя маленькими судами такъ, что уже шелъ полнымъ ходомъ, когда мы увидѣли его. Теперь онъ летѣлъ съ поразительной быстротой внизъ по рѣкѣ, вдоль берега. Джонсъ серьезно посмотрѣлъ вслѣдъ баркасу и покачалъ головой.

— Онъ идетъ очень скоро,—сказалъ онъ.—Сомнѣваюсь, чтобъ намъ удалось догнать его.

— Мы должны догнать!—крикнулъ Холмсъ сквозь сжатые губы.—Прибавьте угля, кочегары. Дайте полный ходъ! Мы должны поймать ихъ, хотя бы для того пришлось сжечь баркасъ!

Мы полетѣли вслѣдъ за баркасомъ. Паръ со свистомъ вырывался изъ парового котла; могучія машины гремѣли, словно большое металлическое сердце. Острый крутой носъ разрѣзалъ тихую рѣчную воду и оставлялъ послѣ себя двѣ катящіяся направо и налѣво волны. Съ каждымъ порывомъ машинъ баркасъ подпрыгивалъ и трепеталъ, какъ живой. Большой, желтый фонарь на носу бросалъ длинную полосу свѣта. Прямо передъ нами темное пятно на водѣ указывало на мѣстонахожденіе «Авроры», а бѣлая пѣна, крутившаяся за ней, говорила о быстротѣ ея хода. Мы летѣли мимо баржъ, пароходовъ, коммерческихъ судовъ то огибая ихъ, то проходя мимо. Чьи-то голоса окликали насъ въ темнотѣ; «Аврора» все продолжала летѣть, а мы слѣдомъ за ней.

— Прибавьте угля, прибавьте!—кричалъ Холмсъ, смотря внизъ въ машинное отдѣленіе; яркое пламя освѣщало снизу полныя тревоги орлиныя черты его лица.—Разводите всѣ пары!

— Кажется, мы подвинулись немного,—сказалъ Джонсъ, не отрывая глазъ отъ «Авроры».

— Я увѣренъ, что мы догонимъ ее черезъ нѣсколько минутъ,—сказалъ я.

Но какъ разъ въ эту минуту волею злого рока между нами очутился буксирный пароходъ, тянувшій за собой три баржи. Только, благодаря тому, что рулевой налегъ на руль, намъ удалось обойти его, а когда мы снова пустились въ путь, «Аврора» уже обогнала насъ на добрыхъ двѣсти ярдовъ. Однако она еще хорошо была видна намъ, а неясныя сумерки перешли въ свѣтлую, звѣздную ночь. Наши паровые котлы были напряжены до послѣдней степени и хрупкая скорлупа дрожала и трещала отъ страшной силы, уносившей насъ впередъ. Мы пронеслись мимо «вестъ-индскихъ доковъ» и все продолжали летѣть впередъ. Темное пятно впереди теперь превратилось въ изящную «Аврору». Джонсъ направилъ на нее свѣтъ нашего фонаря, такъ что мы ясно могли различить фигуры на палубѣ. На кормѣ сидѣлъ человѣкъ, наклонившійся надъ какимъ-то чернымъ предметомъ, находившимся между его ногъ. Рядомъ съ нимъ лежала черная масса, похожая на ньюфаундлендскую собаку. Мальчикъ держалъ румпель и при красномъ пламени печки я ясно разглядѣлъ стараго Смита, обнаженнаго до пояса и яростно подбрасывавшаго угли

Сначала они, можетъ-быть, сомнѣвались, преслѣдуемъ ли мы ихъ, но теперь, когда мы слѣдовали за ними по пятамъ, у нихъ не могло остаться никакого сомнѣнія. У Гринвича мы отставали отъ нихъ на триста футовъ. Въ Блэкуэллѣ разстояніе между нами было не болѣе двухсотъ пятидесяти. Мнѣ приходилось преслѣдовать различную дичь въ различныхъ странахъ, но ни въ какомъ спортѣ не испытывалъ я такого дикаго волненія, какъ въ этой безумной охотѣ за людьми на Темзѣ. Упорно, ярдъ за ярдомъ, приближались мы къ «Аврорѣ». Въ тиши ночи намъ слышно было, какъ дрожала и трещала ея машина. Человѣкъ на кормѣ, попрежнему скорчившись, сидѣлъ на палубѣ и руки его двигались, какъ будто онъ былъ занятъ какимъ-то дѣломъ; по временамъ онъ подымалъ глаза и какъ бы измѣрялъ взглядомъ раздѣлявшее насъ пространство. Мы приближались все больше и больше Джонсъ крикнулъ, чтобъ они остановились. Мы были уже недалеко и оба судна летѣли съ ужасающей быстротой по чистому водному пространству. При нашемъ окликѣ человѣкъ на кормѣ вскочилъ на ноги и, потрясая кулаками, сталъ осыпать насъ проклятіями высокимъ, надтреснутымъ голосомъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, могучаго сложенія. Онъ стоялъ, широко раздвинувъ ноги, и я увидѣлъ, что правая его нога была изъ дерева отъ самаго бедра. При звукѣ его пронзительнаго, сердитаго голоса наваленная на палубѣ куча зашевелилась. Она выпрямилась и оказалась человѣкомъ—самымъ маленькимъ изъ когда-либо видѣнныхъ мною—съ большой, уродливой головой и съ массой спутанныхъ, растрепанныхъ волосъ. Холмсъ уже вынулъ револьверъ и я также приготовилъ свой при видѣ этого безобразнаго дикаря. Онъ былъ завернутъ въ какой-то темный плащъ или одѣяло такъ, что на виду оставалось только одно лицо; но лица этого было достаточно, чтобы заставить человѣка провести безсонную ночь. Никогда не приходилось мнѣ видѣть такого животнаго и жестокаго лица. Его маленькіе глаза горѣли мрачнымъ огнемъ, а толстыя губы оттопыривались надъ зубами, которые дрожали отъ полуживотнаго бѣшенства.

— Стрѣляйте, если онъ подыметъ руку,—спокойно проговорилъ Холмсъ.

Въ это время мы были уже совсѣмъ близко къ нашей добычѣ. Я какъ теперь вижу этихъ двухъ людей—бѣлаго съ широко разставленными ногами, посылающаго намъ проклятія, и безобразнаго карлика съ отвратительнымъ лицомъ, скрежещу-

щаго крѣпкими желтыми зубами при видѣ насъ и освѣщеннаго нашимъ фонаремъ.

Хорошо, что мы такъ ясно видѣли его. Въ то время, какъ мы смотрѣли на него, онъ вдругъ выхватилъ изъ-подъ своего одѣянія короткій, круглый кусокъ дерева, похожій на линейку, и приложилъ его къ губамъ. Наши пистолеты выстрѣлили одновременно. Онъ повернулся, всплеснулъ руками и со звукомъ, похожимъ на удушливый кашель, упалъ въ рѣку. Я поймалъ ядовитый, угрожающій взглядъ его глазъ среди бѣлой пѣны воды. Въ то же мгновеніе бѣлый налегъ такъ сильно на руль, что судно его направилось прямо къ южному берегу, а мы пронеслись мимо его кормы въ нѣсколькихъ футахъ отъ него. Мы сейчасъ же повернули обратно, но «Аврора» была уже близко отъ берега. Мѣстность была дикая и пустынная; луна освѣщала громадное болотистое пространство, съ лужами стоячей воды и залежами гніющей растительности. Баркасъ, съ глухимъ шумомъ, взлетѣлъ на грязный берегъ съ носомъ на воздухѣ и съ кормой наполнившейся водой. Бѣглецъ выскочилъ изъ судна, но его деревяшка сейчасъ же увязла во всю длину въ тинистой почвѣ. Напрасно онъ боролся и извивчивался; онъ не въ состояніи сдѣлать ни шагу ни взадъ, ни впередъ. Онъ ревѣлъ отъ бѣшенства и яростно стучалъ по грязи другой ногой, но отъ этого усилія сосновая деревяшка только глубже уходила въ болото. Когда мы подвели къ нему баркасъ, незнакомецъ такъ глубоко ушелъ въ тину, что только набросивъ ему на плечи веревочную петлю, намъ удалось вытащить его на берегъ, какъ какую-нибудь зловредную рыбу. Оба Смита, отецъ и сынъ, сидѣли, насупившись, на баркасѣ, но покорно перешли къ намъ, когда это было приказано имъ. «Аврору» мы взяли на буксиръ и привязали къ кормѣ нашего баркаса. На палубѣ стоялъ солидный желѣзный ящикъ индійской работы. Несомнѣнно, въ немъ хранился злополучный кладъ Шольто. Ящикъ былъ достаточно тяжелъ и мы бережно перенесли его въ нашу маленькую каюту. Мы стали медленно подыматься вверхъ по рѣкѣ, наводя фонарь во всѣ стороны, но островитянина и слѣда не было. Гдѣ-то тамъ въ темной тинѣ, на днѣ Темзы лежатъ кости этого страннаго посѣтителя нашихъ береговъ.

— Взгляните сюда,—сказалъ Холмсъ, указывая на деревянный рѣшетчатый люкъ.—Мы еле поспѣли съ нашими пистолетами.—Дѣйствительно, какъ разъ за нами торчала одна изъ хорошо знакомыхъ намъ убійственныхъ стрѣлъ. Должно-

быть, она пролетѣла между нами въ ту минуту, какъ мы выстрѣлили. Холмсъ улыбнулся и равнодушно пожалъ плечами, но, сознаюсь, у меня замерло сердце при мысли объ ужасной смерти, прошедшей такъ близко къ намъ.

XI. Кладъ въ Агрѣ.

Нашъ плѣнникъ сидѣлъ у насъ въ каютѣ напротивъ желѣзнаго ящика, котораго онъ такъ добивался и ради котораго такъ много сдѣлалъ. Это былъ загорѣлый малый съ безпокойными глазами съ цѣлой сѣтью линій и морщинъ на темномъ лицѣ, говорившемъ о тяжелой жизни на открытомъ воздухѣ. Его бородатый подбородокъ рѣзко выдавался впередъ, указывая, что этого человѣка не легко заставить отказаться отъ разъ принятаго намѣренія. Ему могло быть около пятидесяти лѣтъ, такъ какъ въ густыхъ черныхъ волосахъ виднѣлась сильная сѣдина. Лицо въ спокойномъ состояніи было скорѣе пріятно, но нахмуренныя брови и упрямый подбородокъ придавали ему, какъ мнѣ уже довелось видѣть, страшное выраженіе въ гнѣвѣ. Теперь онъ сидѣлъ съ закованными въ кандалы руками, съ опущенной на грудь головой, смотря своими зоркими, блестящими глазами на ящикъ—цѣль и объясненіе всѣхъ его желаній и дѣйствій. Мнѣ казалось, что на его суровомъ, сдержанномъ лицѣ выражалась скорѣе печаль, чѣмъ гнѣвъ. Одинъ разъ онъ взглянулъ на меня и что-то въ родѣ юмора мелькнуло въ его взглядѣ.

— Ну, Джонатанъ Смолль, — сказалъ Холмсъ, закуривая сигару,—сожалѣю, что дѣло дошло до этого.

— И я также, сэръ,—откровенно отвѣтилъ онъ.—Не думаю, чтобы мнѣ удалось выпутаться. Клянусь Библіей, я не подымалъ руки на мистера Шольто. Этотъ маленькій адскій песъ Тонга бросилъ въ него одну изъ своихъ проклятыхъ стрѣлъ. Я не принималъ никакого участія, сэръ. Мнѣ было жаль его, какъ родного. Я ударилъ чертенка веревкой, но дѣло было сдѣлано и я ничего не могъ подѣлать.

— Возьмите сигару,—сказалъ Холмсъ,—и выпейте-ка глотокъ изъ моей фляжки, такъ какъ вы очень промокли. Какъ могли вы ожидать, что такой слабый, маленькій черный человѣчекъ можетъ осилить м-ра Шольто и держать его, пока вы спускались по веревкѣ!

— Вы знаете все, какъ будто сами были тамъ, сэръ. Правду

сказать я надѣялся, что въ комнатѣ никого не будетъ. Я зналъ довольно хорошо обычаи дома, а въ это время м-ръ Шольто обыкновенно отправлялся ужинать внизъ. Я не стану дѣлать тайны изъ этого дѣла. Лучшей защитой для меня будетъ чистая правда. Будь это старый маіоръ, я пошелъ бы съ легкимъ сердцемъ на висѣлицу. Я такъ же задумался бы убить ножемъ, какъ выкурить эту сигару. Но чертовски тяжело, что придется болтаться изъ-за молодого Шольто, съ которымъ у меня не было никакой ссоры.

— Вы находитесь подъ надзоромъ м-ра Этельнея Джонса, изъ «Scotland Yard». Онъ привезетъ васъ ко мнѣ на квартиру, и я попрошу васъ разсказать всю правду, и тогда я надѣюсь, что могу быть полезнымъ вамъ. Мнѣ кажется, я могу доказать, что этотъ ядъ дѣйствуетъ такъ быстро, что покойный умеръ прежде, чѣмъ вы добрались до комнаты.

— Это правда, сэръ. Никогда въ жизни я не пугался такъ, какъ когда влѣзъ въ окно и увидѣлъ его улыбающимся мнѣ, опустя голову на плечо. Это страшно потрясло меня. Я чуть не убилъ Тонгу, да и убилъ бы, еслибъ онъ не увернулся. Потому то онъ, по его словамъ, и оставилъ дубину и нѣсколько стрѣлъ, которыя, вѣроятно, и помогли вамъ напасть на нашъ слѣдъ, хотя я не понимаю, какъ вамъ удалось поймать насъ. Я не чувствую злобы противъ васъ. Но право же странно,—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой,—что я, имѣющій полное право на полмилліона, долженъ былъ провести одну половину жизни, строя волнорѣзъ на Андаманскихъ островахъ, и другую, роя канавы для осушенія почвы въ Дартморѣ. Дурной былъ тотъ день, когда я въ первый разъ увидѣлъ купца Ахмета и узналъ о кладѣ въ Агрѣ, который всегда приносилъ съ собой проклятіе своему владѣльцу. Ему онъ принесъ смерть, маіору Шольто страхъ и угрызенія, мнѣ—рабство на всю жизнь.

Въ эту минуту Этельней Джонсъ просунулъ голову и плечи въ крошечную каюту.

— Чисто семейное собраніе,—замѣтилъ онъ.—Я думаю, не выпить ли глотокъ изъ этой фляжки, Холмсъ? Ну, я полагаю, мы можемъ взаимно поздравить другъ друга. Жаль, что мы не взяли живьемъ того молодца, хотя нечего было дѣлать. Намъ еле удалось догнать ихъ.

— Все хорошо, что хорошо кончается,—сказалъ Холмсъ.— Но, конечно, я не зналъ, что у «Авроры» такой хорошій ходъ.

— Смитъ говоритъ, что она—одно изъ самыхъ быстроход-

ныхъ судовъ на рѣкѣ и что если бы у него былъ помощникъ, намъ бы не догнать ее. Онъ клянется, что ничего не зналъ о дѣлѣ въ Норвудѣ.

— Да, не зналъ!—крикнулъ нашъ плѣнникъ.—Я выбралъ его баркасъ, потому что зналъ, что у него самый быстрый ходъ. Мы ничего не говорили ему, а только хорошо платили и обѣщали еще больше, если доберемся до нашего корабля «Эсмеральда», въ Гревзэндѣ, отправляющагося въ Бразилію.

— Ну, если онъ ничего не сдѣлалъ дурного, то мы позаботимся, чтобы и съ нимъ не произошло ничего дурного. Хотя мы быстро ловимъ кого слѣдуетъ, но не торопимся осуждать.

Смѣшно было видѣть, какъ самонадѣянный Джонсъ уже напустилъ на себя важность по случаю поимки преступника. По легкой улыбкѣ на лицѣ Шерлока Холмса я увидѣлъ, что онъ не пропустилъ мимо ушей словъ полицейскаго.

— Мы сейчасъ будемъ у Вокзальнаго моста,—сказалъ Джонсъ,—и высадимъ васъ, вмѣстѣ съ кладомъ, докторъ Ватсонъ. Нечего вамъ говорить, что я беру на себя большую отвѣтственность. Это вполнѣ неправильно, но договоръ есть договоръ. Однако я долженъ, по обязанности, послать съ вами полицейскаго, такъ какъ у васъ такая драгоцѣнная поклажа. Вы, конечно, поѣдете въ кэбѣ?

— Да.

— Какъ жаль, что нѣтъ ключа и мы не можемъ составить инвентарь. Вамъ придется взломать ящикъ. Гдѣ ключъ, мой милый?

— На днѣ рѣки,—кратко проговорилъ Смолль.

— Гмъ! Напрасно вы дали намъ этотъ безполезный трудъ. И такъ у насъ достаточно дѣла благодаря вамъ. Однако, докторъ, я думаю, нечего предупреждать васъ, чтобъ вы были осторожны. Привезите ящикъ обратно въ улицу Бэкеръ. Вы найдете насъ по дорогѣ на станцію.

Меня высадили у вокзала, вмѣстѣ съ тяжелымъ желѣзнымъ ящикомъ и съ толстымъ, добродушнымъ полицейскимъ инспекторомъ. Черезъ четверть часа мы были у м-съ Сесиль Форрестеръ. Служанка, казалось, удивилась такому позднему посѣтителю. М-съ Форрестеръ уѣхала въ гости, объяснила она мнѣ, и, вѣроятно, вернется очень поздно. Но миссъ Морстэнъ въ гостиной, и потому я отправился въ гостиную съ ящикомъ въ рукахъ, оставивъ любезнаго инспектора въ кэбѣ.

Она сидѣла у открытаго окна въ платьѣ изъ бѣлой прозрач-

кой матеріи съ красной отдѣлкой у ворота, рукавовъ и у пояса. Мягкій свѣтъ отъ лампы подъ абажуромъ падалъ на откинувшуюся въ креслѣ фигуру, игралъ на ея миломъ, серьезномъ лицѣ и окрашивалъ тусклымъ металлическимъ свѣтомъ пряди густыхъ волосъ. Одна бѣлая рука безжизненно упала съ кресла и вся ея поза и фигура были полны меланхоліи. При звукѣ моихъ шаговъ она вскочила съ кресла и яркій румянецъ удовольствія и удивленія залилъ ея блѣдныя щеки.

— Я слышала, какъ подъѣхалъ кэбъ,—сказала она,—и подумала, что, можетъ-быть, м-съ Форрестеръ вернулась такъ рано, но никакъ не воображала, что это вы. Какія новости привезли вы мнѣ?

— Я привезъ вамъ нѣчто лучшее, чѣмъ новости,—сказалъ я, ставя на столъ ящикъ и говоря весело и громко, хотя на сердцѣ у меня было тяжело.—Я привезъ вамъ нѣчто, стоящее всѣхъ новостей въ мірѣ. Я привезъ вамъ богатство.

Она взглянула на желѣзный ящикъ.

— Это и есть кладъ?—спросила она довольно хладнокровно.

— Да, великій кладъ Агры. Половина его принадлежитъ вамъ, другая Таддеусу Шольто. Обоимъ вамъ придется на долю по двѣсти тысячъ! Подумать только! Годовой доходъ въ десять тысячъ фунтовъ. Мало найдется въ Англіи болѣе богатыхъ людей. Ну, не чудно ли это?

Я думаю, что я переигралъ и что она подмѣтила неискренность моего восторга и поздравленія, такъ какъ замѣтилъ, что она немного приподняла брови и странно посмотрѣла на меня.

— Если я получила богатство, то обязана этимъ вамъ,—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ я,—не мнѣ, а моему другу Шерлоку Холмсу. При всемъ добромъ желаніи я не могъ бы разрѣшить загадки, трудной даже для его аналитическаго генія. И то, одно время мы чуть было не потеряли слѣдъ.

— Пожалуйста, сядьте и разскажите мнѣ все, докторъ Ватсонъ,—проговорила она.

Въ короткихъ словахъ я разсказалъ ей все, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ:—оригинальный методъ Холмса, находку «Авроры», появленіе Этельнея Джонса, нашу вечернюю экспедицію и дикую охоту на Темзѣ. Она слушала мой разсказъ съ горѣвшими глазами и полуоткрытымъ ртомъ. Когда я говорилъ о стрѣлѣ, пролетѣвшей такъ близ-

ко отъ насъ, миссъ Морстэнъ такъ поблѣднѣла, что я испугался, что она упадетъ въ обморокъ.

— Это ничего,—сказала она, когда я поспѣшно налилъ ей воды въ стаканъ.—Прошло.—Мнѣ тяжело было услышать, что я подвергала моихъ друзей такой опасности.

— Дѣло прошлое,—отвѣтилъ я.—Я не буду больше разсказывать вамъ мрачныхъ подробностей. Обратимся къ болѣе пріятному, свѣтлому. Вотъ кладъ. Что можетъ быть пріятнѣе? Я выпросилъ позволеніе привезти его съ собой, думая, что вамъ будетъ интересно первой взглянуть на него.

— Какой хорошенькій ящикъ! — сказала она, наклонясь надъ нимъ.—Это, вѣроятно индійская работа?

— Да; работа Бенаресскаго мастера.

— А какой тяжелый! — вскрикнула она, пробуя поднять ящикъ.—Ящикъ самъ по себѣ, должно-быть, имѣетъ значительную цѣнность. Гдѣ ключъ?

— Смолль бросилъ его въ Темзу,—отвѣтилъ я.—Придется взять кочергу м-съ Форрестеръ.

Въ передней части ящика была задвижка въ видѣ изображенія сидящаго Будды. Я всунулъ подъ нее кочергу и поднялъ ее какъ рычагомъ. Задвижка открылась съ шумомъ. Дрожащими пальцами я откинулъ крышку и оба мы замерли отъ удивленія. Ящикъ былъ пустъ!

Нисколько не удивительно, что онъ былъ такъ тяжелъ. Внутри онъ былъ обложенъ желѣзомъ на двѣ трети дюйма. Ящикъ былъ массивный, основательно и прочно сдѣланный, какъ и долженъ быть ящикъ для перевозки дорогихъ вещей, но внутри не было и признака золота или драгоцѣнностей. Онъ былъ пустъ.

— Драгоцѣнности пропали, — спокойно сказала миссъ Морстэнъ.

Словно камень упалъ у меня съ души, когда я выслушалъ эти слова и понялъ ихъ значеніе. Я и не подозрѣвалъ, какъ меня угнеталъ этотъ кладъ изъ Агры, пока не спалъ этотъ гнетъ. Безъ сомнѣнія это было эгоистичное, нехорошее чувство, но я сознавалъ только, что золотая преграда между нами пала.

— Слава Богу!—ото всей души произнесъ я.

Она взглянула на меня съ мимолетной, вопросительной улыбкой.

— Почему вы говорите это?

— Потому что теперь вы стали доступной для меня,—сказалъ я, беря ее за руку, которой она не отняла.—Потому что

я люблю васъ, Мэри, такъ сильно, какъ когда-либо любилъ мужчина. Потому что этотъ кладъ, это богатство налагало печать молчанія на мои уста. Теперь, когда все это пропало, я могу сказать, какъ я люблю васъ. Поэтому-то я и сказалъ: Слава Богу!

— И я говорю: слава Богу,—прошептала она, когда я обнялъ ее.

Кто бы тамъ ни потерялъ кладъ, но я знаю, что въ этотъ вечеръ я нашелъ свое сокровище.

XII. Странная исторія Джонатана Смолля.

Очень терпѣливъ былъ полицейскій, сидѣвшій въ кэбѣ, такъ какъ прошло много времени, прежде чѣмъ я вернулся къ нему. Лицо его затуманилось, когда я показалъ ему пустой ящикъ.

— Вотъ те и награда!—мрачно проговорилъ онъ.—Нѣтъ денегъ—нѣтъ и платы. За сегодняшнее дѣло мы съ Самомъ Броуномъ получи бы по десяти фунтовъ, если бы тутъ оказался кладъ.

— М-ръ Таддеусъ Шольто—богатый человѣкъ,—сказалъ я,—онъ, во всякомъ случаѣ, поблагодаритъ васъ.

Но инспекторъ уныло покачалъ головой.

— Плохое дѣло,—повторилъ онъ,—и м-ръ Этельней Джонсъ будетъ того-же мнѣнія.

Его предположенія оказались справедливыми: сыщикъ сталъ очень мраченъ, когда, добравшись до улицы Бэкеръ, я показалъ ему пустой ящикъ. Холмсъ, арестантъ и Этельней Джонсъ только что пріѣхали, такъ какъ по дорогѣ заѣзжали въ участокъ. Мой пріятель сидѣлъ въ креслѣ съ обычнымъ разсѣяннымъ видомъ, а Смолль сидѣлъ противъ него, положивъ деревянную ногу на здоровую. Когда я показалъ пустой ящикъ, онъ откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

— Это дѣло вашихъ рукъ, Смолль,—сердито проговорилъ Этельней Джонсъ.

— Да, я спряталъ кладъ туда, откуда вамъ его никогда не добыть,—съ торжествомъ воскликнулъ онъ.—Это мой кладъ и если не мнѣ, то я позабочусь, чортъ возьми, чтобы онъ никому не достался! Говорю вамъ, никто не имѣетъ права на него кромѣ трехъ людей, живущихъ въ казармахъ для ссыльныхъ на Андаманскихъ островахъ, да меня. Я знаю теперь, что ни я, ни они не могутъ воспользоваться этимъ кладомъ. Я хлопоталъ столько

же за нихъ, сколько за себя. «Знакъ четырехъ»—былъ нашимъ общимъ девизомъ. Ну, я знаю, что и они сдѣлали бы то же самое и также скорѣе бросили бы драгоцѣнности въ Темзу, чѣмъ отдали бы ихъ роднымъ и близкимъ Шольто или Морстэна. Вѣдь мы работали для Ахмета, а не для того, чтобъ обогатить ихъ. Вы найдете кладъ тамъ же, гдѣ находится ключъ и маленькій Тонга. Когда я увидѣлъ, что вы догоняете насъ, я спряталъ его въ безопасное мѣсто. Вамъ не получить на этотъ разъ рупій.

— Вы обманываете насъ, Смолль,—строго сказалъ Этельней Джонсъ.—Если вы желали бросить кладъ въ Темзу, то вамъ легче было бы выбросить его вмѣстѣ съ ящикомъ.

— Мнѣ было бы легче выбросить, а вамъ найти,—отвѣтилъ онъ, искоса взглянувъ на насъ хитрымъ взглядомъ.—Человѣкъ, у котораго хватило ума выслѣдить и поймать меня, сумѣлъ бы и вытащить изъ рѣки желѣзный ящикъ. Ну, а теперь, когда драгоцѣнности разсѣяны миль на пять, это будетъ потруднѣе. Хотя тяжело мнѣ было сдѣлать такую штуку. Я чуть съ ума не сошелъ, когда вы поровнялись съ нами. Однако не стоитъ убиваться. Мало ли что случалось со мной въ жизни, но зато я научился, снявъ голову, по волосамъ не плакать.

— Дѣло очень серьезное, Смолль,—замѣтилъ сыщикъ.—Если бы вы, вмѣсто того, чтобы мѣшать правосудію, помогли ему, ваше положеніе было бы лучше, когда начнется процессъ.

— Правосудіе!—съ насмѣшкой проговорилъ бывшій каторжникъ. — Славное правосудіе! Чей былъ кладъ, какъ не нашъ? Въ чемъ было бы правосудіе, если бы я отдалъ его тѣмъ, кто не добывалъ его? Послушайте, сколько я хлопоталъ, чтобы добыть его. Двадцать лѣтъ въ болотѣ, гнѣздѣ лихорадокъ, цѣлый день въ работѣ подъ манговымъ деревомъ, всю ночь въ цѣпяхъ въ грязныхъ хижинахъ каторжниковъ, пожираемый москитами, дрожащій отъ лихорадки, оскорбляемый каждымъ проклятымъ черномазымъ полицейскимъ, всегда готовымъ покуражиться надъ бѣлымъ! Вотъ какъ я добывалъ кладъ Агры, а вы толкуете мнѣ о правосудіи, судѣ! Я не могу вынести мысли, что я заплатилъ такой цѣной за то, чѣмъ можетъ воспользоваться другой. Я предпочелъ бы скорѣй качаться на висѣлицѣ или получить въ шкуру одну изъ стрѣлъ Тонги, чѣмъ жить въ камерѣ каторжника и чувствовать, что другой спокойно живетъ во дворцѣ, распоряжаясь деньгами, которыя должны были принадлежать мнѣ.

Смолль бросилъ маску стоицизма и слова вырывались у него бѣшеннымъ вихремъ, тогда какъ глаза его горѣли, а кандалы звенѣли при страстныхъ движеніяхъ его рукъ. При видѣ его ярости и страстнаго возбужденія я понялъ, что ужасъ маіора Шольто, когда онъ узналъ, что обманутый имъ каторжникъ напалъ на его слѣдъ, имѣлъ вполнѣ естественное основаніе.

— Вы забываете, что мы ничего не знаемъ,—спокойно проговорилъ Холмсъ.—Мы не слышали вашей исторіи и не можемъ знать, насколько правосудіе могло быть на вашей сторонѣ.

— Ну, сэръ, вы ласково разговариваете со мной, хотя я и вижу, что именно вамъ я обязанъ этими браслетами на рукахъ. Но я не сержусь на васъ. Дѣло сдѣлано на чистоту. Если вы желаете выслушать мою исторію, я не имѣю причины умалчивать о ней. То, что я разскажу вамъ,—чистая правда, до единаго слова. Благодарю васъ, вы можете поставить стаканъ рядомъ со мной и я буду отхлебывать изъ него, если пересохнутъ губы.

«Я самъ изъ Ворчестера; родился вблизи Першора. Я думаю, и теперь, если заглянуть туда, тамъ найдется куча Смоллей. Я часто думалъ побывать тамъ, на родинѣ, но дѣло въ томъ, что я дѣлаю мало чести нашему имени и сомнѣваюсь, чтобы родные очень обрадовались при видѣ меня. Всѣ они были положительно богобоязненные люди, мелкіе фермеры, хорошо извѣстные и уважаемые во всемъ околоткѣ, а я всегда былъ немного бродягой. Наконецъ, когда мнѣ перевалило за восемнадцать, я пересталъ безпокоить ихъ, такъ какъ попалъ въ исторію съ одной дѣвушкой и мнѣ осталось только пойти въ солдаты и поступить въ 3-й пѣхотный полкъ, отправлявшійся въ Индію.

Однако мнѣ недолго пришлось пробыть въ солдатахъ. Я только научился маршировать и управляться съ мушкетомъ, какъ возымѣлъ глупость поплавать въ Гангѣ. Къ счастью для меня, сержантъ моего полка, Джонъ Хольдеръ, былъ въ это время въ водѣ, а онъ считался однимъ изъ лучшихъ пловцовъ на службѣ. На самой срединѣ рѣки на меня бросился крокодилъ и отнялъ мою правую ногу какъ разъ надъ колѣномъ такъ чисто, словно хирургъ. Отъ испуга и потери крови я потерялъ сознаніе и утонулъ бы, если-бъ Хольдеръ не подхватилъ меня и не доплылъ со мной до берега. Я пробылъ въ госпиталѣ пять мѣсяцевъ и когда, наконецъ, вышелъ съ этой деревяшкой, привязанной къ

сбрубку ноги, то очутился въ отставкѣ и негоднымъ ни къ какой дѣятельности.

Вы легко можете представить себѣ мое положеніе: стать безполезнымъ калѣкой на двадцатомъ году! Но вскорѣ оказалось, что мое несчастіе принесло мнѣ счастье. Нѣкто Авель Уайтъ, имѣвшій плантаціи индиго, нуждался въ надсмотрщикѣ надъ своими рабочими. Случайно онъ оказался другомъ нашего полковника, котрый принялъ во мнѣ участіе. Короче сказать, полковникъ далъ мнѣ хорошую рекомендацію, а такъ какъ приходилось больше ѣздить верхомъ, то моя нога не служила препятствіемъ, потому что я все же могъ держаться въ сѣдлѣ. Дѣло мое состояло въ томъ, чтобы объѣзжать плантацію, смотрѣть за работниками и докладывать о лѣнтяяхъ. Плата была хорошая, у меня было удобное помѣщеніе и я готовъ былъ бы провести всю свою жизнь въ разведеніи индиго. М-ръ Авель Уайтъ былъ добрый человѣкъ и часто заходилъ въ мою хижину, чтобы выкурить трубку. На чужбинѣ бѣлые люди относятся другъ къ другу дружелюбнѣе, чѣмъ дома.

Ну, и тутъ недолго везло мнѣ. Внезапно, безъ малѣйшаго предостереженія, разразился сильный мятежъ. За мѣсяцъ Индія казалась спокойной и мирной, какъ Серрей или Кентъ; а на другой—въ ней оказалось двѣсти тысячъ черныхъ дьяволовъ, выпущенныхъ на волю, и страна превратилась въ настоящій адъ. Вы, конечно, знаете все это, господа... вѣроятно, гораздо больше меня, потому что чтеніе не моего ума дѣло. Я знаю только то, что видѣлъ собственными глазами. Наша плантація находилась въ мѣстности, называемой Муттра, вблизи границы сѣверо-западныхъ провинцій. Ночь за ночью все небо освѣщалось заревомъ горѣвшихъ бунгало и день за днемъ черезъ наше имѣніе проходили маленькія кучки европейцевъ съ женами и дѣтьми на пути въ Агру, гдѣ находились ближайшіе войска. М-ръ Абель Уайтъ былъ упрямый человѣкъ. Онъ забралъ въ голову, что вся эта исторія преувеличена и пройдетъ такъ же быстро, какъ и возникла. Онъ сидѣлъ себѣ на верандѣ, потягивая виски и покуривая трубку, когда вся страна кипѣла вокругъ. Конечно, мы стояли за него, я и Доусонъ, который велъ книги Уайта, а жена его управляла домомъ. Ну, въ одно прекрасное утро насъ постигъ страшный ударъ. Я былъ на отдаленной плантаціи и вечеромъ медленно возвращался домой, какъ вдругъ взоръ мой упалъ на какую-то кучу на крутомъ пригоркѣ. Я подъѣхалъ посмотрѣть, что это, и помертвѣлъ

отъ холода, когда увидѣлъ жену Доусона, разрѣзанную на куски и полусъѣденнаго шакалами и собаками. Немного дальше на дорогѣ лежалъ самъ Доусонъ, мертвый, съ разряженнымъ револьверомъ въ рукѣ; а передъ нимъ лежали четыре сипая. Я остановилъ лошадь, раздумывая, куда мнѣ ѣхать, но въ это мгновеніе я замѣтилъ густой дымъ, поднимавшійся изъ бунгало Авеля Уайта, и пламя, пробивавшееся сквозь крышу. Я зналъ, что не могъ ничѣмъ помочь моему хозяину и только погубилъ бы собственную жизнь, вмѣшиваясь въ это дѣло. Оттуда, гдѣ я стоялъ, мнѣ были видны сотни черныхъ дьяволовъ, еще облеченныхъ въ красные мундиры. Они съ воемъ плясали вокругъ горящаго дома. Нѣкоторые изъ нихъ указали на меня и пара пуль просвистала надъ моей головой. Я поскакалъ по полямъ и поздно ночью очутился въ безопасности въ стѣнахъ Агры.

Но, какъ оказалось, и здѣсь не было полной безопасности. Вся страна походила на рой пчелъ. Гдѣ только англичане могли собраться въ маленькіе отряды, они удерживали за собою мѣстность, доступную обстрѣлу съ ихъ стороны. Въ другихъ же мѣстахъ они оказывались безпомощными бѣглецами. То была битва милліоновъ противъ сотенъ; и самое жестокое во всемъ было то, что тѣ, съ кѣмъ намъ приходилось сражаться—пѣхота, конница, артиллерія—были наши собственныя войска, обученныя нами, употреблявшіе въ дѣло наши орудія и наши сигналы. Въ Агрѣ былъ третій бенгальскій стрѣлковый полкъ, нѣсколько отрядовъ сейковъ, два конныхъ отряда и одна артиллерійская баттарея. Волонтеры изъ клерковъ и купцовъ образовали отдѣльный полкъ, въ который поступилъ и я, несмотря на мою деревянную ногу. Мы сдѣлали вылазку противъ мятежниковъ въ началѣ іюля, и нѣсколько времени удерживали ихъ напоръ, но порохъ у насъ вышелъ и намъ пришлось вернуться въ городъ.

Со всѣхъ сторонъ приходили самыя плохія вѣсти—да этому нечего было и удивляться; если взглянуть на карту, то ясно видно, что мы были въ самомъ центрѣ мятежа. Лукнау болѣе чѣмъ въ ста миляхъ къ востоку, а Каунпоръ почти настолько же къ югу. Отовсюду только и доносились вѣсти о пыткахъ, убійствахъ, насиліяхъ.

Городъ Агра обширенъ и кипитъ фанатиками и всевозможными свирѣпыми поклонниками дьявола. Горсточка нашихъ терялась среди узкихъ, извилистыхъ улицъ. Поэтому нашъ предводитель перешелъ черезъ рѣку и занялъ позицію въ старой крѣпости Агры. Не знаю, слышалъ ли или читалъ кто-либо изъ васъ

объ этой старой крѣпости. Это очень странное мѣсто—самое странное изъ видѣнныхъ мною, а много странныхъ уголковъ довелось мнѣ видѣть на своемъ вѣку. Во первыхъ, она громадныхъ размѣровъ. Я думаю, что внутренность ея занимаетъ множество акровъ. Есть и новая часть, гдѣ и помѣстился весь нашъ гарнизонъ, всѣ женщины, дѣти, запасы и все прочее, причемъ осталось еще много мѣста. Но новая часть ничтожна по величинѣ въ сравненіи со старой, куда никто не ходитъ и которая предоставлена скорпіонамъ и сороконожкамъ. Тамъ много большихъ пустыхъ залъ, извилистыхъ проходовъ и длинныхъ, запутанныхъ корридоровъ, въ которыхъ легко запутаться. Поэтому-то мало кто ходилъ туда. Только иногда отправлялись любопытные съ зажженными факелами.

Рѣка омываетъ фасадъ крѣпости и служитъ защитой ей, но по бокамъ и сзади много дверей, которыя, конечно, приходилось охранять какъ въ старой части зданія, такъ и въ занятой нашими войсками. У насъ было мало рукъ; людей еле хватало на то, чтобъ охранять углы зданія и заряжать ружья. Поэтому невозможно было поставить сильную стражу у каждыхъ изъ безчисленныхъ воротъ. Мы устроили центральную кардегардію въ серединѣ крѣпости, а при каждыхъ воротахъ ставили по одному бѣлому и по два-три туземца. Меня назначили охранять впродолженіе нѣсколькихъ часовъ маленькую уединенную дверь на юго- западѣ крѣпости. Два туземныхъ солдата были отданы мнѣ подъ команду и мнѣ было приказано въ случаѣ чего-либо стрѣлять изъ мушкета, причемъ ко мнѣ немедленно должна была явиться помощь изъ кордегардіи. Но такъ какъ она была въ добрыхъ двухстахъ шагахъ разстоянія отъ воротъ, а пространство между нами изрѣзано лабиринтомъ проходовъ и коридоровъ, я сильно сомнѣвался, поспѣютъ ли солдаты во время въ случаѣ атаки.

Ну, я очень гордился тѣмъ, что командовалъ своимъ маленькимъ отрядомъ, я—простой рекрутъ и къ тому же съ одной ногой. Двѣ ночи подрядъ дежурилъ я съ туземцами. Это были высокіе малые свирѣпаго вида, по имени Магометъ Сингъ и Абдулла-Ханъ, оба старые вояки, сражавшіеся нѣкогда противъ насъ. Они порядочно говорили по-англійски, но я не могъ заставить ихъ разговориться. Они предпочитали стоять вмѣстѣ и болтать всю ночь на своемъ странномъ нарѣчіи. Что касается меня, то я стоялъ за воротами, смотря на длинную, извилистую рѣку и на сверкающіе огни большого города. Бой барабановъ, звукъ

гонговъ, завыванія и крики мятежниковъ, упоенныхъ опіумомъ и шумомъ—все это напоминало намъ объ опасныхъ сосѣдяхъ на противоположной сторонѣ рѣки. Черезъ каждые два часа дежурный офицеръ обходилъ всѣ посты, чтобъ удостовѣриться, что все въ порядкѣ.

На третью ночь погода была мрачная и мокрая. Шелъ мелкій, пронизывающій дождь. Тяжело было стоять часъ за часомъ у воротъ въ такую погоду. Я снова попробовалъ было заставить разговориться моихъ сотоварищей, но безъ особеннаго успѣха. Въ два часа утра обходъ на нѣсколько минутъ прервалъ скуку ночи. Видя, что разговоръ не вяжется, я вынулъ трубку и положилъ мушкетъ на землю, чтобы зажечь спичку. Въ одно мгновеніе оба набросились на меня. Одинъ изъ нихъ схватилъ мое ружье и прицѣлился мнѣ въ голову, другой приставилъ мнѣ къ горлу большой ножъ и съ проклятіями проговорилъ сквозь зубы, что всадитъ его при малѣйшемъ моемъ движеніи.

Первою моею мыслью было, что эти люди въ заговорѣ съ мятежниками и что это начало нападенія. Если наши ворота очутятся во власти сипаевъ, крѣпость должна пасть, а женщины и дѣти подвергнутся тому же, что было въ Каунпорѣ. Можетъ-быть, вы, господа, подумаете, что я хочу защитить себя, но даю вамъ слово, что при мысли объ этомъ, несмотря на приставленный къ горлу ножъ, я открылъ ротъ, чтобы крикнуть на помощь, хотя бы это и стоило мнѣ жизни. Державшій меня человѣкъ, должно-быть, угадалъ мои мысли, такъ какъ въ ту минуту, какъ я рѣшился, онъ шепнулъ мнѣ: «Не дѣлайте шума. Крѣпость въ безопасности. На этой сторонѣ рѣки нѣтъ собакъ-мятежниковъ». Правдивость звучала въ его голосѣ и я зналъ, что я погибъ, если возвышу голосъ. Я прочелъ это въ карихъ глазахъ туземца. Поэтому я молча ждалъ, чего они хотятъ отъ меня.

— Выслушай меня, сагибъ,—сказалъ болѣе высокій и свирѣпый изъ двухъ, тотъ, кого называли Абдулла-Ханъ.—Ты долженъ или быть съ нами заодно, или умолкнуть навѣки. Дѣло слишкомъ важное для того, чтобъ кому-нибудь изъ насъ можно было колебаться. Или ты тѣломъ и душой будешь съ нами и поклянешься въ этомъ на крестѣ христіанъ или въ эту ночь твое тѣло будетъ брошено въ пропасть, а мы перейдемъ къ нашимъ братьямъ въ армію мятежниковъ. Средины нѣтъ. Что рѣшилъ—смерть или жизнь? Мы можемъ дать тебѣ только три

минуты на рѣшеніе, потому что время проходитъ, а все должно быть готово до слѣдующаго обхода.

— Какъ я могу рѣшить?—сказалъ я.—Вы не сказали, чего хотите отъ меня. Но предупреждаю васъ, что если вопросъ идетъ о гибели крѣпости, я не хочу имѣть ничего общаго съ вами, такъ что можете, если угодно, зарѣзать меня.

— Крѣпости это не касается,—сказалъ онъ.—Мы попросимъ тебя сдѣлать только то, для чего выѣзжаютъ сюда всѣ твои земляки. Мы хотимъ, чтобъ ты разбогатѣлъ. Если ты согласишься быть за одно съ нами въ эту ночь, мы поклянемся на лезвеѣ ножа съ тройной клятвой, которой никогда не нарушалъ ни одинъ изъ нашихъ, что ты получишь всю твою долю клада. Четвертая часть драгоцѣнностей будетъ принадлежать тебѣ. Лучшаго нельзя обѣщать.

— Но что это за кладъ?—спросилъ я.—Я такъ же, какъ и вы, готовъ разбогатѣть, если вы покажете мнѣ, какъ это сдѣлать.

— Такъ поклянись, — сказалъ онъ, — костями твоего отца, честью твоей матери, крестомъ твоей вѣры, не подымать руки и ничего не говорить противъ насъ ни теперь, ни позже.

— Я поклянусь въ томъ случаѣ, если крѣпость не будетъ въ опасности,—отвѣтилъ я.

— Ну, тогда я и мой товарищъ клянемся, что ты получишь четвертую часть клада, который будетъ поровну раздѣленъ между нами четырьмя.

— Но насъ только трое.—сказалъ я.

— Нѣтъ; Достъ Акбаръ долженъ также получить свою часть. Мы можемъ въ ожиданіи его разсказать тебѣ всю исторію. Постой у воротъ, Магометъ Сингъ, и дай намъ знать, когда онъ придетъ. Вотъ какъ обстоитъ дѣло. Я разскажу все, такъ какъ знаю, что клятва связываетъ и что мы можемъ довѣриться тебѣ. Будь ты лживый индусъ, хотя бы ты и поклялся всѣми благами въ ихъ лживыхъ храмахъ, кровь твоя обагрила бы ножъ, а тѣло очутилось бы въ водѣ. Но сейкъ знаетъ англичанина, а англичанинъ знаетъ сейка. И потому слушай, что я разскажу тебѣ.

«Въ сѣверныхъ провинціяхъ есть раджа, очень богатый, хотя владѣнія у него небольшія. Много онъ получилъ отъ отца и еще болѣе сберегъ самъ, потому что онъ низкій человѣкъ и любитъ болѣе припрятывать свое золото, чѣмъ тратить его.

Когда начались волненія, онъ вздумалъ дружить и со львомъ и съ тигромъ—съ сипаями и съ райями Компаніи. Но скоро ему показалось, что наступилъ день погибели бѣлыхъ людей, такъ какъ со всѣхъ угловъ страны онъ только и слышалъ, что о смерти и изгнаніи ихъ. Будучи осторожнымъ человѣкомъ, онъ составилъ планъ, чтобы во всякомъ случаѣ ему осталась половина его богатства. Все золото и серебро онъ удержалъ у себя, въ подвалахъ дворца но самые драгоцѣнные камни и лучшія жемчужины положилъ въ желѣзный ящикъ и отослалъ его съ вѣрнымъ слугой, который, подъ видомъ купца, долженъ былъ привезти кладъ въ крѣпость Агры и спрятать его тамъ, пока въ странѣ не наступитъ успокоеніе. Такимъ образомъ, въ случаѣ если побѣду одержатъ мятежники, у него должны остаться деньги; въ случаѣ же побѣды Компаніи будутъ спасены его драгоцѣнности. Раздѣливъ такимъ образомъ накопленное имъ богатство, онъ принялъ сторону сипаевъ, такъ какъ они были сильны на границахъ его владѣній.

«Мнимый купецъ, путешествующій подъ именемъ Ахмета, находится теперь въ городѣ Агрѣ и желаетъ пробраться въ крѣпость. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ мой молочный братъ, Достъ Акбаръ который знаетъ его тайну. Достъ Акбаръ обѣщалъ Ахмету проводить его сегодня ночью къ какимъ-нибудь боковымъ воротамъ крѣпости и избралъ тѣ, у которыхъ стоимъ мы. Онъ сейчасъ придетъ сюда и найдетъ здѣсь Магомета Синга и меня, поджидающихъ его. Мѣсто уединенное и никто не узнаетъ о его приходѣ. Свѣтъ не услышитъ болѣе о купцѣ Ахметѣ, а кладъ раджи будетъ раздѣленъ между нами. Что скажешь на это, сагибъ?»

Въ Ворчестерѣ человѣческая жизнь кажется великой и священной вещью, но все сильно измѣняется, когда вокругъ идетъ пальба и льется кровь и человѣкъ привыкъ каждую минуту стоять лицомъ къ лицу со смертью. Мнѣ было рѣшительно все равно, будетъ ли купецъ Ахметъ жить или умретъ, но при разговорѣ о кладѣ сердце у меня забилось и я подумалъ, сколько я могу, получивъ его, сдѣлать на родинѣ и какъ родные съ удивленіемъ будутъ смотрѣть на бездѣльника, вернувшагося домой съ набитыми золотомъ карманами. Поэтому я уже принялъ рѣшеніе. Но Абдулла-Ханъ подумалъ, что я колеблюсь и сталъ уговаривать меня.

— Подумай, сагибъ,—сказалъ онъ,—если комендантъ поймаетъ этого человѣка, его повѣсятъ или разстрѣляютъ, и никому

изъ насъ не достанется ни одной рупіи. Ну, а если мы заберемъ его, то почему же намъ не сдѣлать и остального? Драгоцѣнностямъ будетъ у насъ такъ же хорошо, какъ и въ сундукахъ Компаніи. Ихъ достаточно, чтобы каждый изъ насъ могъ стать богатымъ человѣкомъ. Никто не узнаетъ объ этомъ, такъ какъ мы тутъ отрѣзаны ото всѣхъ. Болѣе удобнаго положенія и не выдумать. Скажи же, сагибъ, желаешь быть однимъ изъ насъ или мы должны смотрѣть на тебя, какъ на врага?

— Я вашъ душой и тѣломъ,—сказалъ я.

— Это хорошо,—отвѣтилъ онъ, возвращая мнѣ мой мушкетъ.—Ты видишь, мы вѣримъ тебѣ, потому что твое слово нерушимо, какъ наше. Теперь намъ остается только ждать моего брата и купца.

— А вашъ братъ все знаетъ?—спросилъ я.

— Это его планъ. Мы пойдемъ къ воротамъ и будемъ дежурить вмѣстѣ съ Магометомъ Сингомъ.

Дождь продолжалъ идти, такъ какъ дождливое время только что начиналось. Тяжелыя, темныя тучи проносились по небу и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ не было ничего видно. Глубокій ровъ лежалъ передъ нашими воротами, но вода высохла во многихъ мѣстахъ и его легко было перейти. Мнѣ было страшно стоять съ двумя дикими туземцами въ ожиданіи человѣка, который шелъ на смерть.

Внезапно мнѣ бросилось въ глаза мерцаніе прикрываемаго фонаря по другую сторону рва. Свѣтъ исчезъ среди насыпей и снова появился, медленно подвигаясь въ нашемъ направленіи.

— Вотъ они!—вскрикнулъ я.

— Ты окликнешь его какъ по обыкновенію, сагибъ,—шепнулъ Абдулла.—Не испугай его. Пошли его въ крѣпость вмѣстѣ съ нами и мы устроимъ все, а ты останешься сторожить. Приготовь фонарь, чтобы мы могли убѣдиться, что это онъ.

Свѣтъ продолжалъ мелькать, то останавливаясь, то приближаясь, и, наконецъ, я увидѣлъ двѣ черныя фигуры на другой сторонѣ рва. Я далъ имъ спуститься по крутому берегу, пробраться по грязи и взобраться на полъ-дороги къ воротамъ и тогда окликнулъ ихъ.

— Кто идетъ?—тихо спросилъ я.

— Друзья,—послышался отвѣтъ. Я открылъ фонарь и направилъ на нихъ потокъ свѣта. Первый изъ незнакомцевъ былъ громадный сейкъ съ черной бородой, ниспадавшей почти до пояса. Я только на выставкѣ видалъ такихъ высокихъ людей. Дру-

гой былъ маленькій, толстый, круглый человѣкъ въ желтомъ тюрбанѣ съ узломъ въ рукѣ. Онъ, казалось весь дрожалъ отъ страха, потому что руки его лихорадочно подергивались, а голова съ маленькими блестящими глазками поворачивалась изъ стороны въ сторону, какъ у мыши, выглядывающей изъ норки. Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу при мысли, что онъ будетъ убитъ, но я подумалъ о кладѣ, и сердце у меня ожесточилось. Когда онъ увидѣлъ мое бѣлое лицо, онъ тихо вскрикнулъ отъ радости и побѣжалъ ко мнѣ.

— Покровительства, сагибъ, — задыхаясь, проговорилъ онъ,—покровительства несчастному купцу Ахмету. Я проѣхалъ по Раджпутанѣ, чтобъ найти пріютъ въ крѣпости Агра. Меня обворовали, били и оскорбляли за то, что я былъ другомъ Компаніи. Да будетъ благословенна эта ночь, въ которой я снова въ безопасности... я и мои скромные пожитки.

— Что это у васъ въ узлѣ?—спросилъ я.

— Желѣзный ящикъ,—отвѣтилъ онъ,—въ которомъ находятся нѣсколько фамильныхъ вещей, ничего не стоющихъ для другихъ, но которыхъ мнѣ жаль было бы потерять. Но я все же не нищій и награжу и тебя, молодой сагибъ, и твоего начальника, если онъ дастъ мнѣ пріютъ.

Я не могъ дальше разговаривать съ этимъ человѣкомъ. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на его толстое, испуганное лицо, тѣмъ ужаснѣе казалось мнѣ хладнокровно убить его. Лучше было скорѣе покончить съ этимъ.

— Возьмите его въ кордегардію,—сказалъ я. Оба стали по бокамъ, а гигантъ за ними и всѣ вошли въ мрачныя ворота. Никогда еще смерть не окружала человѣка такимъ тѣснымъ кольцомъ. Я остался у воротъ съ фонаремъ въ рукѣ.

Я слышалъ звукъ ихъ равномѣрныхъ шаговъ въ пустынныхъ коридорахъ. Внезапно онъ замолкъ и до меня донесся гулъ голосовъ и звукъ ударовъ. Мгновеніе спустя, къ моему ужасу раздались поспѣшные шаги, приближавшіеся по направленію ко мнѣ, и тяжелое дыханіе бѣжавшаго человѣка. Я направилъ свѣтъ фонаря вдоль длиннаго, прямого коридора и увидѣлъ толстяка, несшагося какъ вѣтеръ съ кровавымъ шрамомъ на лицѣ. За нимъ по пятамъ, припрыгивая, какъ тигръ, бѣжалъ высокій чернобородый сейкъ, со сверкающимъ ножомъ въ рукѣ. Никогда не видѣлъ я, чтобъ человѣкъ бѣжалъ такъ быстро, какъ этотъ маленькій купецъ. Вдругъ онъ сильно опередилъ своего преслѣдователя и я видѣлъ, что онъ могъ бы

еще спастись, если бы ему удалось пробѣжать мимо меня изъ воротъ. Сердце мое смягчилось было на одно мгновеніе, но мысль о кладѣ снова ожесточила его. Я бросилъ ему мушкетъ между ногъ и онъ упалъ, перекувырнувшись два раза, словно подстрѣленный кроликъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться, я бросился на него и дважды всадилъ ему ножъ въ бокъ. Купецъ упалъ, не испустивъ ни стона, не двинувъ ни однимъ мускуломъ. Я самъ думаю, что онъ могъ сломать себѣ шею при паденіи. Вы видите, господа, что я сдержалъ мое обѣщаніе: я говорю вамъ все, какъ было, благопріятны для меня эти показанія или нѣтъ».

Смолль остановился и протянулъ связанныя руки къ виски съ содовой водой, приготовленному Холмсомъ. Что касается меня, то, сознаюсь, я чувствовалъ величайшій ужасъ къ этому человѣку не только потому, что онъ такъ холодно выполнилъ планъ убійства, но, еще болѣе, потому, что тонъ его разсказа былъ легкомысленъ и равнодушенъ. Какого бы рода наказаніе ни ожидало его, я чувствовалъ, что онъ не можетъ разсчитывать на сочувствіе съ моей стороны. Шерлокъ Холмсъ и Джонъ сидѣли, положивъ на колѣни руки. Они казались серьезно заинтересованными, но то же выраженіе отвращенія отражалось на ихъ лицахъ. Должно-быть, онъ замѣтилъ это, потому что въ голосѣ и манерахъ его почувствовалось что-то вызывающее.

— Безъ сомнѣнія, все это было очень дурно,—сказалъ онъ.—Хотѣлъ бы я знать, многіе ли на моемъ мѣстѣ отказались бы отъ части этого клада, если бы знали, что за это имъ грозитъ опасность быть зарѣзанными. Потомъ вопросъ шелъ о томъ, кому оставаться въ живыхъ, мнѣ или ему, если онъ уже попалъ въ крѣпость. Если бы онъ вышелъ оттуда, все дѣло выплыло бы на свѣтъ Божій и меня притянули бы къ суду и, по всей вѣроятности, проговорили къ разстрѣлянію, потому что въ то время люди не были очень снисходительны.

— Продолжайте вашъ разсказъ,—коротко сказалъ Холмсъ.

— Ну, мы внесли его въ крѣпость, Абдулла, Акбаръ и я. И тяжелъ же онъ былъ, несмотря на небольшой ростъ. Магометъ Сингъ остался сторожить дверь. Мы пронесли его къ уже приготовленному мѣсту. Оно было нѣсколько въ сторонѣ, тамъ, гдѣ извилистый коридоръ ведетъ къ большой пустой залѣ, кирпичныя стѣны которой почти совсѣмъ обвалились. Земляной полъ опустился въ одномъ мѣстѣ, образовавъ естественную

могилу; тамъ мы и оставили купца Ахмета, прикрывъ его обвалившимися кирпичами. Покончивъ съ этимъ, мы отправились назадъ къ ящику.

Онъ лежалъ тамъ, гдѣ бросилъ его Ахметъ при первомъ нападенiи. Ключъ спускался на шелковомъ шнуркѣ съ ручки шкатулки.

Мы открыли ящикъ и свѣтъ фонаря упалъ на такое собранiе драгоцѣнностей, о которомъ я читалъ и мечталъ лишь когда былъ маленькимъ мальчикомъ въ Першорѣ. Блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Налюбовавшись вдоволь, мы вынули ихъ и переписали. Тутъ было сто сорокъ три бриллiанта чистѣйшей воды и между ними одинъ, какъ кажется, называемый «Великимъ Магометомъ»—какъ говорятъ, второй по величинѣ бриллiантъ на свѣтѣ. Затѣмъ девяносто семь очень хорошихъ изумрудовъ и сто семьдесятъ рубиновъ, изъ нихъ нѣкоторые очень маленькiе, сорокъ карбункуловъ, двѣсти десять сапфировъ, шестьдесятъ одинъ агатъ и большое количество бериловъ,ониксовъ, кошачьихъ глазъ, бирюзы и другихъ камней, названiе которыхъ я узналъ только впослѣдствiи. Кромѣ того тутъ было около трехсотъ прекрасныхъ жемчужинъ, изъ которыхъ двѣнадцать украшали собой золотую дiадему. Между прочимъ, этихъ жемчужинъ не оказалось въ ящикѣ, когда я снова нашелъ его.

Пересчитавъ наши драгоцѣнности, мы положили ихъ обратно въ ящикъ и отнесли къ воротамъ, чтобы показать Сингу. Затѣмъ мы снова торжественно поклялись стоять другъ за друга и хранить нашу тайну. Мы согласились спрятать нашу добычу въ безопасное мѣсто, пока страна не успокоится и затѣмъ раздѣлить ее поровну. Въ настоящее время не стоило дѣлить камней, такъ какъ появленiе у насъ такихъ драгоцѣнностей вызвало бы подозрѣнiя, а въ крѣпости не было мѣста, гдѣ мы могли бы держать ихъ втайнѣ. Поэтому мы отнесли ящикъ въ ту же залу, гдѣ мы спрятали тѣло, и тамъ подъ кирпичами въ сохранившейся стѣнѣ мы продѣлали отверстiе и положили туда нашъ кладъ. Мы тщательно замѣтили это мѣсто и на слѣдующiй день я начертилъ четыре плана для каждаго изъ насъ, а внизу поставилъ знаки четырехъ, такъ какъ мы поклялись, что всегда будемъ дѣйствовать одинъ за другого, чтобы никто не имѣлъ преимущества. Эту клятву я сдержалъ, въ чемъ могу поклясться, положа руку на сердце.

Мнѣ нечего говорить вамъ, господа, чѣмъ кончилось индiйское возстанiе. Послѣ того какъ Вильсонъ взялъ Дели, а сэръ

Колинъ освободилъ Лукнау, дѣло было проиграно. Свѣжія войска прибывали постоянно и Нана Сагибъ бѣжалъ за границу. Летучій отрядъ подъ начальствомъ полковника Гритхэда явился въ Агру и очистилъ городъ отъ мятежниковъ. Спокойствіе, казалось, водворилось въ странѣ и мы четверо стали надѣяться, что приближается время, когда намъ можно будетъ безопасно уйти съ нашей добычей. Но всѣ наши надежды разсѣялись въ одно мгновеніе: насъ арестовали, какъ убійцъ Ахмета.

Вотъ какъ это случилось. Когда раджа отдалъ свои драгоцѣнности въ руки Ахмета, онъ сдѣлалъ это потому, что зналъ его за вѣрнаго человѣка. Но восточные люди очень подозрительны; поэтому что же сдѣлалъ раджа? Онъ взялъ другого, еще болѣе вѣрнаго, слугу и заставилъ его шпіонить за первымъ. Второму слугѣ было приказано никогда не выпускать Ахмета изъ виду, и онъ слѣдилъ за купцомъ, какъ тѣнь. И въ ту ночь онъ пошелъ за нимъ и видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ ворота. Конечно, онъ подумалъ, что Ахметъ нашелъ пріютъ въ крѣпости, и самъ попросился туда на слѣдующій день, но не нашелъ и слѣда Ахмета. Это показалось такъ страннымъ слугѣ, что онъ разсказалъ одному изъ сержантовъ, а тотъ довелъ это до свѣдѣнія коменданта. Быстро сдѣлали обыскъ и нашли трупъ. Такимъ образомъ какъ разъ въ то время, когда мы считали себя въ безопасности, мы всѣ четверо были схвачены и привлечены къ суду за убійство—трое изъ насъ обвинялись потому, что стояли на часахъ у воротъ, а четвертый на томъ основаніи, что его видѣли въ обществѣ убитаго. На судѣ ничего не упоминалось о драгоцѣнностяхъ, потому что раджа былъ сверженъ и изгнанъ изъ Англіи, такъ что о нихъ некому было заботиться. Убійство же было очевидно ясно, такъ же и то, что мы были причастны къ нему. Трое сейковъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а я—къ смерти; но потомъ приговоръ былъ смягченъ и меня присудили къ такому же наказанію, какъ и товарищей.

Въ странномъ мы очутились положеніи. Мы были прикованы цѣпями другъ къ другу. У насъ было мало вѣроятности выбраться на свободу, а между тѣмъ каждый изъ насъ обладалъ тайной, воспользовавшись которой, мы могли бы жить во дворцахъ. Этого сознанія было достаточно для того, чтобъ грызть сердце человѣка, принужденнаго выносить пинки и побои всякаго надсмотрщика, ѣсть рисъ и пить воду, когда ему стоило протянуть руку, чтобъ получить громадное состояніе. Было съ чего сойти съ ума,

но я всегда былъ очень упрямъ и потому молчалъ и поджидалъ удобнаго времени.

Наконецъ, оно, казалось, наступило. Меня перевели изъ Агры въ Мадрасъ, а оттуда на островъ Блэръ, одинъ изъ Андаманскихъ острововъ. Въ этомъ поселкѣ бываетъ мало бѣлыхъ ссыльныхъ, а такъ какъ я съ самаго начала хорошо велъ себя, то скоро очутился въ нѣсколько привиллегированномъ положеніи. Мнѣ дали хижину въ Хоптаунѣ, маленькомъ мѣстечкѣ на склонѣ горы Гарріэтъ, и я часто оставался одинъ. Это была печальная мѣстность, изобилующая лихорадками и кишѣвшая, за нашими просѣками, дикими туземцами-людоѣдами, всегда готовыми бросить ядовитую стрѣлу. Приходилось копать землю и заниматься и другими работами, такъ что дѣла хватало на цѣлый день, но по вечерамъ у насъ бывало нѣсколько свободнаго времени. Между прочимъ я научился у хирурга составлять микстуры и нѣсколько познакомился съ его искусствомъ. Все это время я искалъ удобнаго случая для бѣгства; но мѣсто это лежитъ въ тысячахъ миль отъ всякаго другого, а вѣтры на морѣ дуютъ или очень слабо или ихъ вовсе не бываетъ, такъ что выбраться оттуда страшно трудно.

Хирургъ, д-ръ Сомертонъ, былъ веселый молодой человѣкъ, спортсмэнъ. Другіе молодые офицеры собирались у него по вечерамъ и играли въ карты. Комната, служившая аптекой, была рядомъ съ гостиной доктора, куда выходило маленькое окно. Часто, чувствуя себя одинокимъ, я тушилъ лампу въ комнатѣ и, стоя тамъ, слушалъ разговоръ офицеровъ и смотрѣлъ на ихъ игру. Я самъ люблю играть въ карты и наблюдать за ними было почти такъ же пріятно, какъ играть. Тутъ были маіоръ Шольто, капитанъ Морстэнъ и лейтенантъ Брумлэй Броунъ—командиры туземныхъ войскъ—самъ докторъ и два или три тюремныхъ надзирателя, опытные игроки, ведшіе осторожную, хитрую игру. Славная была партія.

Скоро меня поразила одна странность: офицеры всегда проигрывали, а штатскіе выигрывали. Замѣтьте, я не говорю, чтобъ игра велась нечисто, но какъ-то постоянно случалось такъ. Эти тюремщики только и дѣлали, что играли съ тѣхъ поръ, какъ поселились на Андаманскихъ островахъ, и каждый изъ нихъ отлично зналъ манеру играть другого, а офицеры играли только для того, чтобъ убить время, и бросали карты какъ попало. Вечеръ за вечеромъ офицеры становились все бѣднѣе, и чѣмъ бѣднѣе они становились, тѣмъ болѣе они играли. Хуже всѣхъ

дѣла шли у маіора Шольто. Сначала онъ расплачивался бумажками и золотомъ, а скоро сталъ давать векселя и на большую сумму. Иногда онъ выигрывалъ немного и это подбодряло его, а затѣмъ счастье снова, упорнѣе прежняго, отворачивалось отъ него. Цѣлыми днями онъ ходилъ, словно мрачная туча, и сталъ пить болѣе чѣмъ слѣдовало.

Однажды онъ проигралъ болѣе обыкновеннаго. Я сидѣлъ въ своей хижинѣ, когда, мимо нея спотыкаясь, прошелъ маіоръ Шольто съ капитаномъ Морстэномъ по дорогѣ къ себѣ. Они были неразрывные друзья. Маіоръ горячо говорилъ о своемъ проигрышѣ.

— Все кончено, Морстэнъ,—проговорилъ онъ въ ту минуту, какъ они поровнялись съ моей хижиной.—Мнѣ придется подать въ отставку. Я—погибшій человѣкъ.

— Глупости, дружище!—отвѣтилъ маіоръ, ударяя его по плечу.—И у меня дѣла плохи, но...

Вотъ все, что я слышалъ, но эти слова заставили меня задуматься.

Дня черезъ два маіоръ Шольто прогуливался по берегу; я воспользовался случаемъ и подошелъ къ нему.

— Я хочу спросить вашего совѣта, маіоръ,—сказалъ я.

— Ну, что такое, Смолль?—проговорилъ онъ, вынимая изо рта трубку.

— Я хотѣлъ спросить васъ, сэръ,—сказалъ я,—кому собственно надлежитъ передать спрятанный кладъ. Я знаю, гдѣ находится добра на полмилліона, и такъ какъ не могу самъ воспользоваться имъ, то и подумалъ, что, можетъ-быть лучше всего передать его надлежащимъ властямъ, тогда можетъ-быть, мнѣ смягчатъ наказаніе.

— Полмилліона, Смолль?—задыхаясь проговорилъ онъ и пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая убѣдиться, не шучу ли я.

— Да, сэръ... въ драгоцѣнныхъ камняхъ и жемчужинахъ. Онѣ лежатъ такъ, что всякій можетъ ихъ взять. И самое то странное во всемъ этомъ, что настоящій владѣлецъ осужденъ на изгнаніе и не имѣетъ правъ на имущество, такъ что оно принадлежитъ первому встрѣчному.

— Правительству, Смолль, — пробормоталъ онъ, — правительству.—Но онъ сказалъ эти слова заикаясь и я понялъ, что поймалъ его.

— Такъ вы думаете, сэръ, что я долженъ увѣдомить главнаго губернатора?—спокойно спросилъ я.

— Ну, ну, не дѣлайте ничего необдуманнаго, а то придется раскаяться. Я выслушаю васъ, Смолль. Сообщите мнѣ всѣ факты.

Я разсказалъ ему всю исторію, только немного измѣнивъ ее, чтобы онъ не могъ найти мѣста. Когда я окончилъ свой разсказъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и задумался. По судорогѣ, сводившей его губы, я видѣлъ, что въ немъ происходитъ сильная борьба.

— Это очень важное дѣло, Смолль,—наконецъ, проговорилъ онъ.—Никому не говорите ни слова, а скоро я снова повидаюсь съ вами.

Черезъ два дня онъ пришелъ ко мнѣ въ глухую ночь со своимъ другомъ, капитаномъ Морстэномъ.

— Я хочу, чтобы капитанъ Морстэнъ выслушалъ эту исторію отъ васъ самихъ, Смолль,—сказалъ онъ.

Я повторилъ раньше сказанное мной.

— Какъ кажется, правда, а?—сказалъ маіоръ.—Можно начать дѣло?

Капитанъ Морстэнъ утвердительно кивнулъ головой.

— Слушайте, Смолль,—сказалъ маіоръ.—Мы съ пріятелемъ переговорили и пришли къ заключенію, что ваша тайна врядъ ли касается правительства, а скорѣе ваше личное дѣло, которымъ вы, конечно, можете распорядиться какъ считаете лучшимъ. Ну, теперь вопросъ, какую цѣну просите вы за нее? Мы могли бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ нимъ, если бы намъ удалось сговориться.

Онъ пытался говорить хладнокровнымъ, безпечнымъ тономъ, но глаза его горѣли отъ волненія алчности.

— Ну, что касается этого, господа,—отвѣчалъ я, также стараясь прикинуться хладнокровнымъ, но чувствуя себя сильно взволнованнымъ,—человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ предложить только одно условіе. Я хочу, чтобы вы помогли освободиться мнѣ и моимъ тремъ товарищамъ. Тогда мы возьмемъ васъ въ компаніоны и дадимъ вамъ пятую часть, которую вы и раздѣлите между собою.

— Гмъ!—сказалъ онъ.—Пятую часть! это не очень соблазнительно.

— Придется по пятидесяти тысячъ на каждаго, — сказалъ я.

— Но какъ вамъ освободиться? Вы знаете, что просите невозможнаго.

— Нисколько,—отвѣтилъ я.—Я обдумалъ все до мельчайшей подробности. Единственное препятствіе состоитъ въ томъ, что у насъ нѣтъ лодки для путешествія и провизіи на долгое время. Въ Калькуттѣ или Мадрасѣ множество маленькихъ яхтъ и яликовъ. Привезите оттуда лодку. Мы сядемъ на нее ночью и если вы выпустите насъ гдѣ-нибудь на берегу Индіи, вы выполните свою часть условія.

— Если бы вы были одинъ,—сказалъ онъ.

— Никто или всѣ,—отвѣтилъ я.—Мы поклялись въ этомъ. Всѣ четверо должны дѣйствовать за одно.

— Видите, Морстэнъ, — сказалъ маіоръ, — Смолль — человѣкъ, умѣющій держать слово. Онъ не покидаетъ своихъ друзей. Я думаю, мы можемъ повѣрить ему.

— Это грязное дѣло,—отвѣтилъ капитанъ.—Но, какъ вы говорите, этими деньгами мы удержимъ за собой наши мѣста.

— Ну, Смолль,—сказалъ маіоръ,—я думаю, мы можемъ попробовать принять ваши условія. Сначала, конечно, нужно убѣдиться въ истинѣ разсказанной вами исторіи. Скажите мнѣ, гдѣ спрятанъ ящикъ, и я возьму отпускъ, отправлюсь въ Индію на лодкѣ, которая каждый мѣсяцъ отправляется за смѣной, и разузнаю все дѣло.

— Не такъ скоро,—сказалъ я, становясь холоднѣе по мѣрѣ того, какъ онъ разгорячался.—Я долженъ получить согласіе моихъ товарищей. Говорю вамъ, что у насъ четверыхъ все заодно.

— Глупости!—крикнулъ онъ.—Что за дѣло тремъ чернымъ до нашего договора?

— Черные или синіе,—сказалъ я,—я съ ними, и мы всѣ заодно.

Ну, дѣло окончилось вторымъ свиданіемъ, на которомъ присутствовали Магометъ Сингъ, Абдулла Ханъ и Достъ Акбаръ. Мы переговорили обо всемъ и, наконецъ, пришли къ соглашенію. Мы должны были дать офицерамъ планы извѣстной части крѣпости Агры и отмѣтить мѣсто въ стѣнѣ, гдѣ былъ скрытъ кладъ. Маіоръ Шольто долженъ былъ поѣхать въ Индію, чтобъ убѣдиться въ правдивости нашей исторіи. Если бы онъ нашелъ ящикъ, то долженъ былъ оставить его на мѣстѣ и выслать маленькую яхту и провизіи для путешествія къ острову Рутлэндъ, куда мы пробрались бы, а затѣмъ вернуться на служ-

бу. Затѣмъ попроситъ отпускъ капитанъ Морстэнъ, встрѣтитъ насъ въ Агрѣ, и тамъ мы произведемъ окончательный раздѣлъ дратоцѣнностей, причемъ онъ возьметъ и долю, приходящуюся маіору. Все это было запечатлѣно самыми торжественными клятвами. Я просидѣлъ цѣлую ночь за бумагой и чернилами и къ утру у меня были готовы два плана, подписанные знакомъ четырехъ—т. е. Абдуллой, Акбаромъ, Магометомъ и мною.

Ну, господа, я надоѣлъ вамъ съ моею длинной исторіей и знаю, что мой пріятель, м-ръ Джонсъ, жаждетъ упрятать меня въ кутузку. Буду кратокъ, насколько возможно. Негодяй Шольто уѣхалъ въ Индію и не возвратился оттуда. Капитанъ Морстэнъ показалъ мнѣ вскорѣ его фамилію въ спискѣ пассажировъ одного изъ почтовыхъ пароходовъ. У него умеръ дядя, оставившій ему состояніе, и онъ вышелъ въ отставку. Несмотря на это, онъ не побрезговалъ такъ обойтись съ нами пятерыми.

Морстэнъ вскорѣ послѣ того отправился въ Агру и, какъ мы и ожидали, увидѣлъ, что кладъ исчезъ. Подлецъ укралъ все, не выполнивъ ни однюго изъ условій, ради которыхъ мы открыли ему нашу тайну. Съ этого дня я жилъ только для мщенія. Месть стала моей всепоглощающей страстью. Я не думалъ ни о законѣ, ни о висѣлицѣ. Бѣжать, напасть на слѣдъ Шольто, схватить его за горло—было моей единственной мыслью. Даже кладъ потерялъ для меня свое значеніе передъ желаніемъ убить Шольто.

Много я принималъ рѣшеній въ жизни и не было ни одного, котораго бы я не исполнилъ. Но прошло много томительныхъ лѣтъ, пока мнѣ удалось исполнить это рѣшеніе. Я уже говорилъ вамъ, что пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ медицинѣ. Однажды, когда докторъ Сомертонъ лежалъ въ лихорадкѣ, группа каторжниковъ подняла въ лѣсу маленькаго обитателя Андаманскихъ острововъ. Онъ былъ при смерти и забрался въ уединенное мѣсто, чтобъ умереть тамъ. Я сталъ ухаживать за нимъ, хотя онъ походилъ на ядовитую змѣю, и черезъ два мѣсяца вылѣчилъ его настолько, что онъ сталъ ходить. Онъ привязался ко мнѣ и не хотѣлъ уйти въ свои лѣса, а постоянно бродилъ вокругъ моей хижины. Я выучился отъ него немного его нарѣчію и это еще болѣе привязало его ко мнѣ.

Тонга—такъ его звали—хорошо умѣлъ править лодкой и у него была своя собственная большая пирога. Когда я замѣтилъ, что онъ готовъ на все, чтобъ услужить мнѣ, я подумалъ о возможности бѣгства и переговорилъ съ нимъ. Онъ долженъ

былъ привести свою лодку къ старой пристани, гдѣ не было часовыхъ, и тамъ взять меня. Я приказалъ ему взять нѣсколько фляжекъ съ водой, большое количество кокосовыхъ орѣховъ и бермудскаго картофеля.

Онъ былъ храбръ и вѣренъ, маленькій Тонга. Никогда у человѣка не было болѣе вѣрнаго товарища. Въ назначенную ночь лодка его стояла у пристани. Но какъ разъ тамъ оказался одинъ изъ тюремщиковъ, дрянной человѣкъ, никогда не пропускавшій случая унизить и выругать меня. Я давно поклялся отомстить ему и теперь мнѣ представился случай исполнить свою клятву. Судьба какъ будто нарочно поставила его на моемъ пути, чтобы я могъ уплатить свой долгъ до отъѣзда. Онъ стоялъ на берегу, спиной ко мнѣ, съ карабиномъ на плечѣ. Я оглянулся, нѣтъ ли камня, чтобъ размозжить ему голову, но камня не было.

Тогда мнѣ пришла въ голову странная мысль—я нашелъ удивительное оружіе. Я присѣлъ въ темнотѣ и отвязалъ свою деревянную ногу. Въ три скачка я очутился около него. Онъ прицѣлился, но я ударилъ его изо всѣхъ силъ деревяшкой и снесъ всю переднюю часть черепа. Вы можете видѣть трещину въ деревѣ въ томъ мѣстѣ, которымъ я ударилъ его. Мы оба свалились на землю, такъ какъ я не могъ удержать равновѣсіе, но когда я поднялся—онъ лежалъ совершенно спокойно. Я направился къ лодкѣ и черезъ часъ мы были уже далеко въ морѣ. Тонга привезъ съ собой все свое имущество, оружіе и боговъ. Между прочимъ у него было и нѣсколько андаманскихъ цыновокъ изъ кокоса, изъ которыхъ я устроилъ нѣчто вродѣ паруса. Десять дней мы носились по морю, надѣясь на счастье, а на одиннадцатый насъ взялъ купеческій корабль, шедшій изъ Сингапура въ Думдда съ Малайскими пилигримами. Странная это была толпа, и Тонга, и я устроились между ними. У этихъ людей было одно очень хорошее качество: они оставили насъ въ покоѣ и ни о чемъ не разспрашивали.

Если бы я сталъ вамъ разсказывать всѣ наши приключенія, вы не поблагодарили бы меня, такъ какъ я задержалъ бы васъ до восхода солнца. Мы скитались по всему свѣту, но постоянно что-нибудь мѣшало намъ попасть въ Лондонъ. Однако все это время я не забывалъ моей цѣли. По ночамъ я видѣлъ Шольто. Сто разъ я убивалъ его во снѣ. Наконецъ, года три или четыре тому назадъ мы очутились въ Англіи. Мнѣ было нетрудно узнать мѣстожительство Шольто и тогда я сталъ узна-

вать, реализировалъ ли онъ свой кладъ или онъ все еще у него? Я познакомился съ однимъ человѣкомъ, который могъ помочь мнѣ—не называю именъ, потому что не хочу никого подводить—и скоро узналъ, что драгоцѣнности находятся еще у маіора. Потомъ я много разъ пробовалъ пробраться къ нему, но онъ былъ очень хитеръ и держалъ при себѣ всегда двухъ борцовъ, кромѣ сыновей и тѣлохранителя.

Но однажды я получилъ извѣстіе, что онъ умираетъ. Я поспѣшилъ въ садъ при его домѣ, внѣ себя отъ бѣшенства, что онъ уходитъ изъ моихъ рукъ и, заглянувъ въ окно, увидѣлъ его въ постели, по бокамъ которой стояли оба его сына. Я пробрался бы туда и сумѣлъ бы управиться со всѣми тремя, но сразу замѣтилъ, какъ у него вдругъ отвисла челюсть, и понялъ, что онъ умеръ. Ночью я все-таки забрался въ его комнату и перерылъ бумаги, въ надеждѣ, не найдется ли указаній на мѣсто, гдѣ онъ спряталъ свои сокровища. Однако не оказалось ни строчки и я ушелъ страшно огорченнымъ и взбѣшеннымъ. Прежде чѣмъ покинуть комнату я вспомнилъ, что если когда-либо мнѣ придется встрѣтиться съ моими друзьями-сейками, имъ будетъ пріятно узнать, что я оставилъ знакъ нашего мщенія; поэтому я нацарапалъ знакъ четырехъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ на планѣ, и прикололъ его къ груди мертвеца. Было бы ужъ слишкомъ, если бы его опустили въ могилу безъ какого-нибудь знака отъ людей, которыхъ онъ обобралъ и провелъ.

Все это время мы добывали себѣ пропитаніе, показывая бѣднаго Тонгу на ярмаркахъ и подобнаго рода мѣстахъ, какъ чернаго каннибала. Онъ ѣлъ сырое мясо и танцовалъ военный танецъ и къ концу вечера у насъ набиралась цѣлая шляпа мѣдныхъ монетъ. Я получалъ всѣ новости изъ Пондишерри, но нѣсколько лѣтъ ничего не было слышно за исключеніемъ того, что тамъ продолжаютъ искать кладъ. Наконецъ, произошло давно ожидаемое нами событіе. Нашли кладъ. Онъ казался на чердакѣ дома, гдѣ была химическая лабораторія м-ра Бартоломея Шольто. Я сейчасъ же явился туда, чтобы взглянуть на мѣсто, но не зналъ какъ взобраться съ моей деревяшкой на крышу. Однако я узналъ, что въ крышѣ есть подъемная дверь, узналъ также и часъ ужина м-ра Шольто. Мнѣ казалось, что Тонга легко можетъ справиться съ этимъ дѣломъ. Я привелъ его съ собой и обвязалъ его длинной веревкой вокругъ пояса. Тонга умѣлъ лазать, какъ кошка, и скоро спустился съ крыши въ комнату, но, на свое несчастье, Бартоломей Шольто былъ

еще тамъ. Тонга думалъ, что, убивъ его, онъ поступитъ чрезвычайно умно и потому, когда я поднялся вверхъ по веревкѣ, то нашелъ его гордо расхаживающимъ, какъ павлинъ. Онъ очень удивился, когда я ударилъ его концомъ веревки и проклялъ его, назвавъ кровожаднымъ чертенкомъ. Я взялъ ящикъ съ драгоцѣнностями и спустилъ его внизъ, а затѣмъ и самъ спустился на землю, оставивъ на столѣ знакъ четырехъ, чтобы показать, что кладъ достался наконецъ тѣмъ, кому онъ принадлежитъ по праву. Тонга тогда втянулъ вверхъ веревку, заперъ окно и ушелъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ.

Мнѣ кажется нечего больше разсказывать вамъ. Я слышалъ, какъ одинъ лодочникъ разсказывалъ о быстротѣ хода баркаса Смита «Аврора» и подумалъ, что онъ пригодится намъ для бѣгства. Я сговорился со старикомъ Смитомъ и долженъ былъ дать ему хорошую плату въ случаѣ, если онъ въ цѣлости доставитъ насъ на корабль. Онъ безъ сомнѣнія, догадывался, что дѣло нечистое, но не зналъ нашей тайны. Все это чистая правда и говорю ее вамъ, господа, не для того, чтобъ позабавить васъ—вѣдь нельзя сказать, чтобы вы оказали мнѣ хорошую услугу—но потому, что считаю, что лучшей защитой для меня будетъ, если я ничего не скрою; пусть весь свѣтъ знаетъ, какъ дурно поступилъ со мной маіоръ Шольто, и пусть знаетъ, что я неповиненъ въ смерти его сына.

— Замѣчательный разсказъ,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ.— Подходяще окончаніе чрезвычайно интереснаго дѣла. Въ послѣдней части вашего разсказа нѣтъ ничего новаго для меня за исключеніемъ того, что вы принесли веревку. Этого я не зналъ. Между прочимъ я надѣялся, что Тонга потерялъ свои стрѣлы, однако, онъ бросилъ одну въ насъ, когда мы были на баркасѣ.

— Онъ растерялъ ихъ всѣ, сэръ, за исключеніемъ одной, которая была у него въ той трубкѣ, изъ которой онъ ими стрѣлялъ.

— Ахъ, конечно,—сказалъ Холмсъ.—Я и не подумалъ объ этомъ.

— Имѣете ли вы предложить мнѣ еще вопросъ?—любезно освѣдомился каторжникъ.

— Кажется, нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ мой пріятель.

— Ну, Холмсъ,—сказалъ Этельней Джонсъ,—вы человѣкъ, котораго слѣдуетъ ублажать, и всѣ мы знаемъ, что вы знатокъ преступленій; но долгъ остается долгомъ и я запелъ нѣсколько

далеко, исполнивъ желаніе вашего друга. Я буду чувствовать себя спокойно, когда нашъ разсказчикъ будетъ подъ замкомъ. Кэбъ все еще ожидаетъ насъ внизу, а также и два инспектора. Очень обязанъ вамъ обоимъ за помощь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, господа,—сказалъ Джонатанъ Смолль.

— Вотъ и конецъ нашей маленькой драмы,—замѣтилъ я послѣ короткаго молчанія, во время котораго мы продолжали курить наши трубки.—Боюсь, что это мой послѣдній опытъ изученія вашего метода. Миссъ Морстэнъ сдѣлала мнѣ честь принять меня, какъ будущаго своего супруга.

Холмсъ испустилъ печальный вздохъ.

— Я боялся этого,—сказалъ онъ.—Право, не могу поздравить васъ.

— Есть у васъ причина быть разочарованнымъ моимъ выборомъ?—спросилъ я, нѣсколько обиженный этимъ.

— Ровно никакой. Я нахожу ее одной изъ самыхъ очаровательныхъ барышень, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Но любовь—чувство, а всякое чувство противоположно чистому, холодному разсудку, который я ставлю выше всего на свѣтѣ. Я самъ никогда бы не женился, чтобы не затемнить разсудка.

— Надѣюсь, что мой разсудокъ переживетъ это испытаніе,—со смѣхомъ отвѣтилъ я.—Но у васъ утомленный видъ.

— Да, реакція уже началась. Я буду настоящей тряпкой по крайней мѣрѣ на недѣлю.

— Странно,—сказалъ я,—какъ періоды того, что я назвалъ бы лѣностью въ другомъ человѣкѣ, чередуется у васъ съ припадками блестящей энергіи и силы.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—во мнѣ есть всѣ задатки бродяги и въ то же время добраго малаго. Я часто думаю о словахъ старика Гете: «жаль, что природа сотворила изъ тебя только одного человѣка; матеріала хватило бы и на достойнаго человѣка и на мошенника». Кстати, по поводу этого Норвудскаго дѣла; видите, вышло, какъ я предполагалъ, въ домѣ былъ сообщникъ, никто иной какъ дворецкій Лаль Рао, такъ что Джонсъ можетъ похвалиться, что одинъ поймалъ въ сѣти большую рыбу.

— Раздѣлъ несправедливый, однако, — замѣтилъ я. — Все это ваше дѣло. Я пріобрѣлъ себѣ жену, Джонсъ—почеть. Скажите, что же остается вамъ?

— Мнѣ остается еще бутылка кокаина,—сказалъ Шерлокъ Холмсъ, протягивая къ ней свою длинную, бѣлую руку.

КОНЕЦЪ.